

.....

Алексей Букалов

В зеркалах
воспоминаний

.....

В и с а л і с а

А л е т е й я

Алексей Букалов

В зеркалах воспоминаний

«Алетейя»

Букалов А. М.

В зеркалах воспоминаний / А. М. Букалов — «Алетейя»,

ISBN 978-5-00165-003-4

«Есть такой древний, я бы даже сказал, сицилийский жанр пастушьей поэзии – буколики, *bucolica*. Я решил обыграть это название и придумал свой вид автобиографического рассказа, который можно назвать “*bucolica*». Вот из таких «букаликов» и родилась эта книга. Одни из них содержат несколько строк, другие растекаются на многие страницы, в том числе это рассказы друзей, близко знавших автора. А вместе они складываются в историю о Букалове и о людях, которых он знал, о времени, в которое жил, о событиях, участником и свидетелем которых был этот удивительный человек. Рассказ был бы неполон без видеосвидетельств, книга содержит более 300 редких фотографий из личных архивов автора и его друзей, а также полученных из ТАСС и Ватикана.

ISBN 978-5-00165-003-4

© Букалов А. М.

© Алетейя

Содержание

В зеркалах далеких образов...	6
Предисловие к книге А. М. Букалова	7
Человек праздничного сознания (от редакции)	8
Путешествие по собственной жизни	10
Часть первая	10
Моя родословная	10
Из военного детства	11
Похороны Сталина	12
Доктор Томас	14
Как я стал «итальянцем»	15
Учительница главная моя	16
Дипломат	17
По карьерной лестнице – вниз	21
Почему вы нас так не любите?	21
Из дипломатов – в литсотрудники	23
В «Мире книг». Партийная Одиссея	24
Урок профессионального мастерства	26
Несостоявшаяся измена	27
«В мире книг». События, встречи, люди	27
Петух для Феллини	30
Моя коллекция вождей	31
Королевские игры	45
Три удара под дых	47
Как я ходил во власть	48
Мой Пушкин	50
Часть вторая	55
Семейные узы	55
Подарки от Юли	58
Дружба – понятие круглосуточное	66
Сказки для Асара Эппеля	66
Моя любимая Танечка	68
Этот крепкий кедровый орешек	69
Кто старое помянет...	70
Центр притяжения – Венеция	72
Как я дал прикурить Станиславскому	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Букалов А. М. В зеркалах воспоминаний

Моим сыновьям посвящаю

*Le anime delle persone si riflettono l'una
nell'altra come in uno specchio!*

Dante Alighieri

Души людей, как в зеркалах, отражаются друг в друге!
Данте Алигьери

В зеркалах далеких образов...

Книга, которую Вы собираетесь читать, наговорена моим мужем Алёшей Букаловым на магнитофон. Работать в компьютере становилось все труднее из-за катастрофически ухудшавшегося зрения. Благодаря моим друзьям и редакторам этой книги: Дмитрию Крупникову, Елене Бернаскони и Светлане Погодиной – воспоминания увидели свет.

Все, сказанное Алёшей, отражает его мысли, чувства, желания и поступки. Его воспоминания – это зеркало, в котором отразилось состояние его души.

Слова наших друзей, детей, коллег – это тоже зеркала далеких образов, иногда миражей, которые мы не в силах разглядеть, а иногда сознательно не видим. А иногда это зеркало становится увеличительным стеклом.

Неужели был прав Станислав Ежи Лец, который сказал: «Мемуары укрепляют память, но сокращают жизнь»?

Через полгода после последних слов, сказанных для этой книги, Алёши не стало...

Галина Слуцкая-Букалова

Предисловие к книге А. М. Букалова

Перед Вами последняя книга замечательного российского журналиста и писателя Алексея Букалова, изданная уже после кончины. Появлению сборника мы обязаны его супруге и самому близкому другу Галине Букаловой.

Почти три десятилетия своей творческой жизни А. Букалов посвятил Италии, из них 20 лет в качестве главы корпункта ТАСС в Риме. Для миллионов российских читателей А. Букалов не только открыл дверь в интеллектуальное пространство итальянской жизни, в интересную витиеватость ее политики, но и показал широкую и увлекательную панораму сегодняшней культуры Апеннинского «сапога». Его глазами россияне увидели богатую палитру духовного и творческого бытия итальянцев.

А. Букалов хорошо известен как исследователь творчества А. С. Пушкина и африканских корней великого поэта. Работая до Италии журналистом в странах Африки, он много путешествовал по местам предков А. С. Пушкина и собрал уникальный материал, ставший основой для интересной научно-популярной книги. Ее исследовательский результат – вывод о том, что реальные этнические корни А. С. Пушкина находятся не в Абиссинии, а на побережье озера Чад.

Много лет А. Букалов проработал в журналистском пуле Ватикана, часто встречался с последними тремя понтификами Римской католической церкви. Этому уникальному общению посвящена отдельная книга «С понтификами по белу свету», которая знакомит читателя со взглядами, в том числе и действующего Папы Франциска, на многие нравственные и этические проблемы и на обстановку в мире.

Отмечу, что эта книга основана на многолетнем личном общении и, я бы сказал, дружбе российского журналиста с Франциском. Когда А. Букалова не стало, глава Ватикана пошел на необычный для здешнего протокола шаг – опубликовал в католической прессе свое личное и очень теплое соболезнование.

Последняя работа – книга с короткими рассказами и мудрыми наблюдениями из жизни великих итальянских актеров, писателей, с которыми журналист общался в течение десятилетий. Друзья Алексея Михайловича окрестили их «букаликами». Отсюда и название этого милого и интересного сборника, замечательно передающего аромат и атмосферу Италии.

С мягким юмором Алексей Михайлович вспоминает интересные истории знакомств и дружбы с людьми, которые определили культурный образ сегодняшней Италии. Есть здесь и воспоминания о россиянах, сыгравших добрую роль в судьбе самого автора.

К Букалову всегда тянулись люди, он согревал душу, был по-пушкински легок в общении, щедр на товарищество и дружбу, терпелив, как мудрый учитель. Думаю, что все мы – друзья, коллеги и читатели этой книги – навсегда останемся его лицеистами.

Посол России в Ватикане

А. Авдеев

Человек праздничного сознания (от редакции)

Автора книги, которую вы держите в руках, называют легендой отечественной журналистики. Столь высокого символического звания Алексея Михайловича Букалова удостоили его коллеги по ТАСС, обычно сдержанные на комплименты. И это особенно дорого. Послужной список Букалова действительно впечатляет. Дипломат, переводчик, репортер, писатель, исследователь-пушкинист – одного из этих занятий достаточно, чтобы сделать профессиональную судьбу. Алексей Михайлович в каждой из них стал признанным специалистом. За сухими записями в трудовой книжке встает пройденный им огромный и сложный путь – от переводчика-синхрониста на II Московском международном кинофестивале и референта посольства СССР в Сомали до поста первого секретаря посольства СССР в Италии. Он переводил переговоры Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина с итальянскими и сомалийскими деятелями, сопровождал в поездках по Африке партийно-правительственные делегации во главе с советскими руководителями, Патриарха Московского и Всея Руси Пимена в паломничестве по эфиопским монастырям и храмам.

Без малого три десятилетия Букалов возглавлял представительство ТАСС в Италии и параллельно был аккредитован в Республике Сан-Марино и при Мальтийском суверенном Ордене. Тысячи его корреспонденций, ярких очерков и эссе, опубликованных в печати и звучавших по радио, позволили нашим соотечественникам особенно близко узнать эти страны. Целое поколение россиян увидело их его глазами – очень внимательными и зоркими. Как никто из коллег, Алексей Михайлович вдохновенно рассказывал русскому читателю об Италии, в которую был влюблен, об итальянцах, о русских в Италии, приобщал к тайнам Вечного города.

Профессионал высочайшего класса, Алексей Букалов на протяжении почти двух десятилетий был единственным российским журналистом, аккредитованным при Святом престоле. Без преувеличения можно сказать, что он ввёл российскую журналистику в довольно закрытое с информационной точки зрения пространство Ватикана. Допущенный в пресс-пул Папы Римского, он сопровождал понтифика на борту его спецсамолета, освещая заграничные апостольские визиты. Но писал Букалов не только о политике и дипломатии Ватикана. Алексея Михайловича связывали личные уважительные и дружеские отношения с тремя главами Римско-католической церкви – Иоанном Павлом II, Бенедиктом XVI и Франциском. Каждый из них ценил в российском журналисте не только глубокое понимание сложной межконфессиональной проблематики, но и его дипломатический талант, энциклопедические знания и невероятное человеческое обаяние. Этими качествами пронизана и уникальная книга Алексея Михайловича «С понтификами по белу свету».

Особое место в этой насыщенной жизни занимает литературоведческая работа, связанная с творчеством Пушкина. Правда, сам Букалов называл себя «любителем», а свои книги, посвященные русскому классическому – «записками журналиста». На деле же Букалов открыл целое направление в пушкинистике – «зарубежный Пушкин». Звучит парадоксально: ведь поэт никогда не выезжал за пределы отечества. Тем не менее «Пушкинская Италия», «Пушкинская Африка», «Роман о Царском арапе» – эти книги вызвали интерес не только поклонников творчества великого поэта. Их – что особенно важно – высоко оценили пушкиноведы, которые, как известно, болезненно и придирчиво относятся к любым попыткам посторонних прикоснуться к творчеству русского гения. Исследования Букалова специалисты признали уникальными. Они отметили их основательность и глубину, исключая малейшие ошибки и погрешности, и легкий, изящный стиль письма, словно окрашенный притягательным обаянием авторской личности.

Однажды известный писатель Владимир Войнович, который познакомился с семьей Букаловых в Риме и провел с ней несколько дней, сказал: «Вы, Алексей, человек праздничного

сознания». Очень точно сказал. Действительно, в тяжелые моменты – а их в жизни Букалова было немало – он проявлял невероятное самообладание и мужество и всегда искал повод для оптимизма. Сам же Алексей Михайлович со свойственным ему юмором прокомментировал это определение так: «Раньше это называлось восторженный дурак, а сейчас – человек праздничного сознания. Но я все равно благодарен за это определение, потому что оно соответствует тому, что я ощущаю, когда думаю о своей жизни. Несмотря на то что в ней было много драматичных поворотов, когда обстановка и жизненная ситуация складывались довольно сложно, все-таки, как сказал Пушкин, “судьба Евгения хранила”. Меня судьба хранила. Я считаю себя очень богатым и счастливым человеком. Если судьба одаривает тебя таким количеством замечательных друзей, таким количеством приключений и возможностью посмотреть этот мир, значит тебе уже повезло. Поэтому я с благодарностью отношусь ко всему, что давала мне судьба».

Как-то Алексей Михайлович поделился с друзьями: «Есть такой древний, я бы даже сказал, сицилийский жанр пастушьей поэзии – буколики. Я решил обыграть это название и придумал свой вид автобиографического рассказа, который можно назвать «букалики». Вот из таких «букаликов» и родилась эта книжка. Одни из них содержат несколько строк, другие растекаются на многие страницы. А вместе складываются в историю о людях, которых он знал, о времени, в которое жил, о событиях, участником и свидетелем которых был этот удивительный человек.

По мере работы над книгой содержание ее значительно расширилось. Кроме воспоминаний самого Букалова и его друзей, в нее решено было включить и материалы, хранящиеся в домашнем архиве и впервые увидевшие свет в этом издании.

Путешествие по собственной жизни

Часть первая

Журналист с дипломом дипломата

Моя родословная

Моя мама – ее звали Евгения Яковлевна Томас – очень гордилась тем, что в паспорте местом ее рождения написан город Мельбурн. Она родилась там 12 февраля 1918 года. Дело в том, что мой дед был в Австралии секретарем союза русских политэмигрантов, который возглавлял Артем Сергеев, ленинский соратник. Там, в Австралии, жила вся семья: бабушка, мамин старший брат и новорожденная мама. Потом они вернулись в Россию. В детстве у меня была такая патриотическая легенда: возвратились они потому, что в России произошла революция. Однажды я как-то непатриотично спросил: «А почему вы приехали обратно?» И мне объясняли, что тянуло на родину, ну, как... Штирлица (в анекдоте). На самом деле, точный ответ на свой вопрос я получил много лет спустя, когда уже работал в Италии. В Риме с нами жила мама, от которой я и слышал все наши семейные истории.

И вот в 2008 году я узнаю, что намечается девятидневная папская поездка Папы Римского Бенедикта XVI в Австралию. Главной ее целью было участие понтифика в ежегодном фестивале «Всемирные Дни католической молодежи». Я понимаю: вот он шанс – увидеть места, где родилась мама. Конечно, я просто обязан лететь, хотя перелет был непростой – без посадки, через Северный полюс. Самолет приземлился для заправки только на севере Австралии и полетел дальше, в Сидней, где проходили главные события.

Дни были насыщенными, работы, как обычно, много, а я всё думал, что обязательно должен добраться до Мельбурна, ведь у меня в жизни так много связано с этим городом.

В Сиднее меня всюду сопровождал коллега, живший в Австралии. А у него жена и дочка дома. И я говорю ему: «Побудь с семьей, я не пропаду». Он отвечает: «Вы не понимаете, вы в Риме живете. У вас в Риме – проходной двор. А к нам сюда никто не добирается». И он остался, а узнав мою тайную мечту, научил меня, как действовать.

Каюсь: я пошел на маленькую хитрость. В пресс-центре сообщил, что еду на мессу на Олимпийский стадион, даже заглянул в автобус, а когда он отъезжал, сказал коллегам, что остаюсь в пресс-центре. А сам – на такси, в аэропорт и в Мельбурн. В Мельбурне вышел из самолета, остановился и поклонился этому городу...

Меня пригласили в наше посольство прочитать лекцию о Ватикане, о Святом престоле, о папском визите. В завершение был ужин, и мне подарили книгу «Россия–Австралия: 200 лет». В ней я обнаружил циркулярное письмо лорда-министра внутренних дел Британской империи, адресованное всем колониям подмандатной территории. В нем говорилось, что после петроградских событий Октября 1917 года всех социал-демократов предписано выслать за пределы империи. Значит, деда никто не спрашивал, просто пришел фельдфебель и сказал: «Tomorrow morning, sir» – «Завтра утром, сэр». Ну а поскольку мама была совсем крошечная, они дотянули до последнего парохода и уехали.

А с Мельбурном, к слову сказать, связан забавный эпизод моей биографии. Как-то одна паспортистка, заполняя мамин паспорт, в графе «Место рождения» написала «Мельбуры». Так ей показалось. И я, поступая в Институт международных отношений, во избежание неприятностей, связанных с «родственниками за границей», тоже попытался написать в анкете место

рождения матери – Мельбуры. Однако референт, проверявший документы, моментально раскусил эту хитрость и сказал: «А вы напишите, в какой это области». Но шел 1958 год, уже началась хрущевская оттепель, и только благодаря этому я поступил в МГИМО...

Дед умер во время блокады Ленинграда, похоронен на Пискаревском кладбище. В годы войны он был инженером оборонного завода в Ленинграде. Зная историю своей страны, я, честно говоря, всегда удивлялся, что человек с такой биографией умер – пускай от голода, пускай во время блокады, – но в своей постели, а не там, где, по идее, должен был умереть, где-то в лагере или ссылке. Потом я узнал, что его взяли-таки в 1937 году.

Но дед нашел способ из Большого дома попросить кого-то позвонить одному из его бывших референтов. Дед был бакинский человек, в Баку подготавливал абитуриентов для поступления в вузы. Я так понимаю, что он преподавал математику, так как когда-то учился в Мюнхенском политехническом институте. И вот ему дали возможность позвонить по телефону его бывшему бакинскому абитуриенту. А вскоре раздался звонок из Москвы, и на следующий день деда выпустили. Этот человек был – не знаю, скажет ли вам что-то это имя, – Андрей Януарьевич Вышинский, генеральный прокурор СССР. Человек, который вел все процессы над троцкистами, над бухаринцами. Вот таким образом дед напомнил ему о себе...

Чтобы закрыть вопрос про Большой дом, расскажу любопытный эпизод, связанный с моей бабушкой. Она была художницей, окончила художественную школу в Лозанне. В Ленинграде работала на фабрике игрушек, делала рисунки для них. Жила она в огромной коммуналке. А ленинградская коммуналка – это совершенно особый мир. Я жил в московской коммуналке и знаю, что это тоже особый мир. Так вот, в декабре 1934 года, когда был убит Киров, поздним вечером за бабушкой приехал *воронок*, и ее забрали. Я не знаю, успели ли соседи поделить ее комнату – к тому моменту она одна жила, уже была в разводе с дедушкой. И вдруг на следующее утро на этом же воронке ее привезли обратно домой. Соседи бросились с расспросами: «Где ты была, что ты была?» И она рассказала, что ее привезли в эту самую контору, там было 20 человек – художники со всего Ленинграда и Ленинградской области, и всю ночь они рисовали портреты Кирова. Множительной техники же не было, а утром в Ленинград должен был приехать вождь народов, и на Невском проспекте должны были висеть портреты Кирова с траурной лентой. Вот художники и рисовали...

Из военного детства

Часто вспоминаю я самое яркое впечатление из своего детства, когда я впервые почувствовал желание обязательно увидеть другую жизнь и попасть в эту жизнь.

У меня было военное детство. Я родился в 1940 году в Ленинграде, но сразу же был увезен родителями, которые еще до моего рождения получили комсомольские путевки на Байкало-Амурскую магистраль, в город Улан-Удэ. Оба они были врачами, окончили Первый медицинский в Ленинграде. Мама была врачом общего профиля, как они это называли. Потом произошло событие, которое изменило ее профессиональную судьбу и которому я обязан своим появлением: умерла их дочка, моя старшая сестра, Галочка, и тогда они решили привести на свет меня, а мама взяла специальность детского врача. И осталась детским врачом на всю жизнь.

Началась война. Отца призвали на фронт, а мы с мамой остались в Улан-Удэ. Жили в железнодорожном поселке, окруженном бурятскими юртами, в небольшой комнатке, в двухэтажном домике. Однажды в какой-то праздник мама взяла меня в гости «к очень интересному человеку», как она сказала. Это был Вольф Мессинг, знаменитый маг и волшебник, который находился в Улан-Удэ в эвакуации. Он ухаживал за мамой. Я так думаю. И вот из своего поселка с юртами я попал в городскую квартиру. Мне было, наверное, года четыре. Я помню, что на паркете стоял рояль а рядом с роялем – большой глобус. Взрослые шумели, шутили,

гуляли, а я забился под этот рояль и оттуда смотрел: во-первых, на глобус, во-вторых, на эту яркую жизнь. История эта мне запомнилась навсегда как волшебный кусочек из другой жизни.

А потом с фронта вернулся отец – он был военврач – и сообщил, что у него, как это часто бывало на войне, появилась другая жена, медсестра. Мама его не приняла, не простила. Мы уехали из Улан-Удэ, но не в Ленинград, а в Москву, где и началась моя сознательная жизнь. Конечно, я много бывал в Ленинграде, но родиной своей могу считать его лишь условно.

Похороны Сталина

Дети, как я заметил, очень любят слушать семейные истории. Иногда даже больше, чем сказки. Во всяком случае, маленький Алешка (сын Гали от первого брака) время от времени требовал от меня рассказов о моем детстве. Смешно округлив от удивления глаза, он слушал о нашей огромной коммунальной 13-й квартире, где мы жили. 13-я квартира стала для нас таким нарицательным названием. Квартира была недалеко от улицы Горького, в Гнездниковском переулке, где сейчас находится Министерство культуры, на 2-м этаже. Это, видимо, бывший бордель, потому что там было 18 комнат, одна кухня, один санитарный блок. В мою бытность там жили 48 человек. Алешке трудно было это понять, а я говорил, что мы жили, как все.

Помню, я рассказывал, как вся квартира плакала, когда умер Сталин. «Вся плакала?» – недоверчиво спросил Алёшка. «Конечно». – «И ты плакал?». – «И я плакал». И тогда он спросил: «А когда Ленин умер, ты тоже плакал?» Я про себя улыбнулся: маленькому Алешке временные понятия были еще недоступны. Я ответил ему, что не помню, плакал или нет, но когда умер Александр Македонский, я рыдал навзрыд...

А похороны Сталина я очень хорошо запомнил. В стране был объявлен четырехдневный траур. Школа закрыта, уроков нет, и мы с друзьями решили пойти в Колонный зал, где был установлен гроб. Надо попрощаться. И вообще посмотреть. И я попал в ту страшную давку на Трубной площади, которую так впечатляюще воссоздал Евгений Евтушенко в фильме «Похороны Сталина». Она образовалась потому, что бульвары были перекрыты грузовиками, чтобы народ не проник на эту площадь. А очередь шла очень плотно. Я помню, например, что я какое-то время даже не шел, а меня несли... А толпа все нажимала и давила, пока не прорвала оцепление, лошади охраны испугались и понеслись в толпу. Все это – толпа с лошадьми и людьми – ударила в Трубную улицу, сбила меня с ног. Хорошо помню: когда упал, я увидел, что весь асфальт (или там был булыжник?) покрыт галошами, перчатками, очками, шапками... Там валялось всё. Я ничего не мог сделать, не мог пошевелиться и громко – как только мог – закричал: «Мама!» Вдруг солдат, который бежал вдоль бульвара, к Пушкинской, схватил меня за руку, вырвал из людской гущи и выбросил на газон. И спас меня. Он побежал дальше, а я стоял и пытался отдышаться. Я очень боялся идти домой, потому что потерял галоши. Но меня никто даже не спросил, что со мной произошло. А на следующий день мы снова пошли к Колонному залу, но уже не таким чудовищным путем – через бульвары, а через дворы, перепрыгивая по крышам. Один человек на наших глазах соскользнул вниз, но он был не из нашей компании, и я не знаю, что с ним случилось. А мы всё-таки добежали, вышли на Никольскую улицу, а оттуда совсем рядом Пушкинская, Колонный зал. И я прошел мимо вождя, слушал траурную музыку, которая звучала не переставая. Так что точно могу сказать, что видел Сталина в гробу.

Спустя много лет, уже будучи студентом Института международных отношений, я вновь прикоснулся к Сталину. Во время учебной практики я работал переводчиком с делегацией итальянских коммунистов. В их программе была поездка на одну из сталинских дач, известную как «Ближняя», или «Кунцевская». Она находилась недалеко от села Волынское. Теперь эта территория входит в состав Москвы в районе «Фили-Давыдково», близ парка Победы на Поклонной горе. После смерти Сталина эту дачу – а он здесь и скончался – собирались пре-

вратить в музей: сделать как Горки Ленинские – Волынское Сталинское. Но после XXII съезда КПСС от этих планов отказались.

Однако там ничего не изменилось. Между первым и вторым этажами поднимался лифт – для вождя. И отдельно ходил лифт с едой. Я очень хорошо запомнил эту дачу, потому что две вещи меня особенно поразили. Прежде всего, несколько одинаковых зеленых диванов, стоявших в двух комнатах на первом этаже. Почему? Объяснение дал молодой человек по имени Генрих Смирнов, сопровождавший делегацию. Он работал в ЦК партии, здесь был не первый раз и какие-то вещи знал хорошо. Дело в том, что Сталин никогда не использовал ту кровать, которую ему стелили перед сном. Спать вождь ложился, как известно, под утро. И когда охрана уходила, сам перетаскивал постель на другое место. Потому что никому не доверял – мало ли что там подложат.

Второе, что меня поразило, это гостиная. Знаменитая гостиная, где собиралась сталинская команда. Она многократно описана. В частности, Николаем Сизовым, бывшим директором «Мосфильма» в рассказе «Ночью в Волынском», написанном после того, как его вызвали на дачу для участия в таком «собрании». Описал гостиную и разговор с товарищем Сталиным и югославский коммунист, один из доверенных сотрудников Ио-сипа Броз Тито – Милован Джилас. Он тоже был приглашен на ночное застолье и вкусно описал стол, похожий на скатерть-самобранку. К нему каждый подходил и набирал себе угощение. Отдельно стоял столик с напитками всех стран мира – шотландский виски, французские коньяки и прочее. Было, конечно, большое количество и грузинских вин. Сталин жестом хозяина предложил Джиласу выбрать всё, что тот пожелает выпить. Джилас попросил пива. Я помню, меня это потрясло: тебя Сталин угощает, ну возьми что-нибудь из этого изобилия, а он попросил пива. Сталин позвал солдата, который это пиво и принес...

И вот теперь я находился в этой гостиной. Оглядывал мебель, столы – все сохранилось, но без напитков, представил себе картинки на стенах, вырезанные из «Огонька», – вождь любил развешивать такие картинки. Кстати, все это очень интересно и довольно точно показано в фильме «Падение Берлина». Советский фильм о победе, где Сталин читает стихи.

На любимой даче вождь жил как отшельник, всего боялся. Там провёл он те ужасные дни начала войны, когда пришел в состояние страшного смутения и не смог выступить перед народом. Выступил Молотов, начав словами: «Граждане и гражданки Советского Союза!» Этот факт – «о том, что началась война, сказал нам Молотов в своей известной речи» – напомнил Владимир Высоцкий в песне «Про Сережу Фомина», парня, подленько увильнувшего от войны. А как интересно начал свое выступление по радио Сталин, когда пришел в себя и 3 июля 1941 года обратился к советскому народу: «Товарищи! Граждане!» И, словно вспомнив свое семинарское прошлое и несмотря на свою жесткую, даже жестокую политику в отношении церкви, добавил: «Братья и сестры!» Вождь понимал, что такие слова дойдут до глубины души каждого человека, смогут в тяжелый час поднять людей на защиту Отечества.

Вот такие мысли мелькали у меня на сталинской даче.

Наши гости – итальянские коммунисты, с которыми мы работали, были поклонниками Сталина. Даже несмотря на разоблачение культа личности. Да и теперь в Италии очень много сталинистов. Как ни странно, и у нас его почитателей сейчас становится больше и больше.

Как относились к Сталину в моей семье? Ну, отчим был человек простой. Никогда со мной ни о чем не разговаривал, а когда умер Сталин, повесил его траурную фотографию из Колонного зала, опубликованную в «Огоньке», на стену в 13-й квартире. А вот отношение моего дяди – маминого брата – для меня психологическая загадка.

Дядя учился в Ленинграде в Высшем военно-морском инженерном училище имени Ф. Э. Дзержинского. Когда он был на втором курсе (думаю, это был 1938 год), арестовали его близкого друга, товарища по общежитию Андрея. Дело в том, что тот скрыл свое ужасное помещичье происхождение. Дядька пошел в партком и поручился за товарища своим партбиле-

том. Ему сказали: «Мы разберемся». И разобрались. Дядю арестовали. В ссылке он оказался в Красногорске, на берегу Каспийского моря, трудился в шарашке, строил корабли на подводных крыльях. Освободился только после войны. К этому времени успел заработать малую золотую медаль за проект подводной лодки. Жил в Горьком, работал инженером, иногда приезжал в командировку в Москву. Приходил к нам. Но кроме своих служебных дел, ходил по инстанциям, добивался полной партийной реабилитации. В конце концов, получил значок «Ветеран КПСС»: в партийный стаж ему засчитали и несправедливо присужденный лагерный срок. Гордый, пришел он с этим значком. Я не стал с ним обсуждать его успехи. Позже он написал книгу воспоминаний о своем отце – моем деду. И умер, будучи убежденным сталинистом. Даже собственная горькая судьба не отражалась на его отношении к вождю. Вот это и есть та психологическая загадка, которая всегда занимала меня.

Доктор Томас

Пациенты называли ее доктором от бога, и это было правдой. Евгения Яковлевна Томас была прекрасным диагностом, откликалась на каждый вызов в любое время суток, никому никогда не отказывала в консультации, не боялась браться за самые сложные случаи. Она любила людей, и люди отвечали ей взаимностью, на долгие годы сохранив о ней добрую память. Нередко бывало, что ее имя всплывало в самой неожиданной компании.

Однажды наши друзья затащили нас в гости к своим знакомым. Сидим, вкусно едим, беседуем. Я мельком взглянул на часы – было время позвонить маме, как я обычно это делал. Я извинился, сказал, что на секундочку выйду, и шепнул Гале: «Позвоню доктору Томас, узнаю, как она и что». Когда я вышел, хозяйка дома спросила: «Доктор Томас – это кто?» Галя говорит: «Это Алешина мама. Почему вы спрашиваете?» – «Ее зовут Евгения Яковлевна?» – «Да». – «Она спасла нашего мальчика. Врачи уверяли, что ему обязательно нужно делать операцию на сердце. Для решающей консультации к нам привезли кардиолога доктора Томас. Она сказала: это шумы, которые не имеют отношения к жизненным функциям, и никакой операции делать не надо. И сына не стали резать».

Еще я помню, как мы приехали в академический поселок под Москвой в гости к ее приятельнице Агнии Львовне Барто. Мы шли по просеке, и отовсюду, даже с деревьев, сыпались детские голоса: «Здравствуйте, Евгения Яковлевна!» Это были ее маленькие пациенты.

Растрогала меня и другая история, связанная с памятью о докторе Томас.

В Италию приехал Евгений Примаков, бывший тогда директором Службы внешней разведки России. В его честь посол Николай Николаевич Спасский, по прозвищу CNN, устроил в нашей резиденции приватный ужин – местные разведчики, советчики, всего шесть человек. Каким-то образом я тоже попал на него. Обстановка была очень теплая и сердечная. Примаков что-то замечательно рассказывал, он прекрасный рассказчик – ему есть что рассказать и есть что вспомнить. Мы сидим, слушаем. И вдруг Евгений Максимович говорит: «Я хочу предложить неожиданный тост». Все насторожились. «Я хотел бы выпить за матушку Алексея Михайловича, за доктора Томас Евгению Яковлевну, самого лучшего детского врача Москвы и Московской области». Я был потрясен. Я понимаю, у Примакова прекрасная память. Не только профессиональная. Я знаю, что моя мама когда-то лечила примаковских детей, в том числе и его сына Сашу, у которого было слабое сердце. Но сколько лет минуло с тех пор, сколько произошло событий – больших, важных и не очень, а он сохранил добрую память о детском докторе. В благодарность за эту память я на следующий день сводил московского гостя на выставку одной картины. По-моему, это была выставка Караваджо.

Но судьба доктора Томас складывалась не так уж безоблачно. В конце 1940-х – начале 50-х годов набирало обороты так называемое дело врачей. Крупнейших специалистов-медиков обвиняли в организации антисоветского «сионистского» заговора против высокопостав-

ленных лиц ЦК КПСС и видных членов коммунистической партии. Газеты разжигали страсти, рассказывая о вредительских деяниях докторов. К людям в белых халатах, особенно с еврейскими фамилиями, стали относиться с опаской и подозрением. Потому что вдруг оказалось, что рядом со словом «врач» стоит слово «убийца».

Доктор Томас, как я уже говорил, работала в поликлинике Академии наук, где был соответствующий контингент. Но и там она, несмотря на высокую репутацию и авторитет, на себе ощутила отчуждение людей: пациенты просто перестали ходить к ней на приём. Помню один неприятный момент, который тогда очень задел меня. Мой школьный приятель Валера Калашников передал мнение своей мамы (она была, кажется, педикюршей), что я неподходящий друг для него, Валеры. Правда, нашей дружбе это не помешало, но осадок остался.

Примерно тогда же – во время борьбы с космополитизмом – фамилия перекрыла доктору Томас дорогу в аспирантуру, хотя у нее была очень интересная работа, связанная с исследованием, кажется, детской бронхиальной астмы, не помню точно. Она всю жизнь училась, ходила на какие-то курсы, совершенствовалась в профессии, хотела защитить диссертацию.

Доктор Томас очень достойно принимала все жизненные удары и неприятности. Когда Сашка, мой младший брат, уехал в Америку, ей пришлось уйти из академической больницы. Но она не опустила рук, продолжала работать, теперь уже в городской поликлинике кардиологом. И принесла очень много добра людям. Жизнь она прожила длинную, красивую. Похоронена здесь, в Риме. На памятной доске ее написано: «Доктор Томас. 1918, Мельбурн – 2014, Рим». Я считаю, что у неё замечательная биография.

Как я стал «итальянцем»

В МГИМО я хотел поступить только на скандинавское отделение. Не потому, что меня так уж привлекали скандинавские страны. Просто у нас в школе был один мальчик, который хорошо учился и поступил в МГИМО именно на скандинавское отделение. А ведь старшие товарищи – это всегда пример. И когда я уже сдал успешно экзамены, нужно было написать заявку-просьбу – на какое языковое отделение ты претендуешь. Я, естественно, написал «скандинавское» и спокойно уехал куда-то перебирать книги – институт отправлял будущих студентов на такую работу-практику. Потом три недели провел на юге и вернулся к началу учебного года, к общему собранию первокурсников.

Был 1958 год, Институт международных отношений только что объединился с Институтом внешней торговли. Видимо, таким объединением была вызвана и реорганизация учебной программы. Но мы-то этого не знали. Помню, как я подошел к доске со списками отделений и не нашел скандинавского. А нет скандинавского – значит, нет и меня. И пока я, оглушенный, стоял, ничего не соображая, кто-то из моих будущих сокурсников крикнул: «Да вот же ты, Букалов! Посмотри! Ты в итальянском отделении».

Ну и я, не раздумывая, поскольку был, наверное, наглый, помчался в деканат, к начальнику курса. У каждого курса в МГИМО был начальник – этакий Иван Палыч. Он ходил в военной форме, но без знаков отличия, демобилизованный. И дисциплина на курсе называлась «Иван Палыч дисциплина». Я этого ничего не знал, подошел и довольно самоуверенно сказал: «Иван Палыч, я вот писал на скандинавское отделение, а нету там такого». Он спрашивает: «Как твоя фамилия?» – «Букалов». – «А ты школьник?» – «Школьник». Школьников нас среди первокурсников было очень мало. В основном – демобилизованные из армии, люди со стажем работы. И он: «Тебя записали в итальянское отделение?» – «Там так написано». – «У нас вообще-то школьников пишут на сложные языки, на восточные. Значит, давай сделаем так: я считаю до трех, и, если на счет «три» ты еще будешь в деканате, я тебя записываю на индонезийский язык». На счет «два» меня там уже не было. Так вопреки своей воле я попал на итальянское отделение.

Учительница главная моя

Я попал к Юлии Абрамовне Добровольской, человеку совершенно уникальному. Она заняла очень важное место в моей жизни, а в последние годы стала просто моим большим другом. Юлия Абрамовна умерла в возрасте 99 лет в Италии, и до последнего ее дня мы разговаривали с ней по телефону, обсуждая самые разные темы. Учеба у Юлии Абрамовны – это было не просто окно в итальянский мир, это было окно в мир вообще.

Началось наше общение 1 сентября 1958 года, когда в маленькую аудиторию в МГИМО вошла красивая рыжеволосая женщина, и мы, пятеро разновозрастных парней, сразу влюбились в неё и благодаря ей – в итальянский язык, а потом и в Италию.

Жизнь ее похожа на увлекательный роман. Юля – дочь лесничего и школьной учительницы – родилась в Нижнем Новгороде «вместе с Октябрьской революцией в 1917 году», как она сама говорила, и вместе со страной прожила всю ее вековую историю...

Совсем юной она приехала в Ленинград, поступила в университет, была ученицей Владимира Проппа – выдающегося советского ученого-фольклориста, лингвиста и филолога с мировым именем, изучала немецкий и английский языки. В 1936 году, когда в Испании началась Гражданская война и сотни советских добровольцев бросились на помощь республиканцам, Юля по какому-то ускоренному 40-дневному курсу выучила испанский и уехала в сражающуюся страну. Считается, что именно ее в образе юной рыжей переводчицы советского комиссара описал Эрнест Хемингуэй в знаменитом романе «По ком звонит колокол».

Работа в Испании стала для нее, конечно, серьезным опытом. Не только языковым, но и человеческим. Она встретила очень много интересных людей, открыла для себя самые разные и неожиданные стороны человеческих характеров и отношений. И годы спустя рассказывала об этом то воодушевленно, то с какой-то грустью.

Потом – работа в ТАСС, в справочной редакции иностранной информации. На пяти языках она читала иностранные газеты, отбирая новости для журналистов. А затем началось страшное. Война в Испании, как известно, закончилась поражением республики и установлением диктатуры Франко. На наших «испанцев», возвратившихся домой, обрушились репрессии. Те, кто был ответственен за военную сторону этой бесславной эпопеи, были расстреляны. Пострадали не только военные. К стенке был поставлен, например, известный журналист Михаил Кольцов. Арестованными оказались многие добровольцы, воевавшие в Испании. И Юля попала в ГУЛАГ. В обвинительном заключении было сказано: «Находилась в обстоятельствах, в которых могла изменить родине». В лагере работала в «шарашке», переводила какие-то материалы, документы. Ее вытащил оттуда будущий муж, генерал Добровольский. Он был крупным начальником каких-то военных заводов. И началась новая жизнь. После XX съезда партии Юлия Абрамовна была полностью реабилитирована и пошла на работу сначала в иняз, если не ошибаюсь, а потом в МГИМО преподавателем итальянского языка.

Когда мы встретились в студенческой аудитории, она писала свой ставший знаменитым «Практический курс итальянского языка», и нам была отведена роль подопытных кроликов. Юлия Абрамовна с успехом проверяла на нас собственные методы обучения, заставляла вслух читать итальянские газеты (увы, только коммунистические – “Unita” и “Paese Sera” – другие не продавались), нараспев декламировать классическую и современную поэзию. Счастливое совпадение, когда уроки были не только трудом, но и праздником, веселой игрой. Лексику мы учили, горланя дурными голосами итальянские народные и эстрадные песни. Потом эти знания закреплялись на кинопросмотрах, на «итальянских концертах» певицы Виктории Ивановой, близкой подруги нашей учительницы. Вообще, ее замечательные талантливые друзья принимали посильное участие в педагогическом процессе. Например, когда Юлия Абрамовна решила поставить кукольный спектакль по сказке «Пиноккио», известной у нас в вольном

пересказе Алексея Толстого, своими навыками ловко обращаться с деревянными человечками поделился с нами сам Зиновий Гердт. Кстати, именно благодаря его репетициям я всю оставшуюся жизнь «играю в куклы» – всерьез занимаясь увлекательной историей невероятных приключений Пиноккио в России.

Частенько Юлия Абрамовна устраивала для нас необычные мастер-классы. Никогда не забуду, как однажды она привела нас в Дом дружбы (она была членом правления общества Дружбы СССР – Италия) на круглый стол, посвященный проблемам современного театрального искусства. В знаменитом особняке на Арбате, в красивой деревянной гостиной за большим столом по одну сторону восседали звезды и корифеи итальянского театра – Джорджо Стреллер, Анна Проклемер, Джорджо Альбертацци, Паоло Грасси, по другую – советского: Николай Охлопков, Андрей Гончаров, Георгий Товстоногов и другие мастера. Юлия Абрамовна усадила нас вдоль стены и велела наблюдать за тем, что происходит. А происходила оживленная творческая дискуссия о том, нужны ли репертуарные театры, как ставить современные пьесы и классику, как работать с актерами. А вокруг стола расхаживал невысокого роста молодой человек с микрофоном и наушниками, который, никого не прерывая и не перебивая, синхронно – не последовательно, а синхронно – без остановки переводил ораторов. И делал это блестяще. Таким образом, вся эта дискуссия, которая могла растянуться часов на десять, уложилась в два с половиной. После заседания корифеи пошли обедать, а мы, просто ошарашенные увиденным, спросили Юлию Абрамовну: «А зачем вы нас привели сюда?» Она сказала: «Просто я хотела вам показать, что это можно делать». Для нас это было как сигнал: учитесь, вы тоже сможете.

Юлия Абрамовна, или Юля, как мы ее называли, щедро делилась с нами не только знаниями, но и друзьями. Она очень много переводила с итальянского, и прежде всего художественную литературу, перевела произведения практически всех современных итальянских прозаиков. И позже, уже в последующей жизни, в ее московском доме на улице Горького и на миланском проспекте Порта-Романа я познакомился с многими совершенно замечательными итальянскими, я бы сказал, выдающимися персонажами – Альберто Моравиа, Джанни Родари, Ренато Гуттузо, Марко Вентури. Постепенно друзья Юлии стали и нашими друзьями. Это был настоящий подарок жизни. За долгие годы она сделала мне очень много таких подарков. Но об этом чуть позже.

Дипломат

После окончания МГИМО моя дипломатическая карьера складывалась довольно успешно. Правда, мне с итальянским языком не удалось попасть на работу в Италию, как я мечтал, потому что для этого нужна была серьезная «*lapa*». Ну а те, у кого её не было, отправлялись в Сомали. И вот в 1962 году в этой африканской стране, которая за два года до моего туда приезда обрела независимость, я и начал дипломатическую службу. Был референтом, атташе посольства СССР в Сомали. Здесь я провёл пять лет и получил репутацию заправского африканиста. Потом меня перевели в Третий Африканский отдел МИД, после чего я три года работал первым секретарём посольства СССР в Эфиопии. Я с удовольствием вспоминаю это время.

Однажды у меня в римском офисе раздался телефонный звонок: «Алеша?» – «Да». – «Это Володя Михайлов говорит». Фамилия настолько распространенная, что я начинаю разговаривать, пытаюсь понять, кто это. Невежливо не узнавать. Наконец я спросил: «Володя, прости, но мы откуда с тобой знакомы?» – «Ну как же – мы в Эфиопии вместе служили. Я был стажером». А это как со школьниками – младших хуже знаешь. А здесь – ты первый секретарь, а он – стажер. Я помню, что была группа стажеров с амхарским языком, но кто из них Володя Михайлов? «А откуда ты мне звонишь?» – «Из Коломбо». – «Шри-Ланка?» – «Да, я здесь послом работаю». – «И чем я могу быть полезен?» – «Да вот мне надо подсказку. С печенкой

не очень хорошо. Слышал, что есть хороший минеральный курорт в Италии. Хочу приехать, у меня будет отпуск». – «Я тебе сейчас дам жену, она тебе точно скажет, где это и как называется; она работает гидом, иногда своих туристов туда направляет». Галя сказала ему, что действительно есть такой курорт Кьянчано-Терме.

– Будешь в Риме, позвони, пообщаемся, – сказал я ему, прощаясь.

Через месяц он позвонил, пришел к нам домой обедать. И он мне сказал такую странную фразу: «Понимаешь, я тоже не всех помню, с кем работал. Но тебя я запомнил».

– А почему?

– Ты был свободным человеком.

– Володя, это неправда. Свободным человеком я стал намного позже.

– Нет, это тебе кажется. А вот со стороны...

– А в чем это выразалось?

– Во всём, в мелочах. Например, у тебя был телевизор дома. А нам телевизор не полагался. Телевизор был только у посла. Ты приехал – телевизора нет, ты поехал в duty free, купил телевизор, и когда спросили «Зачем?», ты ответил: «Мой сын будет смотреть Sesame Street по-английски». И еще объяснил, что приедет твой сменщик и ты ему продашь. Так и получилось.

– А что еще?

– Ну вот мы все ждали, когда в субботу завхоз затопит баню, а у тебя был абонемент в бассейн.

Абонемент в бассейн был особой роскошью. Бассейн находился рядом с императорским дворцом. И туда, через специальную калитку, приходил один из наследников, принц, внук императора. Я с ним был знаком, мы здоровались, обменивались словами. Так что это была еще и светская тусовка. Но за абонемент надо платить. А совслужащие ох как не хотели этого делать.

– Еще мы ждали, чтобы в субботу играть в волейбол, а ты уезжал куда-то на озеро. Мы ездили на «Волге», а ты на «Ситроене».

Конечно, попав в этот мир, ты скован массой правил, условностей, ограничений. Это трудно, особенно если ты молодой. И в то же время, если тебе интересно в этом мире жить, это замечательная возможность учиться, узнавать, открывать что-то новое для себя и в себе, и не нужно создавать искусственные ограничения. Я считаю, что сомалийский, и особенно эфиопский, опыт для меня бесценен и в профессиональном, и в человеческом плане. В Сомали, кстати, я очень хорошо запомнил правило и привычку, которую пронес в течение многих лет. Я никогда не ходил по солнечной стороне улицы. Даже зимой в Москве. Потому что в Сомали это убийственно – ходить по солнечной стороне. Но это так, мелочь. Главное, я получил массу замечательных впечатлений и приобрёл много сомалийских друзей.

К сомалийцам я относился с каким-то внутренним восхищением. Это действительно очень красивый народ с крепкими корнями и богатой культурой. При этом письменность у них появилась уже в мою бытность, незадолго до провозглашения независимости. Это был народ с богатым устным языком – очень богатым, образным и афористичным. Он полон сравнений, легенд, сказок, прибауток. Я, к сожалению, сомалийского языка не знал, хотя и брал уроки, чтобы мог объясниться, спросить, как куда-то пройти, например... Но я увлекся сомалийским фольклором, даже кое-что перевел на русский язык, а позже выпустил книжечку «Сомалийская тетрадь», куда включил переводы из устного народного творчества.

В Сомали мне довелось побывать снова много лет спустя уже в качестве журналиста. И это, я считаю, особый подарок судьбы. Я приехал буквально на несколько дней как корреспондент журнала «Новое время», чтобы взять интервью у Сиада Барре, президента Сомали. Предыдущее интервью я брал у него, когда работал в МИДе. Я поселился в гостинице, собрался сходить на море, но вечером мои посольские знакомые пригласили меня на прием, посвященный какому-то событию, связанному с ООН. Разговорился с молодой дамой, оказавшейся

послом ФРГ, и когда я сказал, что вернулся в Сомали спустя много лет, она полюбопытствовала:

– А для чего, если не секрет?

Я не стал говорить про интервью, потому что согласия еще не получил.

– Ну, в океане покупаться.

– Упаси вас бог! У моего инженера откусили ногу на прошлой неделе. Сейчас там акулы.

– А раньше там акул не было.

– А ваши соотечественники построили мясозавод на берегу океана и выбрасывают из него внутренности в море, и акулы переходят через кораллы, через которые раньше боялись переплывать.

Шли дни, сомалийцы не спешили дать согласие на интервью, а время подпирало: у меня был авиабилет с фиксированной датой. Помню, я сидел в баре, помню даже в каком, разговаривал со своими знакомыми, и вдруг в группе сомалийцев, что устроилась в углу, встал молодой человек, подошел, поздоровался и сказал, обращаясь ко мне: «А вас случайно, не Аласо зовут?» Аласо – по-сомалийски Алексей. «Случайно Аласо, – говорю, – а почему вы спрашиваете?» – «А там сидит человек, который узнал вас по голосу». И называет мне имя – Мохаммед. «Вы же работали в посольстве, а он был секретарем президента. Он вас помнит. Вы не можете к нему подойти?» – «Может, он сам подойдет?» – «Он не может, он слепой». Я встал, подошел к нему, он сказал, что узнал меня, спросил, как я поживаю. «Хорошо, вот я приехал». – «А зачем?» – «Взять интервью у духа (уважительное обозначение) для журнала “Новое время”, но вот пока ничего не получается».

– А когда ты уезжаешь? – спрашивает он.

– Послезавтра.

– А где ты остановился?

Называю гостиницу.

– Ну, я что-нибудь придумаю. – И пояснил: – Я секретарь правящей социалистической партии, которая взяла власть.

На следующий день за мной приехал джип, отвез меня во дворец. Я взял интервью. Так что надо дружить с местными жителями.

Вообще, конечно, африканская обстановка замечательная, хотя жизнь здесь полна опасностей – и для белого человека, и для сомалийца, и для африканца. Я помню жуткий случай, свидетелем которого стал сам. Это произошло в курортном местечке примерно в ста километрах от Аддис-Абебы – мы с сыном поехали туда отдохнуть. Рядом с нами оказался американский военный – в Эфиопии была американская военно-воздушная база Кейстейшн, и ребята с базы в это местечко приезжали ловить рыбу. А в здешних водах жил крокодил, о котором почему-то тогда никто не вспомнил. Крокодил медленно, абсолютно беззвучно и очень долго приближался к рыболову, в какой-то момент хвостом сбил парня в воду и напал на него. Сразу приехала полиция, начали искать. Нашли. Крокодила. Американец уже был внутри него. С сапогами. И это не сказки. Вспоминаю, как в Сомали я сам невольно устроил гонки со страусом. А это довольно опасное занятие. Я спокойно ехал по шоссе на газике. Вдруг откуда-то появилась гигантская птица и пристроилась рядом, очень мешая мне и раздражая. Я прибавлял скорость, и страус прибавлял скорость. Обогнать его я не мог. К счастью, в какой-то момент ему просто надоели эти игры на перегонки, он свернул и ушел. Но я его так и не обогнал... Смешно, что я сейчас это вспомнил.

Столица Эфиопии Аддис-Абеба стала в некотором роде африканской столицей, после того как там открылась штаб-квартира Африканского единства. Сейчас она называется уже более стандартно – Африканский союз, по аналогии с Европейским союзом. Интересно, что после свержения монархии в лице Хайле Селассие I и непродолжительной Гражданской войны зазвучали требования перевести столицу Африканского единства в европейскую столицу.

Сразу начались интриги, лоббирование правительств разных стран. Но я, например, знаю, почему организация Африканского союза, его штаб-квартира остались в Аддис-Абебе. Просто административному аппарату, который состоял из представителей разных африканских стран, не хотелось покидать это злочное место. Почему? Потому что здесь они находились в долгосрочных командировках, работали в секретариате не напрягаясь и могли жить в своё удовольствие. В Аддис-Абебе были самые дешёвые проститутки всей Африки. Там были улицы *красных фонарей*, и африканские дипломаты сделали всё возможное, чтобы не менять столицу. Это моя информация, её я имею от эфиопов.

На самом деле это, конечно, была очень интересная контора. Я несколько раз в качестве пресс-атташе советского посольства присутствовал на сессиях Организации Африканского единства. Но одно мне запомнилось особенно. То была последняя сессия с императором Хайле Селассие, по-моему. Он пришел на открытие, выступил с небольшой приветственной речью и сел на свое почетное место, в ложу.

Штаб-квартира организации, где проходило заседание, занимала импозантное здание, оформленное выдающимся эфиопским художником Афеворком Текле. Его грандиозный триптих площадью 150 квадратных метров получил всемирную известность. Это монументальное произведение, посвященное прошлому, настоящему и будущему Африки, – одно из самых впечатляющих творений Текле.

Мы – гости и пресса – сидели на балконе. Сверху нам хорошо было видно, что происходит внизу.

И вот в этом великолепном зале начали появляться иностранные лидеры, которые вслед за Хайле Селассие должны были приветствовать гостей. Первым появился Жан Бедель Бокасса, президент Центрально-Африканской республики, который известен тем, что по своим наклонностям был людоедом. Жестокий и самодовольный человек. И я единственный раз – мне этого показалось достаточно – увидел его на трибуне. Когда он вышел, на него никто не обратил внимания. Неказистый, маленький, щуплый какой-то африканец – ну мало ли кто там вышел! Его это очень обидело. Он приподнялся на цыпочки, поднял руки и так потряс ими, обращаясь к залу, что зал засмеялся и зааплодировал. После этого президент прочел какую-то безумную речь на тему «Да здравствует свободная Африка» и уступил место другому экзотическому персонажу, которого я тоже запомнил. И не только потому, что он выступал после прекрасного Бокасса. Это был Иди Амин, диктатор из Уганды. Огромный человек, чемпион по боксу, он сразу привлек к себе внимание, потому что вышел и произнес следующую речь, насколько я её запомнил. Он сказал:

– I am African president and I love all Africans.

Пока он это говорил, его взгляд упал на первый ряд, где сидела делегация Танзании во главе с Джулиусом Ньерере. А это был заклятый враг Иди Амина, потому что приютил у себя бывшего министра Уганды Милтона Оботе. Абсолютная неприязнь, даже ненависть была взаимной. И когда Амин сказал, что любит всех африканцев, он увидел своего заклятого «друга» и решил усилить эффект. Он спустился с трибуны, подошел к первому ряду и с чувством произнёс: «Even the president Nireira!» Ньерере начал сползать вниз, под стул, а Амин пытался вытащить его оттуда, чтобы поцеловать. Это был настоящий цирк! Такой, что невозможно себе представить. Я не помню, они все плохо кончали, конечно, но Иди Амин... Ходили слухи, что Иди Амин был каннибалом и хранил в холодильнике в своей резиденции части человеческих тел. И это – организация Африканское единство.

По карьерной лестнице – вниз

Из Эфиопии я попал на курсы руководящего состава Дипакадемии и наконец добрался до вожделенной Италии. В ранге дипломатического советника занял пост первого секретаря посольства СССР в этой стране. Но в этой должности я находился недолго.

Всё рухнуло буквально в один день. Случилось так, что мой младший брат Сашка – мамин сын от второго брака (он на девять лет моложе меня), после окончания Московского университета и успешной защиты кандидатской диссертации принял приглашение Массачусетского технологического института и уехал туда преподавать биохимию. Что делает и сейчас. Он талантливый ученый, его имя хорошо известно в научных кругах. Но брат носит другую фамилию – фамилию своего отца, Клебанова. Так что надлежащие органы как-то проморгали наши родственные связи. Но когда просекли это, решили наказать меня за то, что я не поставил их в известность о «проступке» брата. И вот в Рим на имя посла приходит телеграмма за подписью министра иностранных дел А. А. Громько с распоряжением командировать первого секретаря Букалова А. М. в Москву для участия в закрытых советско-сомалийских переговорах. Совершенно спокойно я собираю чемоданчик, еду в Москву, являюсь в МИД. Как и предписано, иду в отдел кадров. У меня забирают мой дипломатический паспорт. Сотрудник отдела говорит: «Вам надо подняться на 23-й этаж, в отдел собственной безопасности МИДа. Там вас ждет генерал такой-то. Больше я ничего не знаю, я только выполняю поручение».

Генерал указал на стул, и я внутренне поблагодарил его за то, что по своей профессиональной привычке он усадил меня против света, как полагается в этом ведомстве, лицом к окну. Из окна с высоты 23-го этажа вид на Москву был замечательный. Генерал положил передо мной пачку листов бумаги и предложил написать все про моего брата, о том, как он уехал и почему я не сообщил об этом. Закончив писать, я придвинул листки генералу, он быстро пробежал их глазами, мы перекинулись несколькими фразами и вдруг он спрашивает:

– Алексей Михайлович, можно задать вам вопрос личного характера?

Я весь напрягся – решил, что будет вопрос о Гале, потому что мы уже были вместе, но официально я еще был женат на своей первой жене.

– Слушаю вас, товарищ генерал.

И он задал мне потрясающий вопрос, по которому я понял, что у них тоже масса комплексов.

– Алексей Михайлович, за что вы нас так не любите? – спросил он, имея в виду спецслужбы.

У меня отлегло от сердца: слава богу, не про Галю. Я засмеялся и сказал:

– Товарищ генерал, вы что – девушка, что вас надо любить?..

На этой шутиливой ноте мы расстались. Но я понял, что в Италию (да, наверное, и в МИД) мне путь закрыт.

Для меня в этой истории была одна очень важная деталь: я не потерял никого из своих друзей.

Почему вы нас так не любите?

Здесь, наверное, к месту объяснить, чем был вызван неожиданный вопрос генерала. Дело в том, что я старался вести себя корректно, но независимо по отношению к этим службам. Хотя они много раз делали разные заходы и ходы, чтобы подобраться ко мне. Особенно это проявилось в Эфиопии, когда свергли Хайле Селассие, власть перешла в руки военного комитета и обстановка стала более напряженной. В посольство приехал офицер по безопасности некий полковник Ильинцев. Эта официальная должность есть в каждом крупном посольстве.

Работники спецслужб на мидовском жаргоне называются *socedi*. Потому что когда-то МИД, находившийся на Кузнецком мосту, и КГБ на Лубянке были соседями. И вот приехал этот неведомый нам Ильинцев. Потом я нашел книжку на английском языке про КГБ, где говорилось, что он в своё время был выслан из Индии. Надо быть большим мастером, чтобы тебя *выслали* из Индии!

Мы жили на территории посольства, которое находится в замкнутом пространстве. Такой огороженный парк. Этот участок был подарен императором Менеликом русскому правительству. И вот меня вызывают в спецотдел и просят ознакомиться с распоряжением, подписанным послом. В нем говорится, что местным гражданам категорически воспрещается вход в служебные и жилые помещения посольства. А на территории посольства работает много эфиопов. Они убирают дорожки, работают на заправочной станции, пилят деревья – территория большая, и ее нужно обслуживать. И, конечно, большинство из них приходит домой, помогает по хозяйству, получает за это какие-то деньги. В служебные помещения их никогда никто не пускал. Так что странное, на мой взгляд, распоряжение. Спрашиваю: «Что с этим делать?» Отвечают: «Надо ознакомиться». Ознакомился, расписался и думать забыл. Мало ли что придумают, им надо отчитываться.

У меня был приходящий помощник, Габриольт. Замечательный эфиоп, который служил еще у итальянцев, и из-за того, что я говорил по-итальянски, уважал меня как вождя племени. Временами мы с ним дружески беседовали, он получал какие-то подарки себе, детям.

Обычно в обеденный перерыв – довольно большой по африканским масштабам, три часа, по-моему, – я с работы спускался по дорожке к нашему симпатичному домику с черепичной крышей, построенному итальянцами. На втором этаже у меня была квартира. Я обедал, забирал сына Борю и жену Алину, и мы ехали в бассейн с горячей водой – был такой, купались, я возвращался на работу, а они оставались до вечера. Там была еще детская площадка, маленький бассейн, Борька там научился плавать. В конце рабочего дня я или кто-то из моих друзей забирал их и привозил домой. А в это время ключ клался под коврик, эфиоп приходил, быстро все убирал и уходил. Такой был порядок.

Так вот этот Ильинцев заметил, что я не подчинился новому распоряжению – Габриольт продолжает ко мне ходить, – и решил подловить меня на нарушении дисциплины. Каким образом? Однажды я, как всегда, приехал из бассейна, мы случайно встретились около посольского здания – а здание стеклянное, очень красивое, кстати, среди авторов его проекта была одна из моих тетушек – Лидия Михайловна Букалова. До работы оставалось минуты три, мы перебросились парой слов, и я поднялся к себе в кабинет. В это время Ильинцев взял понятого, слесаря (и мы поняли, кто такой был этот слесарь), прошёл к нашему домику, поднялся на второй этаж, подошёл к кухонному окну, а в окне стоит Габриольт, поет заунывную военную песню и драит сковородку. Эфиоп увидел, что пришел человек, – он не знает, кто это, но знает, что это начальник. Это они очень четко понимают.

Габриольт открывает дверь, тот входит и попадает в гостиную. Там висят африканские маски, стоит телевизор, кресло. Еще висит фотография – вырезка из газеты, на которой я стою с Подгорным и сомалийским президентом. Она была сделана за две недели до этого: меня вызвали из Эфиопии в командировку в Сомали, где председатель президиума Верховного Совета ССР Н. В. Подгорный находился с официальным визитом. Наш службист узнал об этом из газет.

Незванный гость внимательно все осмотрел и спрашивает: «Габриольт, ты один дома?» – «Нет, не один». – «Как не один?» – «А там синьора Алина», – показывает на угловую комнату, где Алина протирает уши Борьке. Это было настоящее фиаско. Он и предположить не мог, что в этот день мы вместе вернёмся из бассейна, ей для чего-то нужно было быть дома. И что он делает? Поразительно, эта организация не может ни одной операции подготовить нормально. Но тебя же учили в специальных школах – придумай, зачем пришел. За газетой, например.

А он поворачивается на своих высоких каблуках, потому что он, как и большинство из них, низкого роста, и убегает. Выходит Алина, видит убегающего по лестнице Ильинцева, звонит мне: «Алеша, найди, пожалуйста». – «Не могу, я только взял документы. Что-то случилось?» – «Случилось».

Прихожу, она мне всё это рассказывает. Я иду сразу к послу. Из-за того что военная ситуация, у нас есть договоренность: если какая-то информация, надо докладывать сразу, не дожидаясь летучки. Я прихожу. «Анатолий Петрович – вы не можете позвать старшего шефа?» – «Ну ты мне скажи, что случилось». – «Я вам обоим скажу». Приходит первый секретарь. Я говорю: «Вот, товарищи руководители, сейчас против меня была совершена провокация. Считая, что никого нет дома, пришел ко мне Ильинцев, и я очень прошу меня от этих провокаций оградить. Если это невозможно, то, поскольку нас сюда на работу отправлял ЦК, я буду писать в ЦК». Такой я наглый. И тот, второй: «Ну, зачем ты так ставишь вопрос, не горячись». – «Я никак не ставлю, я просто излагаю факты». Откланялся и ушел.

И больше до конца своего пребывания там с вертухаями не общался. Ну так что? Ответил я на вопрос – почему вы нас так не любите?..

Из дипломатов – в литсотрудники

Я уже рассказывал, как наши власти от меня хорошо избавились. Но по-своему они были правы. Классовое чутье – оно всегда было им свойственно.

Надо было начинать жить с чистого листа. Я вылетел из МИД СССР по статье о недоверии. А это – волчий билет. Все мои попытки устроиться на работу терпели фиаско. Меня никуда не брали. В Москве готовились к Олимпиаде, я пошел в Олимпийский комитет, предложил услуги переводчика. Отказали. И тут я вспомнил, что моим руководителем кандидатской диссертации – я занимался темой итальянской политики в Африке, – был сын министра иностранных дел А. А. Громыко – Анатолий Громыко, директор Института Африки. Он приезжал в Рим в то короткое время, которое я там был первым секретарем посольства, и я по старой памяти водил его в местный институт Африки, переводил там его выступления, был с ним на приеме, ходил с ним есть пиццу. Как-то он мне сказал: «Алексей, зачем вам этот МИД? Приходите к нам в институт. У нас зарплата хорошая, у нас хорошая библиотека. Я ищу новые кадры. Приходите». – «Хорошо, Анатолий Андреевич, я подумаю», – отшутился я тогда. Теперь, вспомнив тот разговор, отправился к нему в институт.

Анатолий Андреевич с энтузиазмом принял меня. «У нас есть вакансия, мы создаем новый сектор Южной Африки. 270 рублей в месяц». Тогда это были для меня чудовищно большие деньги. Потому что та должность, на которую я потом попал, стоила 125 рублей. «Вот, заполните анкетку и позвоните мне», – сказал мой работодатель.

Я заполнил анкетку и уехал с ребятами на школьные каникулы отдыхать в Мозжинку под Звенигородом.

Но мне, видно, не суждено было получить эту работу. Именно в это время разразился грандиозный скандал: заместитель Генерального секретаря ООН по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН в ранге Чрезвычайного и Полномочного посла СССР А. Н. Шевченко, как говорится, соскочил на Запад. Как выяснилось, находясь на этой должности, он передавал ЦРУ секретные сведения об СССР, а потом попросил политическое убежище в США. Ситуация осложнялась тем, что Шевченко был личной кандидатурой Андрея Андреевича Громыко и на все сигналы спецслужб о подозрительном поведении своего подопечного глава МИД отвечал: «Оставьте его в покое. Я за него ручаюсь». И вот впервые стул под Андреем Андреевичем закачался. Испугался за своё место и его сын. Но впрямую отказать мне он не смог и дипломатично сказал: «Вы знаете, Алексей Михайлович, академические кадры требуют характеристики с предыдущего места работы. Вы уж организуйте как-нибудь».

А меня выгнали без выходного пособия, какая тут характеристика! И всё-таки я решил позвонить секретарю парторганизации в свой Африканский отдел, где работал до командировки в Италию. Парторг на меня с вопросами – что ты, как ты? Они все переживали за меня. «Да вот, – говорю, – меня вроде Гром-младший берет к себе в институт».– «Это же замечательно, мы все мечтаем об этом, они сейчас так процветают». – «Но видишь, какая загвоздка, мне нужна характеристика. Как ты думаешь, могу я попросить у вас характеристику?» Пауза. «Ну, ты понимаешь, не я это решаю. Перезвони, пожалуйста, через 15 минут». Перезваниваю и слышу: «После обеденного перерыва, в два часа, в экспедиции МИДа на Смоленской будет конверт на твое имя». Это время такое было – без ксероксов. Приезжаю, забираю конверт. В нем на бланке Министерства иностранных дел напечатана характеристика Букалова Алексея Михайловича, подписанная заведующим Третьим Африканским отделом МИД СССР, членом коллегии МИД, Чрезвычайным и Полномочным послом В. А. Устиновым (он был племянником министра обороны Дмитрия Устинова). В свое время он был послом СССР в Танзании, хорошо меня знал. И там в трех абзацах было написано о том, какой я фантастический африканист, автор энциклопедических статей в таких-то и таких изданиях. Замечательная характеристика. Помню, как я растрогался – вот ведь не побоялись мои товарищи, не отмахнулись от человека, как говорится, с черной меткой. Такой удивительно товарищеский жест. Я повез характеристику в журнал, хотя и предполагал, что она уже не понадобится.

А работу я все-таки нашёл. Меня взяли в журнал «В мире книг» на место ушедшей в декрет Наташи Лариной. Так советник второго класса превратился в младшего литсотрудника, что тоже оказалось замечательным опытом.

В «Мире книг». Партийная Одиссея

Я попал в отдел критики и библиографии. Для меня этот небольшой журнальчик Госкомиздата стал своего рода башней из слоновой кости. Мне не нужно было писать на привычные внешнеполитические темы, и я начал заниматься тем, что определило мои интересы на многие годы: Пушкиным, Пиноккио.

Но прежде чем сесть за рабочий стол, я должен был соблюсти некоторые формальности и прежде всего встать на партучет. Честно говоря, я совершенно забыл об этой процедуре, потому что моего партбилета на руках у меня не было – во время зарубежной командировки он хранился в ЦК партии. О том, что его нужно держать при себе, неожиданно напомнил мне отчим, Макс Ефимович (я звал его Максик), Сашкин отец. Я приехал к ним с мамой рассказать, почему я вдруг вернулся из Италии, пробыв там всего два месяца, хотя прощались надолго. Мама плакала, потому что из-за одного сына пострадал другой, а это большое испытание для любой матери. Отчим сидел у окна, опершись на палочку, и было непонятно, слушает он или нет. Он вообще был человек молчаливый, слов на ветер не бросал. Мать он боготворил. Для нее это был мезальянс. Единственным достойным, с его точки зрения, воспоминанием жизни он считал свое вступление в партию. Это было на фронте после боя, когда ему и нескольким его товарищам, оставшимся в живых, вручили партбилеты. Он очень гордился этим. И теперь вдруг он спросил: «Алёша, а партбилет они тебе оставили?» – «Оставили, Максик, а почему ты спрашиваешь?» Он говорит – и это была единственная шутка, которую я от него слышал, и то не уверен, что это шутка: «Если отберут, ты не расстраивайся, я тебе отдам свой».

И я вспомнил, что должен забрать свой партбилет. В назначенное время я пришел на Старую площадь, поднялся в 327-ю комнату. За пустым чистым столом сидел человек. Полный такой человек. Он поздоровался. Открыл ящик-картотеку, пальцами подергал – нашел. Моя фамилия на букву Б, недалеко. Вытащил мой партбилет и приложенную к нему расписочку. Оторвал её: «Распишитесь, пожалуйста», – говорит. Я расписался. Получил партбилет, он пожал мне руку и сказал: «Алексей Михайлович, я вам желаю удачи». Меня это так пора-

зило. «Это все, что вы хотите мне сказать?» – спрашиваю. И он, который сидит в 400 метрах от Лубянки, мне говорит: «А вы знаете, Алексей Михайлович, партийная организация к вам претензий не имеет». Я откланялся и ушел.

И пришел с этой хохмой в журнал «В мире книг». Узнал: чтобы встать на учёт, надо поехать в Госкомиздат. Я поехал в Госкомиздат, на прием к секретарю парткома. Тот вежливо поздравил меня с вступлением в их коллектив. Сказал, что это очень важный идеологический орган печати, что он требует от сотрудника большой отдачи и он, партсекретарь, желает мне хорошей работы. А пока надо заполнить какие-то карточки, оставить мои координаты у какой-то Наташи... Давая эти указания, он вертел в руках мой партбилет и вдруг увидел, что он выдан парткомом МИДа – а мидовский партком был на правах райкома. Такая вот бюрократическая деталь. Этого, оказывается, было достаточно, чтобы прекратить бюрократическую волокиту.

На своем «жигуленке» я весело прикатил на Суцевский вал в редакцию и понял, что рано радовался. «Алексей Михайлович, вас спрашивал главный», – сказала мне секретарша, едва я появился. А возглавлял тогда редакцию Юрий Константинович Филонович, прекрасный журналист, человек очень честный, глубоко интеллигентный и тонкий. 27 лет он работал в «Известиях», был редактором отдела пропаганды и заместителем главного редактора. Своими острыми выступлениями он вызывал недовольство партийных боссов, и те нашли повод с ним рассчитаться. Когда его единственная дочь вышла замуж за французского кинопрокатчика и уехала в Париж, в редакции появился приказ: «По рекомендации секретариата ЦК КПСС Филонович Ю. К. освобождается от занимаемой должности и назначается главным редактором журнала «В мире книг». Надо сказать, что журналу очень повезло...

Бодренюк захожу я в кабинет Филоновича: «Вы меня искали? Я был в парткоме». Вижу, сидит он очень расстроенный. Кислый такой сидит. А проверить его настроение можно было легко: с правой от него стороны была полка со словарями, и за Большим энциклопедическим словарем всегда стояла бутылка коньяка. По уровню жидкости в этой бутылке можно было определить настроение главного. Я немного подвинулся и увидел, что бутылка наполовину пустая. И я понимаю, что он расстроен и ему неприятен этот разговор. «Мне уже сообщили, Алексей Михайлович. Мне звонили из парткома. Вы мне помогите. Понимаете, мне будет звонить после обеда Стукалин (Б. И. Стукалин в 1978–1982 гг. был председателем Госкомиздата), и я должен ему сказать, кто мне вас рекомендовал». – «Я все понял, Юрий Константинович. Сколько у меня есть времени?» – «Ну, чуть меньше часа».

И я начал звонить. Первый, кому я позвонил, был Виталий Игнатенко, знакомый мне еще по комсомольским делам. У нас было много общих друзей. Мы с ним особенно не дружили, но встречались в доме моего институтского приятеля Андрея Грачева. Игнатенко – блестящий человек. До недавнего времени он был членом Совета Федерации, в разные годы возглавлял ТАСС, был заместителем заведующего Отделом международной информации ЦК КПСС, руководил пресс-службой президента СССР, был главным редактором журнала «Новое время», где пересеклись наши пути. Но мне не повезло: секретарша сказала, что Виталий Никитич в Будапеште в командировке. Звоню Грачеву – он в это время работал в отделе международной информации ЦК, потом стал пресс-секретарем Михаила Горбачева, сменив на этом посту Игнатенко. Сейчас он преподает в Сорбонне. Мы до сих пор дружим, встречаемся, когда я бываю в Париже.

Андрей Серафимович умница и замечательный друг. Он сразу все понял, этот премудрый пескарь, и говорит: «Я, конечно, могу позвонить Филоновичу, но правильнее будет, если он позвонит мне. Когда он увидит, что набирает Б-6 (это цикловский индекс, еще были буквенные телефоны), он поймет, куда звонит». Я беру бумажку, пишу: Грачев, Андрей Серафимович, и номер телефона. Приношу бумажку Филоновичу. Тот надевает очки, читает: «Грачев, Андрей Серафимович – кто такой?» – «Это заместитель заведующего отдела международной инфор-

мации ЦК КПСС, – говорю. – Годится, Юрий Константинович?» – «Алексей Михайлович, я вас не задерживаю». Как ребенок, он обрадовался такому исходу этого неприятного дела.

Урок профессионального мастерства

Первое творческое задание в журнале «В мире книг» стало мне хорошим уроком на всю мою дальнейшую жизнь в профессии.

Мне поручили взять интервью у кого-то из писателей на тему: отношения автора и издательства. «Пусть вам расскажут, как заключается договор, как он соблюдается, какие обязательства берут на себя обе стороны, что случается, если кто-то их нарушает», – напутствовала меня наш редактор Валентина Давидовна Голубчикова.

У меня не было таких знакомых писателей, к кому я мог бы обратиться, и я попросил маму позвонить Агнии Барто, спросить, не ответит ли она на несколько моих вопросов. Имя известное, решил я, знаменитый поэт, хорошая кандидатура. Мама дружила с Барто, входила в группу активистов её программы «Найти человека», которую Агния Львовна вела на радиостанции «Маяк». Барто сказала: «Конечно, пусть приезжает» – и назначила время встречи. Я приехал к Агнии Львовне с магнитофончиком, которым гордился. Она очень хорошо меня встретила, прямо как мама. По-моему, даже чаем угостила. «Что вас интересует, Алёшенька?» Я объяснил свою задачу. А Барто в это время – я этого не знал – поругалась с «Детгизом». Они ее обманули в чем-то или чего-то не заплатили. И она стала рассказывать, сколько всякого безобразия у них там творится, это был настоящий обвинительный спич. Временами ее горячую речь прерывали телефонные звонки, она снимала трубку и, забавно имитируя просторечие, говорила: «Слушаю вас... Я ни знаю, ни знаю, пачём я знаю, они мне не докладывают». Клала трубку и продолжала мне говорить, «какие они все мерзавцы». Я решил, что этого достаточно, и, довольный собой, приехал в редакцию. Расшифровал магнитофонную запись, отдал перепечатать текст машинистке и выправленный материал сдал Голубчиковой. Она сказала, что это очень актуально и отправила моё сочинение в набор. Уже в гранках интервью поступило к главному редактору – Филоновичу. Через какое-то время Юрий Константинович вызывает меня. Захожу. «Я вот Барто читаю. Интересный материал. Очень. Будет, наверное, украшением номера». Я в глубине души уже торжествую, а шеф продолжает: «Но, уважьте старика, сделайте одолжение – возьмите у нее визу». А я молодой, необученный. «Юрий Константинович, вот она мне сюда всё наговорила. Здесь всё записано. Если у вас есть время и желание, я включу, и вы послушаете». – «Да я не сомневаюсь, Алексей Михайлович, но сделайте мне одолжение, пожалуйста. У нас еще есть время до сдачи номера. Или она недоступна?» – «Не знаю, позвоню ей».

Я уже сам позвонил Агнии Львовне. Приехал, выложил гранки на стол, жду, когда она прочтает. Она внимательно прочла текст от начала до конца, пододвинула гранки ко мне и сказала: «Алеша, я ничего этого не говорила». Я ошеломлен. «Агния Львовна, у меня записано все, что вы сказали». – «У меня была температура, я за свои слова не отвечала». И я понял, какой он мудрый, наш Юрий Константинович Филонович. Я взял гранки и откланялся.

Агния Львовна была непростой человек. Простых Барто не бывает. Иногда мы заглядывали к ней – она жила на даче, встречались с ее мужем. Он был член-корреспондент Академии наук СССР, теплоэнергетик Андрей Владимирович Щегляев, интересный человек. Как-то мы пришли к ней в гости, и наш Алёшка, увидев при входе в дом под лестницей огнетушитель, остроумно окрестил его – «агниятушитель». А её замечательная дочь Таня, та, которая *«горько плачет, уронила в речку мячик»*, до сих пор каждый год 12 февраля звонит нам и поздравляет с днем рождения моей мамы.

Несостоявшаяся измена

Вообще-то мне было очень комфортно в журнале «В мире книг». Я об этом времени вспоминаю с большим удовольствием. Я встречался с очень интересными людьми, знал всё о книжных новинках и занимался Пушкиным – ездил на конференции, в Пушкинские горы, в Болдино. Это было очень важно, потому что у меня появился опыт академического прочтения Пушкина. Но я получал копеечную зарплату младшего литсотрудника. Конечно, подрабатывал – переводил итальянские фильмы, однако нужно было что-то более стабильное. И случай представился. Тоже благодаря Пушкину.

Я начал серьезно заниматься темой «Пушкин и Восток», изучать восточные сюжеты поэта. Две работы я написал по заказу журнала «Азия и Африка сегодня». Это был тоненький еженедельный журнальчик. И вот оттуда мне позвонил зам. главного редактора и сказал: «Алексей Михайлович, ваши публикации вызвали большой интерес. У нас появилась вакансия – заведующий отделом культуры. Мы хотели бы предложить вам эту должность». Я, наученный предыдущим горьким опытом, говорю: «А вы уверены, что меня утвердят на неё?» – «Такие вопросы решает директор института востоковедения Евгений Максимович Примаков. Подумайте, если можете получить его согласие».

На самом деле, я мог – через маму. Она дружила с его женой Лаурой, лечила примаковских детей, в том числе и старшего сына – Сашу. В 1981 году, в возрасте 28 лет, он трагически погиб от сердечного приступа. Это случилось в его дежурство на Красной площади во время первомайских гуляний. Ему стало плохо, а скорая помощь не смогла быстро приехать... Но это к слову.

Я вкратце объяснил маме свою просьбу, она прямо при мне позвонила Лауре Васильевне, та выяснила, что назавтра Евгений Максимович весь день в институте, и после одиннадцати я могу приехать. Замечательно. Я приезжаю в институт, к академику Примакову, прихожу в назначенное время. Он сидит за письменным столом, пишет. Когда я вошел в кабинет, он поднялся, пересел за маленький столик и по тбилисской привычке – он все-таки тбилисский человек – попросил принести сухофрукты. Мы сидели, разговаривали, он очень сердечно интересовался, как мама. Спросил, где я сейчас работаю, хотя прекрасно знал мою историю. Она была довольно широко известна, все-таки я был не совсем начинающим дипломатом. И наконец спросил, что меня к нему привело? Я объяснил, ожидая какой-то реакции. Он встал, давая понять, что аудиенция окончена, и сказал: «Алеша, а зачем вам это нужно? Спасибо, что зашли, большой привет маме». А несколько лет спустя, уже после горбачевской перестройки, когда я перешел в другой журнал – «Новое время» и занимался серьезными политическими вопросами, мы снова встретились с Евгением Примаковым. Теперь на международной конференции, где он выступал с докладом. Мне было поручено взять у него интервью. Я позвонил, назначили время. Он ответил на мои вопросы и, прощаясь, заметил: «Ну я же вам говорил»...

«В мире книг». События, встречи, люди

В журнале «В мире книг» у меня было много друзей, и каждый достоин отдельного рассказа. Среди них, конечно, Лев Михайлович Тимофеев, видный литератор, человек блестящий, умница. Он был диссидентом и правозащитником. Кстати, это он через общих друзей рекомендовал меня в журнал в тот трудный для меня момент, когда я никуда не мог приткнуться со своим «волчьим билетом». Сам он закончил Институт внешней торговли, был по профессии экономистом, но страстно любил литературу. Его жена Наташа училась в Рязани у Солженицына. Когда Лёва написал «крамольную» книгу, повесть-очерк «Технология чёрного рынка, или Крестьянское искусство голодать», Александр Исаевич сделал к ней предисловие. Книгу

с этим предисловием отослали за кордон. Она была переведена на английский и итальянский языки, передавалась радиостанциями «Свобода» и «Голос Америки». Но к этому времени Лёва уже ушел из редакции. Будучи автором неподцензурных произведений и понимая угрозу ареста, он не хотел подвергать опасности товарищей по работе. Стал заниматься репетиторством, как и мой дед когда-то, готовил абитуриентов. По русскому языку и литературе. У них жил попугай, который временами выкрикивал «Тургенев», «Чехов».

В один прекрасный – нет, чёрный день в марте 1985 года нам из телефона-автомата позвонила его жена Наташа и сказала, что Леву забрали. Мы с Галей в это время собирались в гости к нашим друзьям Сенокосовым. Юра – очень яркая неординарная личность, ученый, философ, историк философии. У него в доме всегда собирались интересные люди. Вот и в тот вечер к нему приехали какие-то французские журналисты, их приятели, оказавшиеся проездом в Москве.

Лёвин арест взбудоражил друзей. У него осталась семья – жена с двумя дочками, старшая, Сонечка, художница. А вскоре забрали и Наташу, отправили в психиатрическую больницу. Девочки остались на попечении бабушки, её мамы. Но друзья не бросили опальную семью. Мы постоянно, как говорится, скидывались, Юлия Абрамовна Добровольская – она уже жила в Италии – собирала для девочек какие-то вещи, детскую одежду и присылала в Москву со своими друзьями.

Лёву по статье «Антисоветская агитация и пропаганда» приговорили к шести годам лагерей и пяти годам ссылки. В феврале 1987-го вместе с большой группой политзаключённых он был помилован и выпущен из лагеря. Когда Горбачев позвонил Сахарову и освободил его из горьковской ссылки, Андрей Дмитриевич ответил: «Спасибо за внимание, но я хочу вам перечислить людей, которые сидят по политическим статьям». И Горбачев сказал: «Вы не перечисляйте, вы просто передайте список». В этом списке был и Лева Тимофеев. Помню его возвращение. Он вернулся – дома никого не было. Позвонил, сказал: «Вот приедешь из лагеря, а дома никого нет». Он был в робе, только без номера. Еще помню, у него были газеты в ботинках – для тепла.

Как все ээки, первое время Лёва не мог приспособиться. Я помню, как повез его в Болдино на пушкинские чтения. Он вставал в четыре утра и делал гимнастику. В Болдино он привез доклад «Религиозные мотивы в “Евгении Онегине”». Местное начальство, что-то заподозрив, спросило – а что это за Тимофеев? И Сергей Александрович Фомичев, знаменитый пушкиновед, руководивший этим научным собранием, сказал (я его предупредил): «Известный московский литературовед». Ну, и обкомовские деятели успокоились.

А потом произошла такая история. Мне позвонил Лева Разгон (я уже работал в Риме) и сказал, чтобы я нашел последний номер газеты «Русская мысль». Здесь есть Русская экуменическая библиотека, и по моей просьбе знакомый священник взял там для меня эту газету. В ней я обнаружил рассказ с продолжением «Записки сумасшедшей». Это был рассказ Наташи Тимофеевой, опубликованный под другой фамилией. Лёва тоже написал большую статью о своем пленении. Она была напечатана в «Новом мире». Я ему писал письма, присылал деньги, которые разрешали отправлять на праздники, ходил на выставки его дочки Сони, рассказывал ему, какая она талантливая. Он потом эти письма тоже опубликовал.

И вдруг случилось что-то странное и страшное. В печати была опубликована информация Лёвы о том, что, оказывается, одному его другу, бывшему сотруднику МИДа, который работал в Сомали, поручили слежку за ним, Львом Тимофеевым. И он, этот друг, даже присылал каких-то итальянцев, которые потом докладывали ему об общении с Лёвой. Сейчас я не помню, было это интервью Льва или его собственная статья, но это не имеет значения. Главное, что он предъявил чудовищное обвинение не только мне, но и нашим общим друзьям, упомянув и Юлию Добровольскую, у которой мы собирались. Я написал ему письмо, и на этом наше общение прекратилось. Я получил инфаркт на этом деле. Но в какой-то момент, когда я нахо-

дился в богоспасаемом городе Бари, на Прощеное Воскресение Лев Тимофеев мне позвонил – номер телефона с моего разрешения дал ему один из наших общих друзей – и попросил у меня прощения. Я сказал: если бы это касалось только меня, я, возможно, и простил бы – я не злопамятный. Но ты оскорбил многих честных и порядочных людей. Лев Разгон не подавал ему руки. «Если ты не можешь отличить вертухая от друга, что у нас может быть общего», – говорил он.

А однажды я получил по почте анонимную бандероль с книгой, которую безнадежно искал. У меня было академическое пушкинское собрание 1937 года, подготовленное к 100-летию со дня смерти поэта. Первый из вышедших томов вызвал вал критики партийных функционеров и «литературоведов в погонах», которые обрушились на составителей, якобы не справившихся с ответственным правительственным заданием. Многие члены редколлегии и учёные, вовлечённые в работу над собранием, были арестованы с клеймом «вредители». В этой атмосфере пушкинистам пришлось отказаться от сопровождения текстов научным комментарием. И только в 1959 году удалось издать отдельный том, оставшийся без порядкового номера, с тщательно подготовленным научным аппаратом. И этого необходимого справочного тома у меня не было. Об этом знал только Лёва. И я не сомневаюсь, что это он послал мне книгу. Но я ему не ответил, потому что отправитель на посылке не был указан.

Новый главный редактор журнала «В мире книг» Юрий Владимирович Юдашкин, сменивший Филоновича на этом посту, никак не мог понять, как со мной себя вести. С одной стороны, я младший литературный сотрудник, с другой – какой-то непонятный тип с непонятной биографией. Вообще-то он по характеру своему и по поведению был большим царедворцем, занимался пропагандой творчества Юрия Бондарева и других наших правоверных писателей. Его жена была прокурором, и он её очень боялся. Больше вроде ничем он не был примечателен.

Но в писательской среде он известен в связи с историей отъезда Владимира Войновича из Советского Союза. Войнович давно раздражал политическую и писательскую элиту своими смелыми, остроумными и весьма нелюбимыми высказываниями. А тут ещё в самиздате, а позже в Германии (без разрешения автора) вышла первая часть романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». За Войновичем было установлено наблюдение КГБ, он был исключен из Союза писателей.

Когда Войновичу намекнули, что ему надо бы уехать из страны, он сказал: «А почему? Я здесь родился, вырос, отслужил в армии, работал. Если вам надо, вы и уезжайте». И тогда к Войновичу домой, в его писательскую квартиру, пришел Юрий Юдашкин, намекнул, что мы, мол, все смертны, а главное, у нас дети смертны, родители. А потому нужно быть очень осторожным. Это было предупреждение. Услышав его, Войнович собрал манатки и уехал. А вскоре его лишили гражданства. Потом, много лет спустя, когда Владимир Николаевич уже вернулся из вынужденной эмиграции, он вспомнил об этом и написал.

А я узнал об отношении Юдашкина ко всей этой истории от него самого. Однажды он собрал редакцию и рассказал о своей поездке в Германию. Он ездил с группой советских писателей в ФРГ. И очень уж как-то по-мещански рассказывал – какие товары они там покупали, в какие ходили магазины. Меня это удивило: он что – ничего другого в Германии не видел, ни о чём больше не может рассказать? Хотя он вроде был человек неглупый.

Вдруг он прервал свой магазинно-товарный монолог и произнёс: «Ну а в Мюнхене я, конечно, никуда на улицу не выходил. Так и просидел в гостинице». Мы сидели – нас в редакции было человек двенадцать – слушали из вежливости, потом надо было задавать какие-то вопросы. Вопросов не было. Повисло тягостное молчание. И тогда я спросил: «Юрий Владимирович, а почему именно в Мюнхене вы никуда не вышли?» Он как-то сразу подобрался и сказал: «Ну как вы спрашиваете, в Мюнхене же Войнович!» И когда Владимир Николаевич был у нас в Риме, я ему рассказал этот эпизод – он смеялся до слез.

А потом началась *перестройка*. Главным редактором «Нового времени» был назначен Виталий Игнатенко, и он меня позвал к себе старшим литературным сотрудником. Но я всё ещё был невыездным. Никуда меня не выпускали. А тут вдруг оформляют в какую-то поездку, но разрешение всё не приходит. Уже завтра ехать, а у меня нет разрешения. И Игнатенко – он был очень влиятельным человеком – сказал: «Я сейчас съезжу в один дом, а ты дождись меня, не уходи сразу после работы». Я дождался. Он приходит. Я спрашиваю: «Я еду или не еду?» – «Ты не едешь». – «Из-за брата?» – «Нет, из-за брата я бы легко их “расстрелял”. Ты мне скажи, кто такой Тимофеев?» Я рассказываю. «Между прочим, мы с ним на “вы” до сих пор. Но вот такая история. Остались дети, мы им помогали. Уверен, ты делал бы то же самое». – «Ладно, закроем тему, будет еще оказия», – сказал Игнатенко. И действительно, через два месяца я поехал на конференцию на Кипр.

Петух для Феллини

Когда я работал в журнале «В мире книг», я больше всего боялся потерять итальянский язык и поэтому пристроился переводить итальянское кино. Благо итальянских фильмов у нас тогда показывали много, регулярными были Недели итальянского кино, на которые народ ломился. Это не только доставляло огромное удовольствие, но и приносило неплохую добавку к моей жиденькой зарплате. Однажды на такой Неделе мне довелось переводить фильм Федерико Феллини. Я пришел, сел в дикторскую кабину и принялся за работу. Когда уже заканчивались титры, а свет ещё не зажётся, я вышел, спустился до второго ряда, где с краю сидел сам Феллини. Подошёл к нему и представился: «Добрый вечер, маэстро, я ваш переводчик». Он отреагировал совершенно неожиданно: вскочил, обнял меня и сказал: «Ты так хорошо переводил! Хочу выразить тебе искреннюю благодарность». Я опешил, но поинтересовался: «Как вы поняли, что я хорошо переводил?» – «Потому что смеялись и хлопали там же, где смеялись и хлопали на просмотрах в Италии. Значит, ты точно попадал в текст». – «Но это не моя заслуга, это ваша заслуга». Тут зажгли свет, на сцену вышла съёмочная группа во главе с выдающимся режиссёром и женщина в кокошнике – возможно, представительница Госкино. Она вручила маэстро замечательный приз зрительских симпатий – расписного дымковского петуха. Было заметно, что режиссёр, чьё творчество отмечено множеством самых престижных наград, по-настоящему растроган. «Большое спасибо, – сказал он, – это большая честь для меня – завоевать симпатии зрителей. Но справедливости ради надо сказать, что хвост этого петуха принадлежит Алексею», – со свойственным ему юмором добавил он. Я тоже получил свою долю аплодисментов.

Эта история имела забавное продолжение. Прошло много лет, я уже работал в Риме. И вот я попадаю на экскурсию на киностудию «Чинечитта». Студия огромная, крупнейшая в Европе и считается центром итальянского кино. Идем по коридору. На одной из дверей табличка с надписью: «Мемориальный кабинет Федерико Феллини». Экскурсовод открывает дверь и позволяет нам заглянуть внутрь. Мы видим книги, стол, полку, на которой стоят многочисленные международные награды. Среди них красуется знакомый дымковский петух. Я говорю: «Синьора, знаете, хвост этого петуха принадлежит мне». Она испугалась: «Всё, уходим! Всё закрывается! Ходят тут всякие по музеям, а потом...»

Моя коллекция вождей

Лазарь Моисеевич Каганович

Первый вождь, с которым я познакомился, был Лазарь Моисеевич Каганович. Точнее, сначала я познакомился с его внуком Юликом – мы учились в одном классе. Он был замечательный парень, и мы дружили. Вообще-то его настоящая фамилия была Минервин, по отцу – он был архитектором, секретарем Союза архитекторов, но все называли Юлика не иначе как Каганович. Однажды его влиятельный дедушка выступил перед учащимися 135-й школы, где учился его внук. Правда, собрали нас в Доме архитекторов. Вот на этот пионерский сбор, посвященный какому-то празднику, и приехал Лазарь Моисеевич с охраной. Мы отдавали ему салют. Я был тогда чуть ли не председателем совета дружины и лично рапортовал вождю. Все было очень торжественно. Сразу после праздника в нашей школе, в пионерской комнате, появился красный плакат, на котором было написано: «Пионер – это не просто нарядно одетый мальчик или нарядно одетая девочка. Пионер – это боец. Лазарь Каганович». А в 1957 году его объявили членом «антипартийной группы Маленкова–Кагановича–Молотова» и сняли со всех постов.

Случилось это летом, когда все мы были на каникулах. 1 сентября, придя в школу (мы уже учились, наверное, в 9-м классе), мы оживленно обсуждали, кто где был, куда ездил отдыхать с родителями. Я помню, Лидия Ивановна, преподавательница литературы, которая вела урок, никак не могла привести нас в чувство. Все болтали. И тогда она стукнула указкой по столу и сделала замечание лично Юлику: «Минервин, перестаньте болтать!»

В классе наступила полная тишина, потому что все услышали другую фамилию и вспомнили, что произошло. Юлик, надо сказать, среагировал замечательно. Он встал и спокойно сказал: «Лидия Ивановна, с моей фамилией ничего не произошло». Потом я видел Лазаря Моисеевича на Фрунзенской набережной – он там жил и часто прогуливался с палочкой или сидел на скамеечке с кем-то. Мой редактор в журнале «В мире книг» даже пытался взять у него интервью, не знаю, удалось ли ему это. Как все вампиры, Каганович жил долго. Умер он в 97-летнем возрасте 25 июля 1991 года – за пять месяцев до распада страны, в руководстве которой находился с первых дней ее существования.

Леонид Ильич Брежнев

Есть в моей коллекции вожди уже более позднего времени. С одними мне довелось ездить в Африку в качестве переводчика, с другими я работал в Москве.

Вспоминаю несколько странную встречу Л. И. Брежнева с президентом Сомали Сиадом Барре, прибывшим в Москву с официальным визитом. Она была сугубо протокольной, а я в силу профессии – единственным посторонним, допущенным на неё.

Я помню, что Брежнев был радушен, любезен, но не очень представлял, о чем говорить с гостем, и хотел поскорее отправить его к Подгорному. Тем более что тот должен был сопровождать Барре в Большой театр. На столе, за которым сидели руководители двух стран, лежала коробка папирос. Брежнев с жадностью смотрел на неё – ему категорически запретили не только курить, но даже открывать ее, и он ждал, что, может, Сиад Барре закурит, а сам он насладится табачным дымом. Между тем разговор не клеился, и Брежнев, решив, видимо, поправить ситуацию, задал страноведческий вопрос.

– Ну а скажите, у вас горы есть?

– Есть, – удивился этому вопросу Сиад Барре.

И тут раздался звонок «вертушки». Генсек снял трубку и сказал:

– Да, Николай Викторович, мы уже заканчиваем. Уже заканчиваем. Сейчас заканчиваем. Хорошо, хорошо.

Повесил трубку и обрадованно говорит:

– Подгорный волнуется, надо в театр ехать.

А Сиаду Барре как мусульманину не очень-то рекомендовалось идти на балет, на который его собирались вести. Да и вообще он в кои-то веки попал к генеральному секретарю, хотел обсудить серьезные вопросы, но, кроме общих фраз за мир и дружбу, ничего не услышал.

Еще на одной встрече Брежнева с Сиадом Барре мне невольно пришлось даже выступить в роли советчика генсека. В связи с этим я вспомнил такой анекдот. Во время шестидневной войны в Израиле в солдатских окопах висел плакат с предупреждением: «Категорически запрещается давать советы генералам». Ведь хорошо известно, что евреи всем дают советы. Вот примерно такая ситуация «солдат–генерал» сложилась и на той встрече. В конце разговора двух лидеров в комнату вошел помощник генсека Александров-Агентов и положил на стол проект совместного официального сообщения о встрече президента Сомалийской республики и генерального секретаря ЦК КПСС. Брежнев спрашивает: «Президент согласен?» Сиад Барре говорит, что он согласен. Мы встали, попрощались. И вдруг Брежнев обращается ко мне: «А как ваша фамилия?» – «Букалов».

«Товарищ Букалов, а куда мне потом деть эту бумажку?». – «А вы её отдайте потом секретарю, товарищ Брежнев».

И, довольный собой, я вышел.

В следующий раз я увидел Брежнева спустя довольно долгое время и поразился, как он сдал. Тогда я впервые заметил, что он был со слуховым аппаратом.

Это было во время визита в Москву вице-президента Сомали генерал-майора Мухаммеда Али Самантара. Именно он отвечал за поддержание и развитие внешнеполитических и военных связей Сомали с Советским Союзом. Самантар приехал с группой своих сотоварищей, чтобы как-то наладить отношения, так как Советский Союз уже переориентировался на Эфиопию и Сомали мало кого интересовало. Гости жили в особняке в поселке Заветы Ильича. Я был прикреплен к ним как сопровождающий от Третьего Африканского отдела МИДа, где я тогда работал. Их водили в цирк, водили на какие-то выставки, бильярд, но ничего существенного не происходило. Наконец Самантар не выдержал.

– Знаешь, Алексей, – сказал он мне, – поскольку мы ни с кем не встречаемся, мы, наверное, уедем.

– Ну, подождите, – протянул я.

– Мы не можем так долго ждать. Визит пустой оказался.

В общем, он был расстроен. Я понял: надо что-то делать. Я пошёл в сторожку, к охранникам, спросил, есть ли у них «вертушка». Они ответили утвердительно – знали, что я официально от МИДа.

– Мне надо поговорить с министром обороны маршалом Соколовым.

А я с ним был знаком, так как ездил с военной делегацией в Сомали. Мне говорят: вот здесь три телефона – казенный, в машине и домашний. Есть еще дача. Я позвонил в офис, мне сказали, что министр на даче. Перезвонил на дачу. Он подошел к телефону. Я говорю:

– Сергей Николаевич, это Букалов от сомалийской делегации.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось, просто они очень недовольны, что их никто не принимает, и хотят уезжать. Я счел нужным вам об этом сообщить. Может, вы найдете какой-то выход.

И он мне говорит – это была суббота:

– А вы когда завтракаете?

– Как обычно, где-то в полдесятого.

– Я приеду к вам завтра.

– Спасибо, до завтра.

Утром появился маршал и сел с гостями за стол завтракать. И по тому, что официантка поставила перед ним бутылку молдавского коньяка «Белый аист», я понял, что он не первый раз завтракает в этом здании. Маршал провел с делегацией целый день. Играл в бильярд. Говорил какие-то слова о мире и дружбе. И, уезжая, сообщил, что завтра будет встреча с Брежневым – он успел уже обговорить с помощниками это дело. И встреча состоялась. На неё Самантар никого не взял, кроме меня как переводчика. С Брежневым были Громыко и секретарь ЦК КПСС Пономарев. Вошел фотограф, сфотографировал нас. Через некоторое время принес снимки. До этого шёл какой-то вялотекущий разговор, а тут Леонид Ильич оживился. Взял фотографии, несколько сразу выбросил в корзину, не понравились. А две протянул нам. Это были снимки, у которых нижнее белое поле оставлено для надписи. И Самантар говорит мне:

– А можно попросить у него автограф, как ты думаешь?

Я говорю:

– Леонид Ильич, вот товарищ Самантар хочет получить автограф. Это можно?

– Можно, конечно.

Мы сидели за длинным столом, а неподалёку стоял письменный стол, на котором были часы в виде штурвала и большой стакан с разными ручками и карандашами. Я спрашиваю:

– Какой, Леонид Ильич?

Он же демократ, говорит: «Любой».

Я принес ему ручку, сел на место. И он, почему-то закрывшись от Громыко, начал писать. А Громыко всё пытался заглянуть через руку – волновался: мало ли что генеральный напишет дружественному народу. Пономарев же очень недовольно смотрел на меня – мол, зачем ты это устроил?

Наконец Брежнев кончил писать, удовлетворенно поставил точку, передал фотографию Самантару. Самантар тут же отдал ее мне, чтобы я перевел. А там написано: «Леонид Брежнев». Он просто тщательно вывел свое имя. Вскоре отношения с Сомали действительноладились, сомалийцы пошли своей дорогой, а наши связи с Эфиопией начали энергично развиваться.

Алексей Николаевич Косыгин

Профессия переводчика несколько раз сводила меня с председателем Совета министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным, которого мне доводилось и сопровождать в его зарубежных поездках, и видеть на встречах с иностранными гостями в Москве. Его беседы всегда были конкретными и деловыми. Он умел говорить очень убедительно, докапываясь до самой сути, что особенно привлекало к нему. Такая дотошность порой ставила в тупик меня, переводчика.

Вспоминаю курьёз, случившийся на выставке швейного оборудования. Он все-таки текстильный инженер, Косыгин. На итальянской фирме «Римольди», где были выставлены всевозможные швейные машины, Алексей Николаевич очень внимательно смотрел все экспонаты и вдруг обнаружил какую-то необычную новую модель, по-итальянски называется «талья кучи» – «режет и шьет» буквально. Алексей Николаевич задал стендисту профессиональный вопрос – какая скорость? Разволновавшийся итальянец ответил почему-то на диалекте. Это был, наверное, ломбардский диалект. Вместо того чтобы сказать «дуо мелио медзо» – «две с половиной тысячи», он произнёс на диалекте *дю мюле мез*. И я не понял, я не знал диалектов. (Кстати, у меня в моей практике было несколько таких эпизодов. Диалектов мы не учили, и однажды, переводя фильм, я вдруг услышал, что идет текст на диалекте, и пока я разобрался, что к чему, зал – к стыду моему – начал кричать: «Перевод! Халтура!»). Вот и здесь я не

понял, что ответил специалист. Косыгин с удивлением смотрит на меня – какая же все-таки скорость? И тогда я взмолился: «Итальяно пьяно, пожалуйста» – «По-итальянски, пожалуйста». Он взмахнул рукой и сказал – «две с половиной тысячи». Я удовлетворил любопытство премьера.

О Косыгине люди, знающие его, говорят, что это был сложный персонаж. 16 лет он занимал пост председателя Совета министров СССР, что является рекордом пребывания в этой должности. Мои друзья, досконально изучившие экономическую политику Косыгина, считают, что, если бы была проведена косыгинская реформа, она надолго отодвинула бы падение и крах Советского Союза. К сожалению, в верхах никто всерьез реформу не воспринял, и страна продолжала катиться по наклонной плоскости. Кончилось всё тем, чем кончилось.

Николай Викторович Подгорный

Наверное, третий по значению, но не по интересу персонаж в этом списке вождей – Николай Викторович Подгорный, председатель Президиума Верховного Совета СССР. С ним я ездил с официальным визитом в Сомали.

Надо сказать, что обычно в людях, которых я сопровождал, я старался находить какие-то черты, которые помогали бы в общении. К сожалению, моя вина, у Николая Викторовича Подгорного я не нашел ничего. Это был мрачноватый надутый человек. Когда шли советско-сомалийские переговоры, он довольно бегло руководствовался памяткой, которую мы подготовили. И переговоры шли официально так, как должны были идти.

Во второй день приезда был назначен официальный прием в честь высокого советского гостя. В новом президентском дворце были распахнуты двери. Небольшая мраморная лестница, площадка, и на площадке стоят Сиад Барре с адъютантом, Подгорный и я как переводчик рядом с Подгорным. Вот проходит толпа гостей, Барре с Подгорным всех приветствуют, здороваются. Но в какой-то момент этот людской поток спал, и они остались одни. Подгорный понимал, что он должен что-то сказать, поговорить с президентом. А поговорить не о чем, памятки нет. И если бы я с каким-то пиететом, с симпатией к нему относился, я бы ему просто сказал: «Николай Викторович, спросите, какой у них урожай бананов или еще что-то». Ну, для разговора. Но я молчал. И тут Подгорный загасил папиросу, бросил окурочок на мраморный пол, взял меня под руку, подвел к Сиаду Барре и сказал:

– Алексей, вы спросите у него...

Сиад Барре сделал очень внимательное лицо, приготовившись слушать. И я вижу, что вопрос не готов, он ищет этот вопрос. А я не подсказываю.

– Спросите, у них евреи есть? – неожиданно сказал Подгорный.

Барре не был готов к такому вопросу. Но, правда, он решил, что сейчас начинается серьезный разговор на ближневосточную тему, поэтому ответил очень аккуратно и правду:

– Есть, товарищ президент, но мало.

Подгорный удовлетворенно крякнул и сказал:

– Это хорошо.

На этом беседа закончилась.

Андрей Антонович Гречко

Одной из самых интересных была поездка с маршалом Гречко, который с официальным визитом посетил Сомали. Он возглавлял большую военную делегацию, в которую почему-то, по принципу «нет пророка в своем отечестве», включили мидовского переводчика. Меня отозвали из отпуска и отправили за инструкциями к маршалу Соколову, готовившему этот визит. Затем были переговоры с сомалийцами – они просили военную помощь; военные специалисты

обеих стран согласовывали детали сотрудничества; высокий гость выступил перед хозяевами с речью. Словом, все шло по плану и было очень интересно. Но еще интереснее оказалась яркая и неординарная фигура нашего министра обороны. Расскажу о нескольких эпизодах, которые особенно врезались в память.

В день приезда в резиденции на окраине города, где нас поселили, Гречко собрал совещание по поводу программы завтрашнего дня. Докладывает полковник протокольной службы: на утро намечено посещение стрельбищ, потом визит в воинскую часть и так далее. Министр сидит в кресле и, прикрыв глаза, слушает. Все остальные слушают стоя. Когда полковник закончил доклад, Гречко спросил:

– Это всё? У вас всё?

– Так точно, товарищ министр обороны.

– Значит, так, – говорит министр обороны. – Всю эту вашу программу мы похерим. Моряки есть?

– Так точно, товарищ министр обороны. Контр-адмирал Сонев.

– Значит, передайте крейсеру «Варяг», чтобы пришел на внешний рейд. Лодкам не всплывать. И пригласите президента Сида Барре, (или министра обороны Самантаре, сейчас не помню), на борт «Варяга» на завтрак. Все свободны.

Мы шли по коридору с Игорем Андреевичем Соневым, заместителем начальника штаба ВМФ, Героем Советского Союза, замечательным человеком. Мы с ним много общались во время этой поездки. И я спрашиваю:

– Игорь Андреевич, это всегда так? Так интересно, я-то человек новенький.

И Сонев начал рассказывать:

– Вот недавно, когда разрешили проход через проливы, в Средиземное море вышел крейсер Черноморского флота, по-моему, «Москва», но могу ошибиться. И на этот крейсер на вертолете прилетел Гречко. И происходит следующее. Он сидит в шезлонге на палубе, в спортивных трусах и загорает. Море-то теплое, Средиземное. А над крейсером развевается флаг министра обороны СССР – его подняли, когда министр ступил на палубу. Поэтому вокруг нашего судна на небольшом безопасном расстоянии крутится военный американский катер, или что другое, не помню, может, это был корабль, и вся его команда, высыпав на палубу, фотографирует голого министра обороны Советского Союза. Такого случая им больше не представится никогда, да и никогда раньше не представлялось. Потому что министры обороны в Средиземное море не приходили.

Гречко, которому всё это надоело, командует: «Командира ко мне». Является командир корабля, докладывает: «Капитан первого ранга такой-то по вашему приказанию прибыл». Гречко говорит: «Ну, что у тебя за бардак такой? У тебя министр обороны на борту, а они у тебя шашь туда, шашь сюда. Что это?»

И вот, рассказывает Сонев, замечательный ответ командира. Он берет под козырек и говорит: «Прикажите потопить, товарищ министр обороны?» И он его потопит, если получит такой приказ. Ведь за начало третьей мировой войны будет отвечать Гречко, а не он. И он, командир, объяснил это своему министру этим замечательным ответом. Гречко посмотрел внимательно:

– Ну, чуть что – сразу потопить. Ну передайте, чтобы уходили.

Моряки на флажках попросили: «Ребята, отвалите, пожалуйста». Американцы поняли и ушли.

Мне очень понравился этот рассказ про Гречко, я стал присматриваться к его манерам, поведению. Держал он себя достаточно демократично. Всё открыто, просто, по-военному. Он любил купаться в море. Однажды сомалийцы специально привезли его на пляж, чтобы ему на берегу искупаться. Но был отлив, океан отошел, вода оказалась очень далеко. И Гречко разду-

мал купаться, ему не хотелось идти далеко по песку. И он вдруг встал и без всякой подготовки рубанул:

– Ну ладно, мы, пожалуй, поедем.

– А как же с купанием? – растерянно спросил сопровождавший сомалийский генерал.

– А купаться будет... – он назвал какого-то генерала из своей свиты и уехал. А генерала потом доставляли на самолете. В каком-то смысле, конечно, самодурство. Но я запомнил другой человеческий момент, который очень расположил меня к этому человеку.

Мы уже собрались возвращаться домой, как министр обороны получил из Москвы указание совершить посадку в Каире, где его ждут переговоры с египтянами. Я-то как раз был очень доволен таким поворотом, так как в Каире был мой институтский товарищ, я с ним даже сумел встретиться за те сутки, что мы там находились.

В аэропорту, где мы приземлились, выстроилось несколько шеренг почетного караула, оркестры с развевающимися флагами – египетскими и советскими. Встречали нашу военную делегацию очень торжественно. Уже стоя, смотрю в иллюминатор и вижу, что соседнее окошечко из кабины министра, где он играл в домино со своей челядью, тоже открылось и так же, как я, смотрит на этот парад Гречко. При этом в странной позе, как птица, подняв назад руки. Я понял, что он ждет денщика, который принесет ему мундир со звездой Героя. Маршал поймал мой взгляд и, взявшись за подбородок, вдруг пожаловался:

– Не поверишь, смотрю как на зубную боль.

И мне вдруг стало его жалко. И вместо того, чтобы ответить по уставу, я ему сказал:

– Андрей Антонович, я вам желаю успеха.

Это был такой теплый, доверительный момент. Человеческий.

Потом эта поездка с маршалом Гречко мне аукнулась.

Когда я приехал на работу в Эфиопию – это было мое следующее назначение, – я должен был получить дипкарточку. Для этого посольство отправляет ноту в страну пребывания о том, что посольство СССР свидетельствует свое уважение МИДу и просит выдать дипломатическую карточку первому секретарю посольства А. Букалову. В заключение такие же реверансы – и нота заканчивается. Я сам ее написал, сам отправил. Фотографию приложил. Жду. Никакой карточки не приходит. На мой звонок отвечают, что на фотографии я в очках, а надо без. Проходит еще две недели – никаких документов у меня нет. А время непростое, без документов ты не можешь ничего делать, никуда выехать, ничего. Я помню, что уже обзавелся какими-то связями, познакомился с итальянцем, который работал в комиссии ООН по Африке. И я с ним посоветовался – что делать? Как мне быть? Он говорит:

– Знаешь, здесь все делается по-другому. Ты должен позвонить заведующему отдела, он замечательно говорит по-итальянски, человек еще старой гвардии, пригласи его на обед и выясни, в чем дело. Только так.

– А это вообще удобно? – говорю я.

– Это не просто удобно, это так принято, – отвечает.

Я позвонил, представился, сказал, что хотел бы познакомиться, и спросил – не может ли он отобедать со мной в итальянском ресторане. Мы встретились, пообедали в итальянском ресторане, побеседовали. Разговор был очень светский. Не протокольный. Про состояние здоровья императора, о видах на урожай, о том, что водопады пересохли. Я уважительно обращался к нему – *гиточи*. Это такое обращение к аристократу, придворное выражение. И когда нам подали сладкое, мороженое или папайю, я ему сказал:

– Вы знаете, гиточи, мне, во-первых, очень приятно, что вы приняли мое приглашение. Спасибо вам, я очень рад этому знакомству. Но я хотел бы с вами посоветоваться, потому что я до сих пор не получил дипломатическую карточку.

Он удивился:

– Вы знаете, месье Букалов, я вам скажу такую вещь. У меня на работе в сейфе на средней полочке лежит папочка, и в этой папочке есть листочек бумаги. Я вам его процитирую. Надпись на листочке – дальше переходит на английский: the list of military delegation in Somaly – the minister of Defence Marshall Gretchko... и дальше он точно перечисляет всех – генерал Огарков, начальник Генерального штаба Вооружённых сил СССР – первый заместитель министра обороны СССР, генерал-лейтенант такой-то, адмирал такой-то, перечисляет всех офицеров, а в конце говорит – полковник Букалов, переводчик. Я был потрясен, что он это знает и что всё запомнил наизусть. Он подготовился к этому визиту, к этой беседе. Я сказал:

– Вы знаете, гиточи, мне очень лестно, что у вас такая папочка лежит. Но для вашего сведения хочу вам сказать, что я даже догадываюсь об источнике этой информации, но ещё хочу вам сказать, что я был единственным гражданским лицом в этой делегации. Еще раз спасибо вам за обед и беседу.

На следующий день мотоциклист привез мне конверт с карточкой.

Борис Николаевич Ельцин

С президентом России Борисом Ельциным я никогда не встречался. Но я видел другого Ельцина – первого секретаря Свердловского обкома партии. И он произвел на меня очень сильное впечатление.

Для меня это было неожиданное знакомство. В 1980 году, в год московской Олимпиады, я от журнала «В мире книг» в качестве репортера принял участие во Всесоюзном совещании молодых писателей, которое проходило в Свердловске. Организаторы активно знакомили молодых авторов, съехавшихся со всей страны, с жизнью: возили по предприятиям, устраивали встречи с ударниками коммунистического труда, рассказывали об успехах передовиков производства. Словом, знакомили с трудовым героизмом уральского пролетариата. В рамках культурной программы возили к монументу, символически обозначающему границу между Азией и Европой. Там я вспомнил очень похожий обелиск, который видел на границе Северного и Южного полушарий в Африке.

Вот так совещание потихоньку продвигалось к завершению, и в последний день программой предусматривался визит молодых литераторов в Свердловский обком партии и встреча с секретарем обкома Борисом Ельциным. Я решил, что мне необязательно там быть, я и так заранее знаю, что он скажет. И мне как-то ко времени вспомнился итальянский граф, дипломат Лука Пьетромарки – посол Италии в Москве в конце 1950-х годов. В дипломатических кругах он был известен необычным стилем работы. Когда его приглашали в Министерство иностранных дел на беседу, скажем, с Молотовым, он заранее вызывал шифровальщика и надиктовывал «запись» беседы, используя обтекаемые фразы и устоявшиеся формулировки. В ней было всё, что необходимо для служебного отчёта: и оценка высокопоставленным собеседником проекта мирного договора с Италией, и его указания на то, что необходимо сделать для развития наших отношений и т.д. и т.п. В конце была традиционная обязательная строчка: на беседе присутствовали заведующий первым отделом такой-то, атташе посольства такой-то... Граф закрывал блокнот и отдавал шифровальщику. Единственное, что он мог исправить в готовом тексте, это фамилии присутствующих на беседе. И вот я решил частично использовать опыт графа-посла и написать текст, как говорится, не глядя. Но поскольку утром все просыпаются и начинаются хождения – шум, гром, – я встал и решил, ладно, это недалеко, лишь перейти площадь, пойду. И думаю, досплю на этой встрече.

Зал заседаний был полон. В точно назначенное время, в 10 часов утра, появился Борис Николаевич. Молодой, энергичный. Он вошел в зал, сел за стол президиума. Внимательно осмотрел публику и сказал:

– Ну что, молодые писатели? Вы ждете от меня рассказ о том, как уральский пролетариат дает стране угля? Какую отличную продукцию мы выпускаем? А я не стану вам об этом рассказывать. Потому что, признаюсь, у меня нет достаточно хлеба и продуктов, чтобы накормить этот пролетариат. У меня нет достаточно детских садов, чтобы обеспечить всех детей и помочь мамам.

И пошёл, и пошёл... Я сразу проснулся и уже внимательно вслушивался в каждое слово. Помнится, я подумал: нужно иметь мужество, чтобы делать такое признание. И еще подумал, что этот человек далеко пойдет, если не свернёт себе шею. Я видел, как были обескуражены наши молодые писательские вожди: подобных публичных речей от партийных боссов они точно никогда не слышали. А потом мы фотографировались на фоне памятника Ленину рядом с обкомом. Эта фотография сохранилась как память о первом знакомстве с Борисом Николаевичем Ельциным. Потом я уже внимательно следил, как и все, за его судьбой, за его выдающейся карьерой.

Фидель Кастро

С Фиделем Кастро я столкнулся совершенно случайно в Кремлевском Дворце Съездов на праздновании 60-й годовщины Октябрьской революции. На торжественном заседании я в качестве переводчика сопровождал сомалийского президента Сиада Барре.

Приехав на машине на территорию Кремля, мы через служебный вход вошли во Дворец и уже собрались на лифте подняться в фойе, куда стекалась приглашенная публика, как вдруг лифтер, молодой человек, вопреки всем правилам, спросил:

– А вы не возражаете, если мы возьмем еще пассажиров? Лифт большой.

– Да, конечно.

И в этот момент в лифт вошел Фидель Кастро, тоже с переводчиком. Он, конечно, большой, но не настолько, чтобы пришлось тесниться. Мы поздоровались и собрались поехать, но молодой лифтер снова спросил:

– А можно мы еще возьмем?

«Ну, думаю, какой наглец. Здесь такой звездный состав...» Но не успел я додумать эту мысль, как в кабину вошла официантка с подносом, судя по всему, его приятельница. Я глазел на Фиделя, который стоял передо мной со звездой Героя Советского Союза, на его чуть поседевшую, поредевшую бороду, а Фидель разглядывал официантку, которая в короткой юбочке, белом передничке, такая хорошенькая, стояла с этим подносом и перекидывалась какими-то словами с лифтером. Лифт был скоростным, так что поднялись мы довольно быстро. Я пропустил Фиделя, он прошел к выходу и по дороге ушипнул официантку за попу. Девушка кокетливо захихикала и вышла вслед за Си-адом Барре из лифта. А мне почему-то стало тепло оттого, что этот суровый, мощный, негибемый борец с Острова Свободы вдруг открылся как живой нормальный человек. И я запомнил Фиделя таким – живым, радостным человеком. Вообще-то я довольно много о нем знал, и не только героического, но этот жест меня поразил.

Я вспомнил об этом смешном эпизоде на следующий день после смерти Фиделя, когда уже здесь, в Риме, меня пригласили на телевизионный круглый стол, посвященный памяти кубинского лидера. Видимо, от меня ожидали какого-то политического анализа эпохи Фиделя Кастро. Но так как среди участников было достаточно специалистов по Кубе, я решил, что не буду отнимать у них хлеб. И рассказал о той незабываемой поездке в лифте. А когда передача закончилась, я обернулся к сидевшему рядом со мной Джульетто Къезе, известному итальянскому журналисту и моему давнему знакомому:

– Я думаю, что меня больше никогда на телевидение не позовут.

– Ты что! – возразил он. – Наоборот, это было единственное живое выступление за всю программу.

Я видел Фиделя Кастро, когда он уже был отставным лидером, но по-прежнему обладал громадным авторитетом. Он захотел встретиться с папой Бенедиктом XVI, когда тот был на Кубе. И папа к нему приехал, хотя тоже был не очень здоров. Не знаю, где они встречались, но не в папской резиденции. Не знаю, о чём они говорили, но, судя по рассказам самого Бенедикта XVI, Фидель попросил у папы благословения для его домочадцев. У него было, по-моему, две дочери. Команданте с большим уважением относился к папе римскому, несмотря на то что понтифик не принимал его антицерковную политику. Интересно, что Фидель встречался и с папой Франциском, но подробностей той встречи я не знаю.

Гельмут Коль

Знакомство с германским лидером Гельмутом Колем для меня было очень поучительным. Это была горбачевская эпоха, готовился визит Гельмута Коля в СССР. Накануне визита группа журналистов из Москвы приехала в ФРГ взять интервью у Федерального канцлера Германии. Это были журналисты газеты «Правда», телевидения, «Комсомольской правды», если не ошибаюсь, и «Нового времени», которое представлял я.

Коль принял нас в Бонне, «в своем бункере», как по привычке немецкие коллеги называли кабинет, где канцлер проводил свои встречи. Коль был очень любезен, настроен на активное развитие сотрудничества с Советским Союзом, охотно отвечал на все вопросы. Я был собственным корреспондентом «Нового времени» Никитой Жолтнером, блестяще владеющим немецким языком. И вообще отличным германистом. Он мне всё переводил, так что я мог следить за беседой. Я обратил внимание на то, что Коль настойчиво повторяет одну мысль, которая, признаюсь, поразила меня. Она звучала следующим образом: вскоре, когда Германия объединится... Через несколько фраз – опять: когда мы объединимся... Эта мысль пронизывала всю его речь. Я очень хорошо помню свои ощущения. Я самонадеянно думал: о каком объединении он говорит? Странно: такой умный и влиятельный человек – и говорит такую ерунду. Кто тебе даст объединиться – холодная война?

Как оказывается, дураком-то был я, а не он. И до объединения оставалось рукой подать. Он сделал всё, чтобы расчлененная страна, разделённая бетонной стеной, наконец превратилась в единое государство. И говорил об этом журналистам, чтобы те донесли эту мысль до всего мира. В этом деле он нашел такого замечательного партнера и единомышленника, как советский лидер Михаил Сергеевич Горбачёв. Более того, он стал первым канцлером объединенной Германии. Я думаю, что вместе с Горбачевым он войдет в историю.

А унижительное чувство неинформированного человека, испытанное тогда, осталось на всю жизнь.

Джулио Андреотти

Признаюсь, с детства у меня сохранилась любовь к ночным поездкам. Каждый год именно таким поездом я ездил к бабушке на каникулы из Москвы в Ленинград. Это было очень удобно – вечером выезжаешь, ночью выспишься, утром на месте. Поэтому неудивительно, что, собираясь в командировку из Рима в Турин на юбилейную конференцию, посвященную 20-летию перестройки в Советском Союзе, я купил билет на ночной поезд. К сожалению, сейчас этого поезда уже нет.

Поездка оказалась очень удачной. Утром я проснулся, но из-за того, что окно было зашторено, не сразу определился со временем. Открыл дверь в коридор, чтобы посмотреть – не проспал ли я. И увидел: возле окна стоит известный итальянский политический деятель, бывший премьер-министр Италии Джулио Андреотти. Я быстренько привёл себя в порядок, переоделся, выскочил к нему. Я был с ним давно знаком. Когда еще работал в Сомали, брал

у него интервью – Андреотти был тогда министром обороны, приезжал Могадишо, я с ним встречался в аэропорту, мы долго беседовали. И потом я внимательно следил за его политической карьерой. Прежде всего, по долгу своей журналистской службы.

Политическую карьеру Джулио начал ещё в стенах университета, будучи студентом юридического факультета. Постепенно он дорос до аппарата Совета министров, где на посту секретаря отвечал, в частности, за возрождение итальянской киноиндустрии и содействовал реформированию Олимпийского комитета Италии, распущенного после свержения фашистского правительства. Работу эту заметили, и Андреотти назначили председателем оргкомитета летних Олимпийских игр в Риме 1960 года. А три десятилетия спустя ему вручили Золотой Олимпийский орден – высшую награду МОК. Организаторский талант позволил Андреотти в разные годы возглавлять почти все министерства страны – от министерства казначейства до министерства обороны и МИДа. А в 1972 году он впервые стал премьер-министром и занимал этот пост семь раз. В свой последний премьерский срок Андреотти был уличён в связях с мафией и вынужден был прекратить политическую деятельность. В 2002-м после долгих юридических тяжб его приговорили к 24 годам тюрьмы, но год спустя Верховный суд страны снял с него все обвинения; а ещё через три года его кандидатуру выдвинули на пост председателя Сената Италии. Правда, безуспешно. Вот с этим человеком и свёл меня ночной поезд.

До Турина было ещё полчаса езды, и мы с ним замечательно провели это время. Он мне рассказывал, как приезжал в Москву руководителем итальянской делегации во время так называемой пятилетки пышных похорон – ППП, как он выразился. Приезжал хоронить глав нашего государства. Как председателя кабинета министров его размещали в гостевом корпусе Кремля, и в спальне над кроватью почему-то всегда вешали портрет Карла Маркса. Рассказывал он весело и остроумно. Андреотти был знаменит своим чувством юмора и прославился как автор афоризмов. Самый известный из них: «Власть – это болезнь, излечиться от которой у человека нет желания». Возможно, это он сказал о себе.

В 2008 году вышел итальянский фильм «Изумительный» – о последних годах карьеры бывшего премьер-министра Италии Джулио Андреотти. Премьера прошла на Каннском кинофестивале, где лента получила приз жюри. Наверное, успех картины обеспечили не только её художественные достоинства, но и личность её главного персонажа.

...И другие официальные лица

Отдельную страницу в этой главе о вождях я хотел бы посвятить руководителям союзных республик, которых сопровождал в их поездках в африканские страны. Я называю эти поездки протокольными, но они позволяли узнать людей другой культуры, их характер, традиции, образ жизни. А это всегда интересно.

У нас считалось, что на работу в Африку лучше посылать людей из Средней Азии. Они, мол, более понятны местным жителям, а им будут более понятны проблемы местного населения. Не знаю, кто это придумал, но бытовало такое мнение. Вот и на протокольные мероприятия старались посылать представителей Средней Азии.

Помню, когда в Сомали трагически погиб президент Абдирашид Али Шермарк, советскую делегацию на похоронах поручили возглавить председателю Президиума Верховного Совета Таджикской ССР **Махмадулло Холову**. В составе делегации были заместитель руководителя африканским отделом Дмитрий Александрович Заикин, бывший посол в Ливии и я как переводчик.

Я был хорошо знаком с Али Шермарком: в годы моей работы в Сомали я много с ним общался и много ему переводил. В 1961-м и 1963-м годах во главе правительственных делегаций Сомали он посещал Советский Союз. Президента убили во время его визита в северный город Лас-Анод (это было в октябре 1969 года). В один из дней он, как старейшина, приехал

в небольшой посёлок – мирить два племени, столкнувшиеся из-за колодца. Там и прогремел выстрел. До сих пор неизвестно, кто это сделал.

На похороны прибыли представители из многих стран, в основном из Африки, но были и европейские правительственные делегации. Всё было очень торжественно. Траурная процессия продвигалась по центру города за гробом президента. Оркестр национальной гвардии играл траурный марш Шопена. Был полдень, экватор, и мы в своих костюмах шли в совершенном изнеможении. Кроме Холова, которому было привычно такое состояние погоды. Когда мы, обессиленные, пришли в гостиницу и сорвали с себя галстуки, я спросил его, похож ли этот обряд на тот, что существует в Таджикистане. Там так же хоронят?

– Нет, хоронят они по-своему. Но музык наш, таджикский музык!

А на следующий день я проснулся от звука гусениц и шума моторов. Мы жили в гостинице «Джуба», это одна из лучших гостиниц в центре города, построенная еще при итальянцах. Я вышел на балкон и увидел, что по проспекту Республики движутся колонны танков. И, как в картине Грекова «Освобождение Праги», у них откинута люка и сидят танкисты. Как позже выяснилось, вслед за убийством президента последовал военный переворот, который возглавил генерал-майор Мухаммед Сиад Барре, в то время командующий армией.

Я рванулся к телефону – телефон не отвечает. Тогда я быстро оделся, спустился вниз и увидел около портье стариков-сомалийцев. Среди них оказался один мой знакомый, сомалийский летчик Али Матана, который учился в Москве и хорошо говорил по-русски. Мы с ним и нашими специалистами ездили как-то по стране. Я к нему:

– Али, что происходит?

– Ну, ты видишь, что происходит.

– Понимаешь, я хотел позвонить в посольство, но телефон не работает, – посетовал я.

– Ну как же, – отвечает он, – ленинский план вооруженного восстания: почта, телеграф, телефон. Он не может работать.

Тогда я поднялся в номер и разбудил Холова.

– Понятно, ясно. Надо идти в посольство.

Тут я позволил себе приостановить и сказал:

– Конечно, наверное, надо идти в посольство. Но может, сейчас безопаснее быть не на улице, а в гостинице?

Хотя, по правде говоря, гостиница была недалеко от посольства. Но мне он возразил и даже был разгневан:

– А ты что думаешь, что я боюсь? Хочу прятаться в посольстве? Надо идти в посольство указания давать.

Мы пошли в посольство. Не знаю, какие уж он давал указания, но, во всяком случае, было принято решение уезжать из Могадишо, воспользовавшись одним из советских военно-гражданских самолетов, которые там были. Договорились с Москвой, и мы не только сами вылетели из Могадишо, но еще вывезли с собой итальянскую правительственную делегацию, хотя к моменту вылета не знали, куда летим – в Аддис-Абебу или в Найроби, в Кению. Только когда самолет уже взлетел, командир корабля сообщил, что нам дали разрешение на полет в Найроби. Мы решили, что оттуда должны лететь в Москву через Рим. Поскольку я никак не мог попасть в Италию на работу, я все свои делегации старался возить через итальянскую столицу. Выяснилось однако, что мест на ближайший рейс в Италию нет. И тут нас выручила итальянская делегация, которую мы вывезли из бурлящего Сомали. Каким-то образом она сумела найти места и для нас, и мы прилетели в Рим.

Я вспоминаю Холова еще и потому, что особенно поразило меня в нём: этого высокопоставленного чиновника, одного из руководителей самой маленькой республики практически ничего не интересовало. Даже в Вечном городе, куда все так стремятся.

А из Рима мы поездом отправились в Москву.

Но у меня состоялась еще одна встреча с Холовым. Уже работая в журнале «В мире книг», я поехал в Душанбе на конгресс книголюбов. Нас принимал министр культуры республики. У него на столе я увидел «вертушку» и спросил:

– Можно позвонить Холотову? Передать привет, поздороваться.

Министр набрал номер, что-то сказал секретарю и передал мне трубку. Услышав знакомый голос, говорю:

– Это Алексей Букалов, помните?

– Помню, конечно. А что ты тут делаешь? Зачем приехал?

– А я приехал корреспондентом от журнала «В мире книг» на конгресс книголюбов.

И, поскольку он человек профессиональный, он все сразу понял и, отмечая последующие вопросы, сказал:

– Ну, бывай.

И положил трубку. Я понял, что я в нем не ошибся.

* * *

Председатель Президиума Верховного Совета Казахской ССР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР **Сабир Билялович Ниязбеков**, с которым я тоже приезжал в Сомали, был более радушный и любезный человек, чем его таджикский коллега. Ниязбеков возглавлял советскую делегацию, прибывшую на празднование Дня независимости. Помню, каждый раз, когда мы выходили из нашей резиденции, солдат или офицер караула громким голосом кричал: «Равняйся!», естественно, по-сомалийски. Ниязбеков пугался и говорил: «Стой! Человека задавили!»

– Нет, Сабир Билялович, это у них такой обычай, – успокаивал я его.

С Ниязбековым связано немало любопытных историй. Вспоминаю одну из них. Будучи человеком общительным, он легко сходилась с людьми. И вот на трибуне во время торжественного парада он разговорился с человеком, который привлек его внимание. Тот оказался наследным принцем Саудовской Аравии. А у нас тогда не было никаких отношений с этой страной. Позже выяснилось, что Ниязбеков был первым советским руководителем, который разговаривал с принцем.

Мои симпатии Сабир Билялович вызывал особенно тем, что ему понравился Рим. Там ему всё было интересно. Мы много ездили, смотрели город, достопримечательности. И я рассказал о здешней традиции: если хочешь вернуться в Рим, ты должен приехать к фонтану Треви и бросить в него монетку. Сабир Билялович загорелся этой идеей. Посольство выделило ему «зил», огромный такой членовоз. Я говорю: «На этой машине туда не проедешь. Это в центре, надо идти пешком». Я его привел к знаменитому фонтану. Он бросил монетку, сложил на груди руки и вдруг громко закричал: «Вааааалааааай!» – молитву. Так громко, что все обернулись. И я подумал: «Что? Мне опять больше всех надо? Зачем я привел его сюда? Будет скандал». А народ посмотрел – ну, стоит какой-то китаец и кричит, ну и бог с ним. Да, что еще интересно. Я бросил монетку, бросил монетку наш спутник, а Ниязбеков метнул целую горсть монет. Щедрый. Но почувствовав, видимо, какую-то неловкость из-за этого своего жеста, сказал:

– По-ихнему хорошо, но по-нашему лучше будет. Пускай.

А потом мы поехали на поезде через Вену в Москву. Я делил купе с одним из наших спутников, у Ниязбекова было отдельное купе. Я спросил, удобно ли ему будет, он сказал, что удобно, но проинформировал: «У меня в Алма-Ата вагон на один человек».

Приезжаем в Вену. В Вене стоянка шесть часов – по техническим причинам. На перроне нас встречает секретарь посольства, который сообщил, что посол хотел бы пригласить делегацию на обед. Послом тогда был известный дипломат Борис Федорович Подцероб. В своё время

он был одним из тех, кто в ООН голосовал за провозглашение государства Израиль. Теперь в Иерусалиме есть улица Подцероба.

И хотя мы были ограничены во времени, наш гостеприимный хозяин после протокольного обеда спросил:

– Хотите посмотреть красную гостиную, где Хрущев встречался с Кеннеди? Это здесь, рядом.

– Ну если удобно, то, конечно.

Обед был устроен в новом здании, а знаменитая комната находилась в помещении старого, еще царского посольства. В доме, как говорится, с излишествами. Мы вошли в красную гостиную – она действительно вся была обита красной тканью. «Здесь, рассказывает посол, сидел Хрущев, здесь стояло высокое кресло – для Кеннеди: у него болела спина, и ему было трудно сидеть. А вот здесь переводчики, здесь члены делегации».

– А вы были, Борис Федорович? – интересуюсь я.

– Был.

И он начал рассказывать, как все они нашли общий язык. Выяснилось, что Кеннеди был ровесником старшего сына Хрущева – Леонида, погибшего в годы Великой Отечественной. И что спина, которую он так держит, – результат ранения на войне. Он был на катере, катер подбили, Кеннеди плавал в холодной воде, и вот они, эти следы войны...

– Скажите, пожалуйста, что же такое произошло, если после подобной беседы мир оказался на грани ядерной войны? – спросил я.

– А вы знаете, это ошибка переводчика.

– Там же был Суходрев, какая могла быть ошибка?

Действительно, Виктор Суходрев, личный переводчик Хрущева и всех наших вождей, был блестящим лингвистом и ошибиться не мог. Но посол разъяснил:

– Там было два переводчика. Суходрев переводил на русский, а специалист из Госдепартамента – на английский. Так всегда делается на подобных встречах. И когда лидеры заговорили о войне, Хрущев растрогался, протянул руку к Кеннеди и, чуть не коснувшись его колена, произнёс: «Эх, молодой человек...» Как-то так, имея в виду, наверное, «молодо-зелено».

Борис Федорович сказал, что не слышал точного перевода, но «young man» прозвучало отчетливо. И Кеннеди, вдруг резко выпрямившись, бросил: «*I am not a young man! I am the president of the United States of America!*»

Дальше разговор не пошел...

Вот так благодаря Ниязбекову я попал и в такое интересное место и узнал эту историю. За что я ему искренне благодарен.

* * *

С руководителем Киргизии **Турабаем Кулатовичем Кулатовым** я ездил в Танзанию в качестве секретаря советской делегации. Нас очень хорошо принимали, предложили чрезвычайно интересную программу. Мы побывали в Национальном парке – я впервые попал в такой ухоженный Национальный парк, встретились с первым президентом Танзании Джулиусом Ньерере. На территории президентского дворца мы увидели маленький домик, над которым развевался угандийский флаг, – там жил в изгнании бывший президент Уганды Милтон Оботе, свергнутый угандийским диктатором Иди Амином.

Нам была предложена поездка на остров Занзибар, с которым объединилась бывшая германская колония Танганьика. Отсюда и новое название молодой страны – Танзания. Так что мы смогли посетить обе её части. На остров через пролив мы полетели на маленьком самолётике, за штурвалом которого был рыжий англичанин. Время от времени он вынимал из высокого чулка фляжку и делал глоток. Не знаю, что там было, думаю, виски. Я тревожно обратился

к нашему танзанийскому сопровождающему, но он успокоил: «Не волнуйтесь, все в порядке. Он только так и летает».

Из аэропорта мимо гвоздичных плантаций мы проехали весь живописный остров. Городок, куда мы ехали, похож на беломазанный Могадишо. По дороге остановились, чтобы размять ноги, около большого дерева, под которым сидели люди в ожидании автобуса. И вдруг меня окликнул сидевший под этим деревом человек с бородой, с капюшоном от солнца: «О, Букалов приехал!» Я страшно удивился. Оказалось, что это мой товарищ по институту, немец Юлиан Холандер. Он был уже консулом на Занзибаре. Мы обнялись:

– Что ты тут делаешь?

– Вот приехал с советской делегацией, едем к президенту Занзибара и вице-президенту страны.

Ну, дальше все шло по протоколу, за исключением одного курьезного момента. Шейх, президент Занзибара, устроил в нашу честь обед на улице. Конечно, традиционный обмен речами, тосты. В середине обеда шейх вдруг встал, и все тоже начали подниматься, недоумённо переглядываясь. Оказалось, что наш высокопоставленный хозяин просто подошел к дереву и помочился.

На обратном пути на родину Турабай Кулатович Кулатов тоже изъявил желание остановиться в Риме. Я заказал для всех нас гостиницу. Ко мне в гостиницу пришел мой старинный приятель Юра Агаян, с которым мы когда-то работали вместе – и в Москве, и в Сомали. К сожалению, его уже нет в живых. А в то время он был сотрудником консульства в Риме. Он пришел за мной, чтобы прогуляться.

– Надо все-таки предупредить начальство, что мы уйдём на пару часов, – сказал я.

Мы дошли до комнаты Кулатова, постучали, на ответ «Войдите» открыли дверь и увидели необыкновенную и очень трогательную картину: председатель Президиума Верховного Совета Киргизии с тряпкой в руках моет пол.

– Что случилось, Турабай Кулатович?

– Я тут так налил, что неудобно, надо помыть.

– Оставьте, не трогайте, придет горничная, все вымоет.

Это был удивительно скромный человек. Как-то он мне рассказал свою историю и о том, как попал в руководители. Он был шахтер, передовик, давал много угля. Ему предложили вступить в партию, он вступил. Прошло какое-то время, и вдруг за ним – он жил где-то в провинциальном городке – приехала машина. Ему сказали, что надо ехать в столицу, во Фрунзе. Киргизы, как известно, не произносят звук «ф». Поэтому они называли свою столицу Прунзе. Ему дали время собраться, и пока он складывал вещи, жена – в плач: «Говорила тебе, что не надо в партию вступать, этот вступил в партию – его забрали, тот вступил – его забрали...» Под ее причитания он и уехал. Привезли его в «Прунзе» (Фрунзе), привели в большой красивый дом на какое-то заседание. Тут выяснилось, что председатель СНК Киргизской ССР накануне был арестован. Шел 1938 год. Офицер, который сопровождал Кулатова, вывел его на трибуну и сказал: «Товарищи, прошу любить и жаловать, это товарищ Турабай Кулатов, новый председатель Совета народных комиссаров нашей республики». Он начал учиться, шёл в основном по партийной линии. Со временем стал председателем Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, депутатом Верховного Совета СССР. Вот такая биография.

Королевские игры

Общение с коронованными особами, это, прошу прощения за каламбур, особое приключение духа. По роду службы мне доводилось наблюдать их совсем рядом, о чём я и хочу рассказать.

Несколько раз я встречался с императором **Хайле Селассие I**, уже на исходе его царствования. А до этого общался с его внуком, возможным наследником, хотя это не было официально заявлено. Сына своего он лишил наследного титула, а вот принцу Искандеру Деста всячески потворствовал. Возможно, потому, что тот был морским офицером, носил звание контр-адмирала, служил заместителем командующего Военно-морским флотом империи. А Хайле Селассие очень хотел видеть свою страну морской державой и даже своей властью присвоил Эфиопии этот титул. Ежегодно он проводил день военно-морского флота. Центром торжеств был красноморский порт Массауа (Массава). По приглашению императора туда приходили военные корабли «всех дружественных государств», как сообщала пресса. И тогда беломазанный городок, приткнувшийся к Красному морю, преображался. На внешнем рейде развевались многоцветные флаги разных стран, на берегу одновременно собиралось до десяти тысяч военных моряков, а со всей восточной Африки сюда на ослах, верблюдах да на чем угодно стекались проститутки. Это был их праздник. Город пел, плясал, гудел, не утихая, и только советские моряки группами по пять человек с младшим офицером во главе чинно прогуливались по его улицам.

Я дважды присутствовал на торжествах в Массава. Помню, на него пришел эскадренный миноносец «Дальневосточный комсомолец» под советским флагом. Пришел американский корабль, иранский крейсер, пришел китайский военный корабль. Был военный парад. Это было единственное, наверное, место в мире, где в общем строю шагали советские и американские моряки. Проходя перед трибуной, строй приспускал флаг. А на трибуне, сделанной в виде носа корабля, в адмиральском белом мундире стоял император Хайле Селассие. Всё было очень торжественно.

Обычно на этот праздник съезжались высокие гости. На том, о котором я вспоминаю, главной гостьей была британская **принцесса Анна**, дочь королевы Елизаветы II. Она выразила желание посетить советский корабль. Об этом мне сообщили наши моряки, пригласившие меня на свой миноносец прочитать им лекцию об Эфиопии. Они спросили: какой подарок можно сделать знатной гостье?

– А что у вас есть? – в свою очередь поинтересовался я.

– Ну, мы можем ей подарить большую банку черной икры.

– Замечательно. Это не обсуждается. А что еще есть?

– Нам дают с собой всякие призы, которые мы разыгрываем во время похода. Баскетбольный, например, – мы играем на палубе. Вот посмотрите в кают-компании.

И я вижу, что среди призов, которые никак не годятся для подарка принцессе, стоит фигурка всадника, берущего препятствие.

– Вот, подарите ей это, она же наездница, чемпионка Европы по конному троеборью. Она будет очень рада.

Принцесса действительно была в восторге от такого неожиданного подарка и очень трогана вниманием советских моряков. Я не присутствовал на приеме, данном в честь Её Королевского Высочества, но был на инструктаже, который проводил замполит на «Комсомольце». Он говорил: она, конечно, принцесса, но прежде всего она – ваша ровесница. Поэтому будьте гостеприимны и дружелюбны.

Вообще с принцессой Анной у нас происходили разные казусы. Один приятель-дипломат рассказывал мне, как в 1973 году, когда принцесса с неофициальным визитом приезжала

в СССР в составе британской команды по конному спорту, в ее честь Президиум Верховного Совета устроил завтрак с английским послом. И председатель Президиума Николай Викторович Подгорный, прощаясь, как радушный хозяин сказал 23-летней гостье:

– Ваше высочество, в следующий раз приезжайте с родителями.

Все остолбенели. Это была совершенно невероятная формула приглашения: ведь родители Анны – королева Великобритании и принц-консорт.

В продолжение этой истории я могу похвастаться встречей с **принцем Филиппом**. Это было в октябре 1994 году, когда королева Великобритании Елизавета II вместе со своим супругом посетила нашу страну. Я был в это время в Москве и благодаря своим знакомым попал на прием в английском посольстве. На этом приеме был и Лев Эммануилович Разгон. Вот мы стоим у окна, разговариваем, смотрим на Кремль – красиво, редко в таком ракурсе его можно увидеть. Вдруг замечаем: прямо к нам решительно направляется пресс-секретарь посла (мы с ней были знакомы), а за ней – принц Филипп. Еще раньше я обратил внимание, что королева очень маленького роста. Прямо крошечная. Принц Филипп тоже оказался невысоким, просто рядом с ней он казался выше. Пресс-секретарь с принцем подходят, здороваются, она представляет нас – я представился как корреспондент ТАСС, которым тогда и был. «Я думаю, у вас в ТАССе сейчас многое изменилось?» – заметил принц. Мы перекинулись парой вежливых фраз, и пресс-секретарь сказала:

– Его Высочество хотел познакомиться с господином Разгоном и что-то спросить у него.

Оказалось, что принц прочитал книгу Льва Разгона о ГУЛАГе, недавно переведенную на английский язык, и его интересовало, как в ГУЛАГе проводился в исполнение смертный приговор.

– В Великобритании это была виселица, в Америке – электрический стул или смертельная инъекция, во Франции была гильотина. А что в ГУЛАГе?

И Разгон, все время повторяя «Ваше Высочество», рассказал, что там просто стреляли в затылок. Проводили заключенного по лестнице и стреляли в затылок. Были, конечно, массовые расстрелы, но когда приводился в исполнение приговор, делали именно так.

Почему принц проявил такое любопытство? Значит, зачем-то ему надо было это знать...

Первый раз короля Иордании **Абдаллу II** я совершенно неожиданно встретил в Риме, на пьядца Навона. Я оказался на запруженной народом площади в тот момент, когда полиция вдруг начала расчищать дорогу, и я увидел короля, который шёл с экскурсией, и как обычный турист, послушно смотрел направо-налево, следуя разъяснениям гида.

Второй раз я увидел его в совершенно другой обстановке. Я сопровождал папу Бенедикта XVI в его поездке на Святую Землю. Перед посещением Израиля и Палестины у него была ещё одна точка на маршруте – Иордания. По приглашению короля. Теперь передо мной был совершенно другой человек. Абдалла II принимал понтифика в военной форме – ведь он не только главнокомандующий Вооруженными силами Иордании, но ещё и облачён высокими воинскими званиями: фельдмаршал и маршал Королевских Иорданских ВВС.

Встреча была торжественной. Прошел строем почетный караул. Король и папа сидели на возвышении и тихо о чём-то беседовали. Потом подали папский автомобиль, и Абдалла проводил гостя до машины. Кортёж тронулся. Мы, члены папского пресс-пула, выезжали позже, поэтому могли наблюдать, как, козырнув папе, Абдалла повернулся и быстро – почти бегом – направился к стоявшему поодаль военному истребителю, поднялся в кабину, сел за штурвал. Убрали трап. Король жестом показал, что готов, вырулил на взлетную полосу и взмыл в небо. Это произвело сильное впечатление. Он был профессиональный летчик, учился в Англии и США, в военно-воздушной академии.

А на отдыхе в Риме ходил как турист по Вечному городу со своей красавицей-королевой.

Три удара под дых

Есть у человека такое уязвимое место – ребро. Есть даже выражение – дать под ребро: уязвить, значит, унижить. Может употребляться и в прямом, и в переносном смысле. Я сам попадал в такую ситуацию – получал под ребро. Насколько помню – трижды.

Первый раз это было в Эфиопии, ещё во времена императора Хайле Селассие I. Эфиопия тогда дружила с американцами, которые через свою достаточно влиятельную организацию Pease Corps (Корпус мира) отправляли добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи, в том числе гуманитарной, в области искусства и культуры. В частности, устраивали выставки, концерты. Я даже побывал на концерте классика мирового джаза Дюка Эллингтона, который в рамках программы Корпуса мира проходил в главном зале муниципалитета Аддис-Абебы.

Это был совершенно замечательный концерт. Когда Дюк под свой знаменитый «Караван» появился на сцене, зал встал, приветствуя его. Единственный человек, который не шевельнулся, был Хайле Селассие, сидевший в своей императорской ложе. Ему не по чину было вставать. Потом Эллингтон был у него в ложе, император подарил ему какую-то медаль.

А спустя некоторое время в том же здании, где размещались офисы муниципалитета, – называлось оно Сити Холл – сделали выставку американской книги. Причем книги образовательной, познавательной: атласы, альбомы по искусству, художественные каталоги. И мы с моим другом Эдуардом Агароном (он был корреспондентом РИА Новости), по специальному приглашению попали на открытие этой выставки. Идем вдоль стеклянных стендов, внимательно разглядываем экспонаты – они были открыты, можно было взять книги, полистать, что люди и делали. Эдуард показывает мне какой-то альбом. Я протягиваю к нему руку, и в этот момент получаю несильный, но чувствительный удар под ребро. Оборачиваюсь и вижу, что ко мне приставлен небольшой пистолет. Его держит, слегка наклонившись, человек в военной форме. Я делаю шаг и... наступаю на императора, который идет с другой стороны и тоже смотрит на этот альбом. Отхожу назад: «Ваше Величество». Инцидент исчерпан. Это был первый раз.

А второй – в Хартуме, столице Судана, во время военного переворота. Почему-то я шел по улице куда-то по своим делам. И вдруг меня буквально припечтало к стене сильным ударом под ребро. Оказалось, это просто военные наводили порядок и проверяли, кто тут шляется в неуточное время. Как-то зубами, потому что руки у меня были подняты, я исхитрился вытащить из кармана дипломатический паспорт, и был отпущен.

В третий раз удар под дых я получил от своего коллеги, после совместной пресс-конференции Владимира Путина и премьер-министра Сильвио Берлускони в апреле 2008 года. Это произошло на вилле Берлускони «Чертоза» в пригороде города Порто-Ротондо на острове Сардиния. Тогда российский президент прибыл с рабочим визитом в Италию всего через три дня после досрочных парламентских выборов, в которых убедительную победу одержала коалиция Сильвио Берлускони, и стал первым из зарубежных лидеров, кто лично поздравил его с этим успехом.

Известно, что Путина и Берлускони связывают хорошие дружеские отношения, и эта дружба, по словам итальянского премьера, идет на благо Италии и России. Об этом он говорил на пресс-конференции и ещё раньше мне лично, когда мы, дожидаясь высокого российского гостя, целый час ходили вдоль посадочной полосы и замечательно беседовали. Кстати, Путин уже приезжал на остров, который потом охарактеризовал как «шикарное место».

После окончания пресс-конференции Берлускони шагнул в зал, продолжая отвечать на вопросы журналистов, а Путин незаметно ушел за кулисы. Мы с моими московскими коллегами-журналистами решили подождать президента, чтобы уже в неформальной обстановке

здать ему пару-тройку вопросов. И я вдруг понял, что здесь мы его запросто прозеваем, и сказал, где надо «ловить» президента.

– Ребята, он сейчас пройдет вон там, потому что там только один проход. Пойдёмте.

И действительно, видим – Путин идёт со своим пресс-секретарем Алексеем Громовым и еще с кем-то из сопровождающих. Увидев нас, он остановился, узнал многих корреспондентов и начал замечательно общаться, подробно и интересно отвечать на вопросы. Естественно, свой вопрос задал и я и получил в бок такой же удар, какой я помнил по визиту императора и посещению Хартума. Это Алексей Громов пальцем довольно сильно ткнул меня под ребро. Я ему:

– Ты что?

– Он опаздывает!

– Ну он сам скажет об этом, – огрызнулся я.

Как я ходил во власть

Это замечательная работа – поддерживать дипломатические отношения с Ватиканом. И ею занимались очень профессиональные люди. За одним исключением.

Первым Официальным представителем СССР/России в 1990–1995 годах здесь был Юрий Евгеньевич Карлов, потом Геннадий Васильевич Уранов, Виталий Яковлевич Литвин, а 31 декабря 2010 года была учреждена должность посла, которую занял Николай Иванович Садчиков, бывший до того пять лет в статусе Официального представителя России в Ватикане.

Но был такой момент, когда место оказалось вакантным. По каким причинам? История эта довольно забавная, чуть-чуть грустная, да и поучительная.

У Бориса Николаевича Ельцина был пресс-секретарь Вячеслав Костиков, профессиональный журналист, работал в Париже в «Курьере Юнеско» – была такая «богадельня». Потом он вернулся в Москву и попал к Ельцину в секретариат. Человек он довольно заносчивый и, к сожалению, абсолютно лишенный чувства юмора. Однажды он поругался с охраной. Это было во время какого-то плавания на пароходе. Не помню по какой реке, рек много у нас. В разгар очередного веселья охранники бросили его в воду – пошутили. Шутки и отношение к ним, как известно, тоже отражают характер человека. Журналиста, конечно, достали, но, как говорил Зошенко, он затаил в душе некоторую грубость. Борис Николаевич решил сгладить инцидент и вознаградить своего пресс-секретаря. Каким образом? Ельцин, естественно, поинтересовался – есть ли у того какие-либо просьбы. «Вот, Борис Николаевич, место вакантное, послом в Ватикане. Это была бы для меня очень интересная работа».

А в это время в Ватикан официальным представителем России оформлялся бывший зам. генерального директора ТАСС Анатолий Красиков, прекрасный журналист, который ещё в конце 1950-х – начале 60-х годов был единственным советским корреспондентом, аккредитованным при Ватикане. Он блестяще знал и много писал про Святой Престол и уже приезжал сюда в качестве кандидата на новую должность, бывал в доме Юры Карлова; Красикову даже выделили жильё, где он как будущий хозяин поменял обои – думал, что приедет туда на работу. Тем более что и Борис Николаевич, в администрации которого работал тогда Красиков, уже дал слово. Но как хозяин своему слову, он его дал, он его и взял. Так Костиков попал официальным представителем России в Ватикан. У него французский язык, итальянский он нарочно не учит, ведет себя так, словно получил синекуру. Познакомились мы на одном из приёмов, устроенном послом Украины, с которым я здесь дружил.

– Вот, это Вячеслав Костиков, – представил он. – А это мой друг Алексей Букалов, он, кстати, пишет для газеты «Сегодня».

– О, значит мы с вами конкуренты, – сказал Костиков.

– А вы разве тоже пишете про Италию? – поинтересовался я, но ответа не получил.

Меня поражала его самовлюбленность. Его речь пестрела такими оборотами, вроде: «Вот мы, писатели, даже цвет видим по-другому». Так и хотелось ему напомнить, что был тут до него один писатель, Николай Васильевич Гоголь, правда, он называл себя литератором. Скромно...

В этой своей фанаберии Костиков один раз просчитался. К нему приехало телевидение – взять интервью. А он выпил. И начал говорить про Ельцина: у него, мол, есть одна страсть – жажда власти. И это делает официальный представитель государства, нарушая все этические, нравственные и политические нормы! А ведь ещё со времен Бисмарка строжайше запрещено критиковать своего нынешнего работодателя. Действующий посол не имеет права делать это, равно как и писать мемуары – ушел, пожалуйста! Конечно, одиозное высказывание сразу стало известно, и даже покровительствующий ему на тот момент Примаков, бывший тогда министром иностранных дел РФ, сказал: надо его отзывать. Проходит несколько дней, Костиков уезжает. А он за это время много чего успел. В частности, бросить виллу, которая ему не понравилась. Поскольку он из администрации президента, ему сняли виллу в престижном месте, на Аппиевой дороге. Очень хорошую, с бассейном. И была еще резиденция, снятая ещё до его назначения, рядом с Ватиканом...

Я наблюдаю за этой историей, и вдруг раздается телефонный звонок. Звонит мой генеральный директор Виталий Никитич Игнатенко.

– Алексей, как у тебя дела, все нормально?

– Да, все нормально.

– А ты в Москву не мог бы подъехать? По делу, не телефонный разговор.

– Когда?

– Сегодня не мог бы?

– Сегодня уже не успею, но могу вылететь ночным самолетом и завтра утром быть в Москве.

– Давай так и сделаем.

– Что-то случилось?

– Нет, но надо кое-что обсудить.

Приезжаю утром к Никитским воротам, к ТАСС, встречаюсь в генеральном. Тот протягивает красную папочку, в ней – шифрограмма за подписью тогдашнего посла в Италии. В ней говорится, что в связи с вакансией в посольстве СССР при Ватикане, посольство в Италии вносит предложение назначить на эту должность заведующего отделением ТАСС Алексея Букалова, который много знает, то да се. Совсем как в той характеристике, когда меня выгоняли из МИДа с «волчьим билетом». И Игнатенко с торжествующей улыбкой говорит мне: «Как тебе это предложение?».

– Виталий, пойми меня правильно, – говорю. – Получается, что они меня выгоняют в дверь, а я в окно лезу. Я уже другой человек, у меня другие интересы. И опять возвращаться в эту контору... ты меня извини. Это, конечно, почетное предложение, я понимаю.

– Но лучше тебя никто это не сделает...

– Но это не самый важный аргумент. И я не уверен, что это так. Конечно, мне было бы это интересно...

– Не валяй дурака, ты меня просто удивляешь. Я уже договорился, что сегодня вечером тебя примет председатель Комитета Госдумы по международным делам Владимир Лукин, а завтра в МИДе – замминистра по Европе, который курирует Ватикан, Коля Афанасьевский. – И называет ещё несколько имен. – А пока, говорит, садись (у него при кабинете ещё комнатка есть), вот тебе бумага, пиши записку на имя Примакова. И твои соображения по Ватикану.

То есть я еще должен был оправдать свое назначение. Помню, я сел и за полчаса написал почти пять страниц текста, который назывался «Государство Ватикан и государственные интересы России». Расписался, он тут же передал это секретарю – отправить Примакову, который тогда возглавлял МИД.

За два дня я прошёл по всему этому кругу. Прощаясь, Игнатенко говорит: «Я тебе сообщу».

Когда я вернулся в Рим, Галя была возмущена. «У тебя нет гордости! Тебя поманили – и ты поехал!»». – «Галя, пойми, для дипломата это уникальная работа», – возразил я.

Закончилась эта история замечательно. Бумаги о назначении для решающей визы попали к Александру Коржакову, который был тогда первым помощником президента России. И хотя был последний день его работы в этой должности (избранный в депутаты, он переходил в Государственную думу), он тем не менее ещё визировал поступавшие к нему бумаги. И Коржаков наложил резолюцию: «Хватит нам журналистов в Ватикане», памятуя, видимо, историю с Костиковым. Он, Костиков, сейчас по-прежнему очень активен, пишет везде. Не знаю, за кого он, – за наших или за ваших.

Это называется – как я ходил во власть.

На самом деле я очень благодарен за такой исход. Посол, который приехал, Геннадий Васильевич Уранов – большой умница, замечательный человек, но он уже давно сменился, он ушел в мир иной. Я был хорошо с ним знаком. Во-первых, потому что он тоже был учеником Юлии Абрамовны Добровольской, как и многие, кто проходил через Италию. А во-вторых, то недолгое время, что я был в посольстве, я работал у него, в политической группе Уранова, поэтому он меня знал.

Александр Алексеевич Авдеев, посол, который здесь сейчас, – совершенно выдающаяся личность, и к нему с большим пиететом относится папа Франциск. Однажды во время своего очередного папского визита он подошел ко мне в самолете и сказал:

– Я вам давно хотел сказать, что у вас замечательный посол. Он, конечно, высокий профессионал, но еще и очень душевный человек. Он мне иногда говорит такие вещи, о которых я потом долго думаю, рассуждаю.

– Мне очень приятно, что вы мне это сказали, – ответил я. – И я вам скажу – почему. Потому что я считаю его своим другом. Но вот вы сказали, что он профессионал, он действительно был послом во Франции, послом в Люксембурге, в Болгарии, заместителем министра иностранных дел. Но у него была еще одна страничка в биографии – он был министром культуры.

И папа Франциск, который не знаком с нынешним министром (В. Р. Мединским), сказал мне замечательную фразу: «Какая культура, такой и министр».

Я передал этот разговор Авдееву – он был очень доволен. Он человек непростой, простых там не бывает, и я действительно считаю, что он одаривает меня своей дружбой. Иногда мы отправляемся с ним в интересные поездки. Например, побывали на открытии выставки и мастер-класса Зураба Церетели в Вероне. Интересная выставка. Авдеев всё знает, всё понимает и очень тонко чувствует. Очень достойный человек.

Мой Пушкин

Пушкиным я начал интересоваться ещё будучи в командировке в Эфиопии. Однажды я оказался на севере страны на речке Марерб. Где-то я прочитал, что это та река, по которой вели аманатов (заложников). Одним из пленников был прадед Пушкина, знаменитый впоследствии арап Ганнибал. Это был толчок к тому, чтобы начать изучать жизнь и творчество поэта. И первая моя книжка, связанная с Пушкиным, был «Роман о царском арапе» – своего рода исследование неоконченного прозаического произведения Пушкина «Арап Петра Великого». Интересно, что сам Александр Сергеевич не дал названия своему сочинению. При жизни поэта в журнале «Современник» с пометкой «главы из исторического романа» были напечатаны два отрывка под общим заголовком «Арап Петра Великого». С этим названием незаконченное произведение Пушкина и вошло в литературу.

Мне было важно в этой книге не наступить никому на ноги. Прав был Маяковский, когда говорил: «Бойтесь пушкинистов». Пушкинисты – народ очень ревнивый, очень придирчивый, что правильно, ведь пушкинистика – это академическая наука. И если учесть уровень, на котором осуществляются пушкинские исследования или, как принято говорить, пушкинские штудии, то это один из передовых рубежей русского литературоведения.

Работа в журнале «В мире книг» подарила мне прекрасную возможность заниматься темой, которой я заболел, за что я ему особенно благодарен. Это, конечно, общение со многими замечательными пушкинистами, в частности, с Юрием Михайловичем Лотманом и, в первую очередь, с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Никогда не забуду лекции Лотмана в литературном музее А. С. Пушкина на Пречистенке, его выступления про «Пиковую даму» – потрясающие! Лотман произвёл на меня такое впечатление, что я искал возможности встретиться с ним. Как-то мы с Борей в его каникулы ездили по Эстонии, жили на острове. Воспользовались случаем и на катере доплыли до Тарту, где Лотман преподавал в университете. Мы перехватили его буквально на одну минуту – он куда-то бежал – перекинулись парой фраз. Но и так – совсем коротко встретиться с ним было счастьем...

Вообще Музей Пушкина был замечательный дом. Мы там буквально паслись. Нашим кумиром был удивительный человек, историк, литературовед и блестящий лектор Натан Яковлевич Эйдельман. Нас же называли «птены Эйдельмана». Человек совершенно парадоксального ума, он – без преувеличения – открыл современникам глаза на историю русского общества и русской литературы. Исследуя отечественную культуру и общественное движение России в XVIII–XIX веках и прежде всего – движение декабристов, он особенно внимательно подходил к нравственной трактовке происходивших событий, и мысли героев его книг, посвятивших себя борьбе за свободу в России, оказывались актуальными в условиях советской действительности. Поэтому его книги, написанные к тому же великолепным языком, были очень популярны среди критически настроенной части советской интеллигенции.

К пушкинской теме Натан Яковлевич относился особенно трепетно. Дело в том, что подавляющее большинство пишущих о Пушкине были филологи. Эйдельман-историк постоянно стремился присоединить к разнообразным литературоведческим данным материалы, документы чисто исторического характера, основываясь на архивных изысканиях, рукописных документах, извлеченных из различных хранилищ. И всегда это были настоящие открытия. Я считаю, что мне выпала большая честь – выступать рядом с таким учёным на пушкинских конференциях в Москве, Ленинграде, Болдино, Пушкиногорье.

Мне же Натан Яковлевич сделал бесценный подарок – дал объяснение происхождения имени Ганнибал. Как-то вечером мы сидели, разговаривали – беседа, разумеется, вращалась вокруг Пушкина. Я сильно сомневался, чтобы это имело отношение к великому полководцу. Эйдельман говорил: представьте себе, арапчонок попадает в царский двор, пытается там укрепиться где-то близко к власти. Это было время, когда у всех были прозвища. Все придворные имели свои прозвища. И я думаю, что у арапчонка было прозвище Каннибал – людоед. Потому что если ты черный – значит, людоед. Прозвище закрепилось и вошло в историю лишь с одной изменённой буквой. Со ссылкой на учёного я опубликовал эту версию.

Я был счастлив, что незадолго до смерти с 58-летнего учёного сняли, наконец, гриф «невъездной», и он впервые попал за границу. Поездку по Италии он совершил с другом, писателем и врачом Юлием Крелиным в связи с выходом на Апеннинах их совместной книги «Итальянская Россия». Он приехал к нам в Рим. Воодушевленный увиденным, взахлеб рассказывал нам о своем путешествии и шутил: «Невъездной Эйдельман проникся чувствами невъездного Пушкина».

Ну а своим крёстным отцом в пушкинистике я с полным правом могу назвать Дмитрия Сергеевича Лихачева, благословившим меня на то, чтобы заняться изучением творчества великого поэта.

Однажды по заданию журнала «В мире книг» я брал интервью у этого выдающегося ученого-литературоведа. Во время беседы я признался ему: «Пушкиным интересуюсь давно, с африканских времен, но знаете, очень боюсь внедряться в пушкинскую тему. У меня нет специального литературоведческого образования, и я опасаясь ваших коллег не только по Пушкинскому Дому, но и пушкинистов вообще». – «И правильно делаете», – заметил Дмитрий Сергеевич и дал мне замечательный совет. «Чтобы заниматься Пушкиным, надо выбрать свою тропинку, – сказал он. – Вот у вас я вижу их сразу две. Например, «пушкинская Африка» не чужая для вас тема. «Аманатов вели по реке Марерб». Вы были на реке Марерб?». – «Был», – отвечаю. – «Вот видите. А они не были. Вот вам одна тропинка. И потом «итальянский Пушкин». Вы ведь итальянский язык знаете?». – «Знаю». – «А наши пушкинисты иностранных языков не знают», – посоветовал Дмитрий Сергеевич.

Так я пришёл к моему Пушкину.

Общение с Лихачёвым было для меня большой профессиональной и человеческой школой. Я не раз встречался с ним, брал интервью, много беседовал. Он водил меня на небольшую экскурсию по дому творчества под Москвой, где отдыхал, рассказывал разные смешные и грустные истории. Он был человек какой-то необыкновенной, выдающейся ауры. Я вспоминаю его с нежностью.

Когда я уже работал в Италии, мы ездили с ним к папе римскому Иоанну Павлу II (Войтыле). По дороге он мне рассказал забавный эпизод, связанный с его первой поездкой в Ватикан. Перед отъездом их, группу ленинградской интеллигенции, собрали, как водится, в обкоме партии, в отделе идеологии. Секретарь обкома инструктировал, как нужно себя вести, что можно, а чего нельзя говорить и делать. И Дмитрий Сергеевич, цитируя партийного босса, сказал фразу, которую я теперь повторяю всем своим гостям здесь. Партчиновник сказал так: «Будете в Риме, встретите папу римского, никаких там «батьа, пахан, папаша». Только – Папа Римский!».

Войтыла очень тепло встретил русского гостя. Дмитрий Сергеевич подарил ему альбом, посвященный Соловкам, где он отбывал свой срок. И в этом альбоме показал фотографию монастырского корпуса – окна, решетки. Это были камеры, где сидели католические священники. Я никогда не забуду, как эти два старика неспешно листали альбом и плакали.

Вот такой человек привёл меня к Пушкину.

В годы моей самодеятельной пушкинистики полагалось бывать во всех пушкинских музеях и центрах. Это была замечательная традиция. Мы ездили в Михайловское, Пушкинские горы, по пушкинским местам Приволжья, я уж не говорю о Ленинграде и Пушкинском Доме. Это была колоссальная школа.

Каждый год наш журнал давал мне возможность ездить осенью в Болдино, на знаменитые «Болдинские чтения». Помню, мы жили в Доме колхозника, почти как в коммунальной квартире, удобства во дворе. Но всё это ерунда по сравнению с тем наслаждением, которое мы испытывали, говоря о Пушкине в тех местах, где он бывал, которые он любил. И прежде чем что-то опубликовать о Пушкине, я выступал с докладом. Как бы прогонял через них, специалистов и знатоков, то, что мне удалось разыскать, получал квалифицированные замечания и советы, к которым внимательно прислушивался. Я никогда не претендовал на какое-то научное присутствие в этом элитном обществе пушкинистов, поэтому все мои книги – у меня четыре пушкинских книги – сопровождал подзаголовком: «записки журналиста». Это меня как-то прикрывало, не вызывало никакой ревности.

Однажды с моим сыном Борей мы приехали в Пушкинские горы по приглашению легендарного директора Пушкинского заповедника Семёна Степановича Гейченко. Он жил в усадьбе в старом деревенском доме – говорил, что так слышит дыхание этого места, чувствует изнутри, чем оно живёт. За обедом этот удивительный человек рассказывал массу интересного, и Боря, буквально раскрыв рот, слушал, как Гейченко воевал в этих местах, а после войны

поднимал из пепелища родовое гнездо Пушкиных и его окрестности. Такой вот легендарный охранитель пушкинских реликвий.

С этой встречей были связаны два впечатления: из районной администрации пришло распоряжение – почистить территорию, это все-таки музей, а на берегах реки образовались залежи мусора. Разгневанный Гейченко в своей директорской квартире отчитывал кого-то из сотрудников. Мы находились в соседней комнате, и вдруг до нас доносится замечательный, на мой взгляд, каламбур: «Эти туристы нассут, насорят, и всё в Сороть». Боря удивился: такой большой ученый и так говорит...

И второе. У Гейченко был такой обычай: он предлагал своим гостям оставить рисунок на память. Я спрашиваю:

– Это должно быть как-то связано с Пушкиным?

– Лучше, чтобы с Пушкиным.

А я, надо заметить, в этот раз приехал в Пушкиногорье, чтобы поговорить с Гейченко о «ганнибальских местах», о предках Пушкина. Здесь, в Петровском, расположено имение предков Пушкина – Ганнибалов. Здесь в 1827 году он начал роман «Арап Петра Великого». Здесь, в Святогорском Свято-Успенском монастыре, находится некрополь Ганнибалов-Пушкиных. И я тогда удачно сообразил, что в память о Ганнибале, об Африке надо нарисовать... слона. У меня был такой рисунок с детства, я учился рисовать слона, потом учил своих внуков. Слон – вид сзади. Смешной такой рисунок получился. Простой, в три-четыре линии, но выразительный. Я был рад, что сумел нарисовать, сумел хоть какой-то сувенир оставить в этом дорогом для меня месте. Семен Степанович, похоже, был доволен. Он нас отправил на экскурсию, выбрал хорошего экскурсовода, но экскурсовод заболел, и мы с удовольствием побродили сами.

Тяжело пришлось Пушкинскому заповеднику в 1990-е годы. На берега Сороти, на здешнюю красоту посягнули «новые русские». Начались конфликты, тяжбы с дачниками, которые пытались возводить дома на исторической территории. Эта борьба едва не закончилась уголовным делом против нового директора музея. Он не отдавал какой-то заповедный участок под строительство очередной резиденции. В этой критической ситуации он достучался до тогдашнего министра культуры России Александра Авдеева, и Авдеев сумел остановить это дело. Хотя обычно такое редко удается. Теперь музей– заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» включен в свод особо ценных памятников культурного наследия народов страны и получил статус «Достопримечательное место, связанное с жизнью и творчеством А. С. Пушкина в селе Михайловском и его окрестностях в Пушкиногорском районе Псковской области».

Неожиданная встреча с Пушкиным произошла у меня в Ватикане. Однажды я был по звонку приглашен на совещание Службы печати Святого Престола. Пришел епископ и сказал совершенно по-гоголевски: «Я пригласил вас, господа, чтобы передать вам личную просьбу папы Иоанна Павла II. Он хочет поручить вам написание текстов на предстоящий Крестный ход у Колизея». Было предложено вытянуть жребий с выбором темы. Я вытащил листочек со словом «Иуда». И главным моим подсказчиком оказался любимый поэт. У Пушкина есть сонет об Иуде. Причем это подражание итальянскому поэту Франческо Джанни. Пушкин его замечательно переложил по-русски. Он начинается словами: «Как с древа сорвался предатель ученик...». Отталкиваясь от этой фразы, я рассказал о трагедии человеческого предательства, процитировал Пушкина. Послал свой текст – и получил новое свидание с епископом. Он сказал: «Спасибо. Это то, что нужно».

Через несколько дней мы, журналисты, были приглашены к подножию Колизея. Поднялись на холм, там стояла табличка «Места для авторов». Пошла процессия. Четвертая остановка. Я внимательно слушаю текст. Вдруг услышал, как по-итальянски сказали: «Как с древа сорвался...».

Как с древа сорвался предатель ученик,

Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

И добавили: «Александр Пушкин, русский поэт». Большой пропаганды творчества Пушкина трудно было достигнуть, потому что это передавалось почти на полмира. Я был очень доволен своим скромным вкладом в популяризацию творчества Пушкина. Гонорар мне, конечно, не заплатили, потому что они бедны, как церковные крысы. Но я считаю, что они со мной очень щедро расплатились. Я вошёл в папский пресс-пул, а это – возможность наблюдать римских понтификов, возможность сопровождать их в поездках по земному шару.

Часть вторая

Друзья мои, прекрасен наш союз

Семейные узы

Когда меня спрашивают, были ли в моей жизни знаковые люди, повлиявшие на мою судьбу, я всегда вспоминаю деда Павлонского, отца моей первой жены, Алины.

Не всегда родители жены бывают нашими друзьями. Часто, мы хорошо это знаем по литературе и фольклору, отношения не складываются. Но я женат второй раз, и оба раза мне повезло с родителями жены.

Павлонские – родители Алины. С ней мы учились в одном классе и довольно рано поженились. Мне было 19 лет, я вырос без отца и сразу пришел в эту семью любимым сыном. Такое внимание и товарищеское отношение моего тестя для меня очень много значило. Особенно если учесть, что он был незаурядной личностью. Вообще-то он был технарем, окончил МАИ и всю жизнь работал в авиационной, потом космической промышленности, на ракетном заводе у Челомея инженером-конструктором, и потому был очень сильно засекреченным человеком. И при этом – совершеннейшим гуманитарием. У него была большая библиотека, он не просто всё на свете читал и за всем следил, он и сам прекрасно переводил поэзию. После его смерти нам удалось издать сонеты Шекспира в его переводе с предисловием английского посла в Москве. Это был серьезный, настоящий труд. И если его положить рядом со знаменитыми переводами Маршака, то еще не известно, кто выиграет.

Именно этот человек привил мне вкус к поэзии, литературе, красивым, даже точнее сказать – сообразным вещам и объяснил, как всё это украшает жизнь и поднимает настроение. И разговоры с ним, его ироничное отношение как человека много знающего ко мне, тогда еще молодому невежде, в большой степени определили мою судьбу.

Дед Павлонский (так мы стали его называть, когда родился Боря) по-отцовски занимался моим воспитанием, причем делал это без назиданий, всегда с доброжелательным юмором. Когда выяснилось, что я буду изучать итальянский язык, он начал подшучивать надо мной, с удивлением узнав, что мне не нравятся маслины. Посмеиваясь, он меня стыдил: «Какая же ты жалкая, ничтожная личность – как же ты можешь заниматься этой страной, итальянской культурой, Римом и не любить маслины!» И благодаря ему я полюбил маслины.

Дед Павлонский был замечательный человек, я храню о нём самые светлые воспоминания.

Моя первая теща была художницей, она училась у Элия Белютина, был такой известный художник-авангардист. По профессии она была модельер и работала в Доме моделей трикотажных изделий на Сретенке. Он так и назывался – Дом моделей трикотажных изделий. Круг ее общения был достаточно творческий, художественный и включал много интересных людей. Я помню, как замечательно мы общались на чудесных домашних застольях. Потом, когда мы с Алиной развелись, эти отношения, к сожалению, тоже закончились.

Но взамен я получил новую тещу. Галиного отца я не знал – он умер очень молодым, еще до моего появления на ее горизонте. А Галину маму – Мину я уже застал замужем за Борисом Даниловичем Жебицким. Я дружил с этими людьми, не переставал восхищаться Миной и считаю, что ее судьба и вообще обстоятельства ее жизни достойны того, чтобы быть упомянуты в этих заметках. Минна буквально недавно ушла из жизни, в возрасте 96 лет, прожив бурную и полную приключений жизнь.

Она родилась в Вене, в еврейской семье, в 1921 году. Когда случился аншлюс, она со всеми жителями Вены вышла на улицу и видела проезжавшего мимо фюрера. Такое вот воспоминание детских лет. Минна училась в Вене, жила с мамой – родители были в разводе. Потом бежали из Австрии и добежали до Львова. Отец проследовал дальше до Варшавы, где попал в гетто. А Минна с мамой остались во Львове, думая, что они далеко убежали от войны и Германии. В 1939–1941 годах в городе дислоцировались советские войска, и с этими войсками пришёл фронтовой оператор Михаил Слуцкий. Как-то он увидел, что в киоске рядом с гостиницей торговала газетами красивая девушка. Это была Минна. Начался роман, который закончился тем, что он увез ее с матерью в Москву. Слуцкий тогда только что расстался со своей первой женой – артисткой Марией Мироновой. Подробностей я уже не знаю. Знаю только по легендарным рассказам, что в Москве Минна пробыла недолго – началась война, и Минна уехала в эвакуацию, в Алма-Ату, куда перевели студию документальных фильмов, на которой работал Слуцкий. А сам Михаил Яковлевич отправился на фронт – он стал военным корреспондентом. Ключи от своей квартиры на Тверской, тогда улице Горького, он дал близкому другу, знаменитому сценаристу Алексею Каплеру. Много позже он стал хорошо известен советским телезрителям по передаче «Кинопанорама», которую блистательно вёл. А тогда, в 1942-м, Каплер попросил ключ от квартиры («Ты все равно уезжаешь»), чтобы встречаться с любимой девушкой. Любимой девушкой была Светлана Иосифовна Аллилуева, дочь вождя. Вскоре Каплера арестовали. Арестовали и Слуцкого. Он сидел в тюрьме «Матросская тишина», но Галина мама не знала, что его арестовали. Знала, что человек уезжает на фронт – ну и уезжает, военное время... О том, что кончилась война, заключенные узнали от охранника во время прогулки на крыше Лубянского дома. Помню, что по рассказам это было связано с крышей.

На свободу Слуцкий вышел благодаря защите и ходатайству Константина Симонова, пользовавшегося у властей огромным авторитетом. Михаил Яковлевич получил разрешение на работу, но без права проживания в обеих столицах. И маленькую Галю – она родилась в 1946 году – повезли в Киев, на родину отца, где он устроился на работу на студии кинохроники. Там девочка пошла в школу.

Историю о возвращении в Москву хранит семейная легенда о чистом паспорте. Когда Слуцкому дали разрешение вернуться в столицу, в доме по этому поводу собрались друзья, гости. Галя пыталась выяснить, что это за праздник. Вроде ничей не день рождения. И бабушка сказала: «Твоему отцу дали чистый паспорт». Галя решила, что его старый паспорт упал куда-то в лужу или в грязь, и его поменяли на чистый. Удивилась: что тут праздновать?

Родным языком Минны был немецкий. Когда вернулись в Москву, она стала работать редактором в немецкой газете “Neue Leben”, которую выпускала газета «Правда» как одно из иностранных изданий. Однако Минна упорно учила русский язык, но до конца своих дней говорила с акцентом, что, надо сказать, придавало ей особый шарм. Иногда путала разные понятия, и это было забавно.

Тем не менее дома говорили на языке Гете и Шиллера, к нему приобщали и маленькую Галю. В Москве её отдали в немецкую спецшколу. Минна пыталась разговаривать с дочкой на немецком, но та упорно отвечала ей по-русски. Она не хотела, чтобы во дворе её дразнили – дети ведь очень чувствительны, а тут ещё и немецкий: «немец, перец, колбаса кислая капуста»... Но всё равно немецкий язык постоянно присутствовал в жизни. Забегая вперёд, скажу: много лет спустя здесь, в Риме, Минин немецкий язык очень пригодился её дочери. Уже долгие годы Галя работает в местном бюро путешествий, снискав репутацию одного из лучших гидов Вечного города. Её подопечные – русскоязычные туристы. Но вдруг в какой-то момент ей предложили взять и немецкие группы, так как не было гидов с немецким языком. Она согласилась, села, обложилась книгами, и сейчас успешно водит экскурсии. Все-таки Минин язык сохранился и приносит большую пользу. Благодарное слово Мине.

Меня, признаюсь, потрясла история жизни этой маленькой женщины. А позже, когда я узнал Мину ближе, меня восхищало в ней два её качества: удивительное жизнелюбие и преданность друзьям. В её доме, куда мы тоже бывали приглашены, собирались её товарищи по газете и переводчицы – они были одна интереснее другой. Тоже с невероятными судьбами. Они дружили всю жизнь, постепенно, конечно, теряя друг друга. Минна бережно хранила о них память.

Судьба постоянно испытывала Мину. В середине 1950-х она могла вернуться на родину. Тогда по решению бундестага ФРГ и в соответствии с межправительственными соглашениями, подписанными в Москве первым канцлером Германии Конрадом Аденауэром и Советским Союзом, коренные немцы могли это сделать. Но она побоялась неизвестности, не хотела рисковать будущим маленькой дочки. И вот прошло много лет; Алешка наш уехал учиться в Вену, мне уже была предложена командировка в Италию, и мы должны были уезжать из Москвы. И Минна, отнюдь не юная девочка, решила-таки в корне поменять свою жизнь. Хотя теперь это сделать было гораздо труднее. Помню, как она волновалась. Я свел ее с одной своей приятельницей, которая была связана с Красным крестом. И по линии Красного креста Минна первый раз поехала просто с ознакомительной поездкой в Вену. На разведку, как она говорила. Выяснилось, что ей полагается весьма приличная пенсия как жертве нацизма и единовременное пособие. В Вене она набралась смелости и отправилась на свою старую квартиру, где они когда-то жили с мамой, откуда она пошла в школу. Перед этим выяснила, что квартиру отдали какому-то местному полицаяу – для улучшения его жилищных условий. Минна поднялась на свой этаж и позвонила в дверь. Открыла дочка этого полицая, которая была ее ровесницей. Спросила – что вам угодно?

– Ты меня не узнаешь? Я Мими Брандт.

Брандт – девичья фамилия Мины. Та всплеснула руками, начала быстро-быстро говорить, что им эту квартиру дали официально, что всё по закону и так далее. «Может, ты мне позволишь войти?» – спросила Минна. Получив разрешение, вошла и увидела, что всё сохранилось – та же мебель стоит, даже портрет отца, которого уже не было на свете. Это произвело на нее сильное впечатление – Минна долго потом не могла прийти в себя. И ушла, сказав, что ни на что не претендует.

Потом они с Борисом Даниловичем все-таки уехали в Вену. Минна начала там работать в бюро переводов, получила приглашение поселиться в доме для престарелых Heim'e, существующем под эгидой австрийской еврейской международной общины. На самом деле это очень хорошее учреждение, с медицинским обслуживанием, комфортное и уютное. Они даже привезли туда какую-то свою мебель из Москвы, из старой квартиры на Фрунзенской набережной. Окна их комнаты выходили на Дунай, и казалось, что они смотрят на Москву-реку. Но что бы там ни говорили, всё равно это казенный дом... Сначала умер Борис Данилович. И Минна прожила там до конца дней своих.

Минна была очень активным человеком, с энтузиазмом занималась делами дома, до последнего дня изучала английский язык, пыталась освоить компьютерную технику.

Никогда не забуду, как я попал на ее 90-летие. Оно очень торжественно отмечалось в этом Heim'e, где собралось практически все население дома. То, конечно, которое могло спуститься в столовую. Плюс были ещё какие-то приглашенные люди. Мы приехали из Рима. Собрались вокруг большого стола. Какой-то человек в ковбойке, с бородой, оказавшийся служащим местного муниципалитета, попросил слова.

– Фрау Минна, – сказал он, – я хочу зачитать вам поздравление от обер-министра Большой Вены.

На что Минна быстро отреагировала:

– А он что, заболел?

– Нет, он здоров. А почему вы спрашиваете?

– А почему он сам не пришел?

Такие у нее были отношения с властью. Она была постоянно в активе этого дома. Я никогда не забуду один из ее последних звонков из Вены, может, за несколько месяцев до ее ухода. Она мне позвонила и спросила – она частенько использовала меня как консультанта по международным вопросам:

– Алеша, а что с Летицией?

У меня закрутились мозги, и я спросил:

– Минна, ты имеешь в виду королеву Испании? А что с ней?

– Она приехала одна.

– Куда?

– В Вену. Приехала одна. Как это так?

Ну, начинаю объяснять я, понимаешь, у монарших особ бывают такие ситуации, когда, чтобы ответить на все приглашения и выполнить все протокольные обязанности, они ездят порознь.

– Нет! Это не так. У них что-то не в порядке в отношениях.

– Минна, честно тебе скажу, я не в курсе. Я постараюсь узнать и тебе сказать. Ты мне скажи, для чего тебе это нужно?

– А я пишу заметку в стенгазету.

Вот такие мозги, такая полная насыщенная жизнь. До глубокой старости она оставалась красивой женщиной, только постепенно уменьшалась, как это часто бывает. Усыхала. Но все равно шарм оставался. Такой немного а-ля Дина Дурбин. Такой она и запомнится.

А об отце – Михаиле Яковлевиче Слуцком можно прочитать в любом учебнике по истории кинематографии. Он был выдающимся режиссером, сценаристом и кинооператором. В 1932 году, окончив операторский факультет ВГИКа, снял один из первых советских звуковых документальных фильмов «Имени Ленина», посвященный пуску Днепрогэса; трижды лауреат Сталинской (Государственной) премии.

Одной из последних его работ был фильм «Мы подружились в Москве» – о Всемирном фестивале молодежи и студентов, который проходил в советской столице в 1957 году. И по технике съёмок, и по монтажу лента была новаторской для того времени, да и само присутствие огромного количества иностранцев, говоривших с экрана, тоже было новинкой. Однако при приёме картины комиссией Госкино неожиданно возникло препятствие, задержавшее путь ленты к экрану. Камнем преткновения стала песня, специально написанная для фильма по просьбе Слуцкого. У него было много друзей среди музыкантов и поэтов, и он, понимая, что без хорошей песни даже самый замечательный фильм – не фильм, попросил их написать песню для этой картины. Так как времени было в обрез, то композитор Василий Соловьев-Седой отыскал в своих архивах мелодию, которая, по его мнению, вполне могла подойти к стилистике ленты, а поэт Михаил Матусовский набросал слова на эту музыку. Так появились «Подмосковные вечера» – песня, которой суждено было стать всемирно известным шлягером на все времена. Однако худсовет заартачился. На его заседании какой-то высоколобый умник встал и сказал: «Странная песня. Вы уж там разберитесь между собой – речка у вас движется или не движется?». А песня двинулась в народ – её перепели и сегодня поют едва ли не на всех языках мира, во всех странах, на всех континентах. Спасибо Михаилу Слуцкому.

Подарки от Юли

У Ильи Эренбурга есть мемуары с прекрасным названием «Люди, годы, жизнь». Если говорить применительно к Юлии Абрамовне Добровольской, то главное в этой триаде всё-таки люди, вереница ярких персонажей целого века русской и итальянской истории. Со многими из героев Добровольской мне довелось благодаря ей даже лично познакомиться – в её

московской квартире на улице Горького (ныне Тверской) и на миланском проспекте Порта-Романа.

«Непридуманное» Льва Разгона

Одним из самых замечательных и значительных событий моей жизни я считаю знакомство с Львом Разгоном. И этим я обязан Юлии Абрамовне Добровольской, которая вводила своих учеников в свой круг и с душевной щедростью делилась с нами своими друзьями.

Лев Эммануилович Разгон. Русский писатель, литературный критик, правозащитник. Узник ГУЛАГа. Один из основателей Общества «Мемориал». Он покорила меня с первых же минут знакомства. Это был совершенно потрясающий собеседник, и ему было что рассказать.

Разгон окончил Московский пединститут, историко-экономическое отделение, работал в только что созданном Детиздате ЦК ВЛКСМ – сейчас это издательство «Детская литература», писал рассказы для детей. В апреле 1938 года был арестован, отсидел 17 лет, а когда вышел и был реабилитирован, начал писать популярные книги для детей об ученых и науке. Попав с инфарктом в больницу – 17 лет лагерей не прошли даром – он вдруг понял, что весь его опыт ГУЛАГа уйдет вместе с ним. И он начал писать заметки о ГУЛАГе. Делал это ежедневно. Он был человеком потрясающей дисциплины. Когда набиралась глава, он приглашал своих молодых друзей (в основном это были ученики и друзья Юли) и читал законченные главы. Так появилась книга «Непридуманное», которая принесла ему широкую известность. Может быть, его книга – лучшее из того, что написано на эту тему.

Но это произошло много лет спустя. А тогда мы встречались у Юли или приходили к Разгону – он жил в писательском кооперативном доме на Малой Грузинской в Москве. Его жена Рика накрывала стол – наливался чай, ставилась какая-то выпивка. И он своим хриплым голосом читал отрывки из лагерных воспоминаний. Это были совершенно потрясающие вещи. Он описывал разные типы людей, с которыми встречался, иностранцев в ГУЛАГе, всевозможные эпизоды – курьезные и драматические. И каждый раз, когда заканчивался наш вечер, он, провожая нас к выходу, показывал на большой сундук, который стоял около двери, и говорил: «Ребята, вот меня не будет, это будет здесь храниться». Тогда и в голову не могло прийти, что когда-нибудь это будет опубликовано.

В память врезался его рассказ о лагерном дне 5 марта 1953 года. Мороз жуткий. Начало марта – в Сибири зима в полном разгаре. Лагерь выстроен на плацу перед домиком с красным крестом. Это медпункт. А в нём заседает «консилиум» из профессоров-зэков, которые изучают бюллетень о состоянии здоровья товарища Сталина. Люди слышали про какое-то опасное дыхание с непонятным названием, что-то о сосудах и давлении. И вот теперь и зэки, и охрана молча, с напряжением ждут, что скажут профессора. Проходит минут двадцать, на крыльце появляется седой доктор в лагерной робе. «Братва, пахану – пиздец!» – говорит он и уходит. Потом эту историю Лев Разгон рассказал по телевидению, но его тогда запикали...

На заре перестройки Разгон послал свой рассказ Виталию Коротичу – главному редактору журнала «Огонек», который в то время стал одним из локомотивов гласности. Рассказ назывался «Жена президента». Дело в том, что Разгон в Устьвымлаге сидел с женой Михаила Ивановича Калинина, урожденной Лорберг. Екатериной Ивановной (Иоганновной) Лорберг-Калининой. Когда ее объявили изменницей родины и приговорили к 15 годам тюрьмы, ее муж – «всесоюзный староста» был главным соратником Сталина. В то время как он принимал иностранных гостей, вручал награды великим государственным деятелям и главам государств, жена в лагерном предбаннике стёклышком счищала гнид с одежды заключенных. Это была ещё легкая работа – жену Калинина щадили...

Коротич напечатал рассказ, и в тот день, когда журнал вышел, Разгон, как говорится, проснулся знаменитым. Автору позвонил Горбачев. Лёву начали печатать.

В 1991 году, когда мы уезжали в командировку в Италию, Лёва пришёл проводить нас на Киевский вокзал и дал нам одно задание. Он рассказал, как будучи пионервожатым, попал в особняк у Никитских ворот, построенный еще до революции архитектором Шехтелем для московского предпринимателя Рябушинского. Потом в этом особняке советское правительство поселило обласканного им Максима Горького, вернувшегося из Италии на родину.

Лёва сопровождал делегацию юнкоров, которые пришли к великому пролетарскому писателю. Все нарядные, в пионерских галстуках. Писатель поил их чаем с сушками, они читали ему стихи, показали стенгазету. Все были довольны друг другом. Когда встреча закончилась, классик пошел провожать своих юных гостей. А за каждой портьерой, по свидетельствам современников, стояли НКВДэшники. Спускаются юнкоры по роскошной шехтелевской лестнице – она так знаменита, что вошла во все учебники по архитектуре – и провинциальный Лёва с восхищением говорит:

– Ох, Алексей Максимович, какой же у вас дом красивый!

На что пролетарский писатель ответил:

– Эх, милый, это ты красивых не видал! Это не дом, а сортир!

И вот теперь Лёва попросил:

– Ребята, съездите на Капри. Посмотрите, что у него там за дом был, если шехтелевский особняк у него сортир.

При первой же возможности мы поехали на Капри. Посмотрели тот дом (даже два дома, если не ошибаюсь, где в разное время жил Горький). Ничего особенного. Конечно, там есть веранда, где Ленин играл в шахматы с Богдановым. Есть вид на море, что всегда прекрасно. Но на Капри отовсюду на море прекрасный вид. Однако особого богатства там мы не заметили. Я думаю, что тот, московский дом был для писателя как ощущение неволи, поэтому он так сказал. Там же, на Капри, я купил книгу, посвященную русским на Капри, и узнал, что, например, Владимир Ильич был у Горького не с Надеждой Крупской, как пишут биографы Ильича, а с Инессой Арманд.

Лев Разгон много раз бывал в Италии, останавливался у Юли в Милане или у нас. Помню, в один из его приездов мы всей семьей поехали провожать его на главный римский вокзал – Термини. Ходили по перрону в ожидании поезда. Поезд как всегда подали в последнюю минуту, как водится у итальянцев. Алёшка прыгает, чтобы посмотреть, какие вагоны пришли. В Италии есть два вида вагонов, в зависимости от того, как поставлены кресла, – по ходу движения или против. Увидев, что пришел не тот поезд, который он ожидал, Алёшка с досадой сказал: «Ну надо же, это самый худший поезд, который мог быть!». На что Лев Эммануилович, положив ему руку на плечо, сказал: «Алёша, поверь мне, это не самый худший поезд». Лёша до сих пор это помнит!

После смерти жены Разгон, который и прежде часто бывал у Юли, теперь буквально прилепился к ней душой, и она щедро одаривала его своей теплотой и заботой.

Хранить вечно

Пожалуй, одним из самых прямо-таки королевских подарков, которые я получил от Юлии Абрамовны, было знакомство с Лилей Брик. Квартира Лили Юрьевны, где она жила со своим мужем Василием Катаняном, литературоведом, специалистом по Маяковскому, была на Кутузовском проспекте. Но с конца 1960-х годов семья жила в основном на даче в Переделкино, во флигеле, который ей выделила вдова Всеволода Иванова, автора знаменитого «Бронепоезда» Тамара Владимировна Иванова. Актриса, переводчица и мемуарист, она была когда-то замужем за Исааком Бабелем, и кто-то остроумно назвал ее вдовой всей советской литературы. В доме постоянно бывали гости, и среди них Юрий Любимов, с которым Лилиа Юрьевна была особенно дружна и часто приходила в его театр на Таганке, Майя Плисецкая, Мстислав

Ростропович, Микаэл Таривердиев, Андрей Миронов. В выходные дни мы с Галей и с Юлией Абрамовной навещали почтенных дам. Лиля Юрьевна была замечательной собеседницей, с очень живым умом и отличной памятью. Ей всё было интересно, она любила рассказывать истории из своей жизни – и не только своей. И конечно, о Маяковском.

Однажды Галя обратила внимание, что у нее на цепочке на шее висят два кольца. Серебряных. Поймав Галин взгляд, Лиля Юрьевна говорит: «А я вам покажу, это очень интересно». Сняла цепочку, взяла маленькое кольцо. «Это наши с Володиной кольца. Вот видите – здесь он выгравировал мои инициалы Л-Ю-Б. Буквы выгравированы по кругу и получается «люблю, люблю».

Галя восхитилась: как здорово придумано! Забирая у нее кольцо, Лиля Юрьевна сказала: «Он вообще был большой выдумщик». Нанизала кольца на цепочку и цепочку вновь надела на шею. Потом она показывала нам фотоальбом. «У меня здесь недавно была одна французская пара, и они мне прислали свои фотографии, – говорила Лиля Юрьевна. – Вот это их дом, гостиная, спальня, большая кровать, ванная. А вот они сами», – с фотографии радостно улыбались двое мужчин. Мы не сразу сообразили, что это и есть семейная пара...

А затем был такой обряд – выводить Лилю Юрьевну на прогулку. Собиралась компания, которая в воскресный день гостила у Тамары Владимировны. В тот день в компании были режиссер Валентин Плучек, его жена Зина, литературовед, критик, диссидент и правозащитник Лев Копелев, молодой человек, которого все называли Вячик – сейчас всех не припомню. Оказалось, что Вячик – это сын Всеволода Иванова, Вячеслав Иванов, впоследствии известный лингвист, переводчик, семиотик и антрополог, академик РАН, директор Института мировой культуры МГУ. По традиции, решили прогуляться. Впереди шла Зинаида Николаевна Плучек, на её руку опиралась Лиля Юрьевна в платье от Ив Сен-Лорана. Она уже плохо ходила, у неё были проблемы с шейкой бедра, но она не жаловалась и бодрилась. Следом шёл я. Было свежо и приятно. Мы вышли на большую поляну, после дождя всю усыпанную мухоморами. Лиля Юрьевна обратила внимание на эти грибы и как все плохо слышащие люди, громко сказала Зине Плучек:

– Зиночка, посмотрите, какие замечательные грибы! Не правда ли, они похожи на большие и маленькие хуи?

Мы сделали вид, что не слышали. И только Юлия Абрамовна, замыкавшая процессию, восхищенно заметила: «Какая память!»

Лиля Брик страстно любила жизнь до последнего момента, и ушла, как все знают, сама из этой жизни, потому что считала унижительным быть беспомощной и обременять окружающих своими проблемами. После прощания её тело кремировали в том же крематории, где был предан огню Владимир Маяковский. Согласно завещанию, ее прах был развеян в поле, в одном из самых живописных мест Подмосковья близ Звенигорода. Позднее там появился камень-памятник с выбитыми на нем буквами: ЛЮБ.

Ещё из переделкинских посиделок мне запомнился совершенно замечательный рассказ Вячика, который он услышал от своего отца.

Всеволод Иванов партизанил в Сибири, близ Новосибирска, в красном партизанском отряде. Условия были ужасные, люди страдали от вшей и грязи. И Всеволод, договорившись с командиром, отправился в город, к своему приятелю. Пришел ночью, попросил просто помыться, переодеться. А утром приятель сказал:

– У нас сегодня литературный вечер, местная поэтесса читает свои стихи. Пойдём со мной, тебя здесь никто не знает, так что можешь быть абсолютно спокоен.

Они пришли в какой-то дом, где собралось местное общество, дамы читали стихи. Кормили скудно, но давали чай. В разгар вечера раздался громкий, властный стук в дверь. Хозяйка побежала открывать. В комнату вошли два офицера и следом за ними – Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией, как он сам себя называл, адмирал

Колчак. Хозяйка приветствовала его: «Ваше превосходительство, спасибо, адмирал, что пришли. Познакомьтесь, у нас здесь наши местные поэты». Хозяйка представила ему гостей, и когда дошла очередь до приятеля Иванова, тот, указав на Всеволода, сказал: «Это, ваше превосходительство, молодой писатель, рассказы которого очень похвалил Горький».

– Горький? – переспросил Колчак. – Да, знаю. Первый, кого мы повесим, когда придем в Петроград, будет Горький. И, подумав, добавил: – А следующий Блок.

Вспоминаю еще один эпизод из наших переделкинских встреч. В центре беседы – Лев Копелев, фронтовик, друг Солженицына и прототип одного из главных персонажей его романа «В круге первом». Сразу после окончания войны он десять лет отсидел в ГУЛАГе «за пропаганду буржуазного гуманизма» и якобы сочувствие к врагу. В середине 1970-х Копелев опубликовал за рубежом автобиографический роман-трилогию «Хранить вечно», в котором передал страшный опыт лагеря, тюрьмы и «шарашки», с любовью и юмором описал своих товарищей по заключению. В Советском Союзе роман будет напечатан лишь в 1990-м, а за десять лет до этого его автор был лишен советского гражданства. Но при всём при этом он оставался неисправимым оптимистом.

И вот мы сидим на даче, говорим о культуре, о книжных новинках, о театре.

– Слышал, у вас новые спектакли в театре Сатиры? – обращается Лев Зиновьевич к Плутчуку, главному режиссеру этого театра. – Я бы с удовольствием ходил, если пригласите.

– Нет проблем, я вам оставлю билет. На какое имя оставить, чтобы не создавать вам неприятностей?

И Галя очень хорошо подсказала:

– А вы напишите: «Хранить вечно» – и всё.

Грузинский Сократ

Мераба Мамардашвили уже при жизни называли «грузинским Сократом». Самое «сократичное» заключалось в том, что он почти ничего не писал – он говорил, свои лекции называл «беседами» и выступал в самых разных местах: в университетах Москвы, Тбилиси, Ростова-на-Дону, Риги, зарубежных стран, в научных кругах.

Мне доводилось не раз бывать на лекциях Мамардашвили. Он приезжал в Московский университет, и попасть в ту аудиторию, где он читал лекцию о Канте, например, было невозможно. Какое-то время он преподавал во ВГИКе – и там на его лекции сбегались со всех курсов. И так было всюду.

Ещё со времён учёбы в университете его интересовала проблема «человек и человеческое сознание»; природа мышления – сквозная тема его философии. Как и многие философы со времён Аристотеля, Мамардашвили видел смысл жизни в самореализации, в том, чтобы «исполниться в качестве Человека». На его лекциях всегда были включены диктофоны, студенты записывали его беседы. Если бы не наш общий друг Юра Сенокосов, который ставил перед ним записывающий аппарат и потом не превращал эти записи в книги, от Мераба не осталось бы ничего. Слава богу, сейчас есть с десятков книг Мамардашвили. Самые знаменитые из них – о Марселе Прусте, Рене Декарте, Иммануиле Канте – опубликованы лишь после распада СССР.

Его вклад в перестройку был огромен, но отношения с властями были не очень простые. Хотя в своё время он работал в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма», по служебным командировкам ездил в Италию, ФРГ, ГДР, на Кипр, в Париж, на несколько лет он стал «невъездным».

Мераб был полиглот, с детства свободно говорил на грузинском, русском и английском языках, а впоследствии самостоятельно овладел немецким, французским, итальянским и испанским, мог изъясняться по-гречески и по-чешски. Однажды, я помню, мы с Борей ехали

из Пицунды в Москву через Тбилиси. Позвонили Мерабу, он буквально приказал: «Ребята, приезжайте! Мы с сестрой смотрим суд над угонщиками самолета». – «По-русски?». – «По-грузински, но я вам переведу». Мы приехали и почти все заседание посмотрели в переводе и с блистательными комментариями Мераба Мамардашвили.

Я был последним человеком, который видел его живым. Он прилетел из Парижа с какой-то лекции. Я встретил его в Шереметьево и повез во Внуково, где он должен был сесть на самолет в Тбилиси. Он был оживлён, по дороге рассказывал про свою поездку, про Париж, про встречи, которые там были, говорил о своих планах. Во Внуково мы распрощались, а дома по «голосам» я услышал, что в терминале аэропорта «Внуково» в зале ожидания внезапно от сердечного приступа умер М. К. Мамардашвили.

Дрозд подмосковный

Нина Михайловна Бейлина – ближайшая подруга Юлии Добровольской, замечательный человек. Веселый, дружеский. Она закончила Московскую консерваторию по классу скрипки, училась у Давида Ойстраха – одно это уже знак качества. Нина – лауреат самых престижных международных конкурсов: имени Чайковского в Москве, М. Лонг и Ж. Тибо в Париже, имени Энеску в Бухаресте, а в Италии её удостоили Золотой Медали Viotti D'Oro (Италия) с присуждением звания «Музыкант года». Она была замужем за известнейшим дирижером Израилем Чудновским, но он довольно молодым умер, и она осталась одна с полуторогодовалым сыном. В 1977 году Нина уехала в Америку, сделала там очень успешную карьеру. Самый авторитетный музыкальный критик Америки Шёнберг написал после концерта Нины Бейлиной в Нью-Йорке: «Для Советского Союза большая потеря, а для Америки – большое приобретение!». В Нью-Йорке Нина создала ансамбль «Bachanalia» – «Бахханалия», то есть праздник в честь Иоганна Себастьяна Баха. Она обожала свой оркестр, и публика его тоже любила. Об этом говорили всегда переполненные залы. В Нью-Йорке Нина поселилась на Манхэттене, в прекрасном доме работников искусств, из окна её квартиры был виден Empire State Building. Романтическое такое место. И когда я или наш Алёшка приезжали в Нью-Йорк, мы всегда останавливались у нее.

Там у нее завязался роман с человеком намного ее моложе. Звали его Вольдемар. Он был архитектором, и довольно успешным. Делал много проектов по заказу израильского правительства. В частности, проекты зданий израильских посольств в разных странах. Работал над реконструкцией аэропорта Бен-Гурион. Он ухаживал за Ниной еще в Москве, в Америке они поженились. В отличие от живой, приветливой и доброжелательной Нины он был человек замкнутый, всегда работал в своей мастерской. Даже когда приходили гости, редко изменял своей привычке. Я этого не замечал, но Алёшка часто видел его с фляжкой виски. Правда, внешне это никак не проявлялось.

И вот я как-то собрался ехать в Штаты, хотел предупредить Нину, что приеду, но телефон в ответ на мои звонки упорно молчал. Так продолжалось довольно долго, пока я наконец не узнал, что у Нины случился инсульт, и она находится в больнице. А где Воля? А он... повесился. Вот так в ноябре 1978 года Нина Бейлина скончалась. Замолчала и скрипка выдающегося музыканта.

Однажды Нина рассказала замечательную историю, которую я часто вспоминаю в Риме. По приглашению горьковского обкома партии она приехала с концертом в Горький по случаю слета передовиков. И так как это был, так сказать, протокольный концерт, его репертуар согласовывался в обкоме. В первом отделении выступала Нина с концертом Чайковского для скрипки с оркестром, а во втором местный симфонический оркестр должен исполнить очень красивые произведения итальянского композитора Отторино Респиги «Фонтаны Рима» и «Римские пинии». А в «Римских пиниях» есть такой момент: музыка замолкает, и мы слы-

шим пение певчих птиц. Потом оркестр вновь вступает, повторяя птичьи голоса. Так придумал композитор. В каждом серьезном оркестре есть специальная машинка, которая имитирует пение птиц. А в этом оркестре такой машинки не было – пропала, кто-то её, как говорится, приватизировал. А концерт уже приближается, репертуар утвержден, ничего менять нельзя. И тогда один из музыкантов предложил дирижеру: у меня есть пластинка с записью голосов певчих птиц, если не возражаете, я принесу её, может, там найдется подходящий кусочек. Действительно, нашли фрагмент, очень похожий на то, что написал Респики.

Нина сыграла свою часть программы. Антракт. Народ, как говорил Галич, «в буфет за сардельками». Второе отделение – «Римские пинии». Оркестр разыгрался, дирижер в нужный момент делает знак... А у проигрывателя за кулисами посадили специально обученного мужика, который должен был поставить иголку в нужном месте. Но в антракте парень для храбрости принял. Увидев дирижерский знак, он второпях опустил на пластинку звукосниматель, и в тишине зала раздался мощный голос: «дрозд подмосковный». От неожиданности оркестр буквально заржал, смех перекинулся зал, и, как сказала Нина Михайловна, обкомовский концерт был сорван. Потом эту замечательную историю я слышал в пересказе Володи Спивакова. Но свидетелем этого эпизода была именно Нина Бейлина.

Теперь, проезжая здесь, в Риме, мимо пиний, я всегда вспоминаю ее рассказ. Респики, кстати, был интересной фигурой. В истории русско-итальянских связей его имя занимает заметное место. Несколько раз он приезжал в Россию, играл в оркестре Мариинского театра, изучал композицию в Петербургской консерватории у Римского-Корсакова, выучил русский язык. У себя на родине он был очень популярен и влиятелен. Во времена Муссолини даже возглавлял Союз итальянских композиторов. Был официальным лицом, носил мундир. Он был, конечно, гениальный человек и своей музыкой создал еще один памятник Риму.

* * *

Среди многочисленных друзей, которыми поделилась Юлия Абрамовна, был и хорошо известный в России и Италии, поэт, журналист, писатель **Джанни Родари**. Со своими «Приключениями Чиполлино» Родари стал чуть ли не самым популярным детским писателем в нашей стране. А Юля Добровольская перевела его очень интересную педагогическую книгу, которая называется «Грамматика фантазии». Это – книга о роли сказки в воспитании детей.

Сам же Джанни Родари – весьма противоречивая фигура. Как и многие деятели культуры, впрочем. Он был активным членом фашистской партии и пребывал в ней до момента её ликвидации в 1943 году. А потом как-то очень быстро перековался и оказался в первых рядах антифашистов, участвовал в партизанском движении, вступил в Итальянскую компартию. И стал активным коммунистом.

Он не раз бывал в Москве, и в один из его приездов Галина студия снимала сюжет с ним. Он согласился на это благодаря Юлии Абрамовне. Во время его пребывания в Москве мы были приглашены на ужин с его участием. Были еще какие-то друзья, он со всеми общался, задавал много вопросов, выяснял всё, что ему было интересно. Я, помню, рассказал свежий анекдот. О том, как Никсон, американский президент, приезжал в Москву. Его встречал Брежнев, они много общались. А перед отъездом Брежнев спросил его о впечатлениях о поездке. «Мне было очень интересно, господин Брежнев, – ответил Никсон и недипломатично добавил: – Но со свободой слова у вас плоховато». – «Что вы имеете в виду?» – спросил Брежнев. «Ну, вот, например, в моей стране, в Вашингтоне любой человек может выйти к Белому дому и сказать: «Никсон дурак». И никто его не накажет. «Ну, у нас тоже любой человек может выйти на Красную площадь и сказать «Никсон дурак». Все засмеялись. Засмеялся и Джанни.

Но у этой истории было странное продолжение. Через несколько месяцев после этой поездки, уже после смерти Джанни, его дочь опубликовала отрывки из дневников отца. И

в этих дневниках был рассказ о Юлии Добровольской и ее гостях. И Джанни Родари написал: «Там был один Юлин ученик, который очень смешно рассказывал анекдот про Никсона и Брежнева. (И приводится этот анекдот). Вот хотел бы я на него посмотреть – может он этот анекдот рассказать на улице?». Кто-то прислал мне эту публикацию. Я был расстроен: он ничего не понял и какая у него может быть претензия? Я думал, что я разговариваю с нормальным человеком, а я, оказывается, разговаривал с таким коварным собеседником.

Джанни Родари, действительно, был сказочником. И его персонажи из книжки о Чиполлино и его друзьях были очень любимы детворой. Но, как оказалось, он был себе на уме. Это не мои люди.

* * *

Об **Альберте Моравиа** Юля говорила: пронзительно умён, обо всём на свете наслышан, невероятно начитан. Мы же у неё за столом говорили с её именитым гостем о дальних странах. Моравиа был неуёмным путешественником, а тогда он написал чудесную ностальгическую книгу “*Mal di Africa*” (“Заболеть Африкой”) – о путешествиях по Черному континенту, и мы вспоминали водопады абиссинских гор и сухие ветры сомалийской саванны... Мне – да и ему тоже, хочется думать, – наша беседа была интересна и приятна.

После ужина я отвёз его в отель – сейчас он как-то напыщенно называется, а тогда именовался просто «гостиница московского горкома партии». Поднимаясь по ступенькам внушительного здания, Моравиа вежливо сказал мне: «Передайте привет вашей очаровательной дочери (имелась в виду Галя)». Всё понял, что называется.

Он был странный. Хромал (следы перенесённого в детстве и юности костного туберкулёза) и всячески скрывал эту хромоту, всегда умело так садился, чтобы спрятать этот свой изъян. Но несмотря на хромоту, был неутомимым ходяком. Ловко загребая ногой, он не просто ходил или шагал, а, как говорила Юля, он устремлялся. Он уже был на вершине славы и признан ведущей фигурой литературных кругов Рима. Его мнение считалось едва ли не самым авторитетным в литературе.

Помню, перед тем как с ним встретиться, я прочел его новый роман, который назывался «Я и он», получивший скандальную известность. Это книга-диалог, при этом Он – это его член. Невероятная, какая-то фантазмагорическая история мужчины, чей фаллос внезапно обрел разум и зажил собственной жизнью, независимой от желаний и поступков хозяина. Читать этот шокирующий на первый взгляд, но забавный и остроумный роман, полный соленого юмора, было интересно и весело. К тому же написан он был с тем безупречным литературным мастерством, которое всегда так привлекало переводчика Юлию Добровольскую.

* * *

Еще один Юлин друг, художник-коммунист **Ренато Гуттузо** так расположился к нам, что даже набросал карандашный портрет моего младшего сына, играющего на скрипке. Разрыв с ним произошёл у Юли совершенно неожиданно. Перед окончательным отъездом на Апеннины, она должна была (так полагалось!) написать заявление о выходе из КПСС и сдать свой партбилет в райком. Узнав об этом, “твердый партиец” и прославленный певец рабочего класса демонстративно прервал с ней всяческое общение. Это было неприятно, обидно и несправедливо. Что ж, такое случается даже с друзьями. Однако с началом перестройки маэстро попытался по телефону возобновить эту многолетнюю дружбу, но – надо знать Юлю! – она не захотела с ним разговаривать.

Дружба – понятие круглосуточное

Я, признаюсь, восхищаюсь своими друзьями, и делаю это с большим удовольствием. Есть друзья, которых можно ставить в пример благодаря их активности, вечной готовности, расположенности к дружбе, что очень важно. К числу таких моих друзей относится, конечно, **Владимир Познер**. Я горжусь его дружбой, которой уже много лет. Мы были дружны и с его покойной женой Катей Орловой, которая когда-то работала в журнале “Советский Союз”, а до этого, в 60-е годы, – в журнале “Спутник”, где они и познакомились. В постперестроечные годы она была директором «Школы телевизионного мастерства Познера», созданной специально для молодых журналистов из регионов.

Владимир Познер, конечно, выдающийся журналист, профессионал высочайшего класса. Я внимательно и с огромным интересом слежу за его работой. Каждое его телеинтервью – это пример и виртуозный урок настоящего мастерства. Для меня, по крайней мере. Впрочем, и для огромного большинства моих коллег.

Кто-то из классиков, кажется, Михаил Светлов, сказал, что дружба – понятие круглосуточное. Владимир Познер для меня – живое воплощение этого понятия. Есть такие проявления в частной жизни, которые, кроме благодарности, ничего не вызывают. Именно такая история произошла у меня с Познером.

Володя работал в Америке – это было во время его сотрудничества со знаменитым телеведущим Филом Донахью. В Москве после смерти Алины, моей первой жены, была продана квартира, в которой в последнее время жил наш старший сын Боря. Он в это время уехал в Нью-Йорк, учился там в университете. Часть денег, которые принадлежали Боре, надо было каким-то образом ему переслать. И мы совещались по телефону, как это делать. Один наш приятель, который жил между Москвой и Нью-Йорком, сказал, что может помочь нам и через своих родственников передать деньги Боре. Это будет стоить пять процентов. Но поскольку деньги не мои, а сумма немаленькая, мне надо было согласовать всё это с сыном. И в каком-то разговоре с Познером – он тогда ненадолго приехал в Москву – я рассказал ему эту историю и спросил, не мог бы он передать деньги Боре.

– Конечно, – не колеблясь, ответил Володя.

– Как ты их повезешь? – А он просто положил их в карман, что называется «взял на лицо». Никто его ни о чем не спрашивал. Приехал, позвонил Боре, они встретились, и наш студент, получив серьёзную поддержку, мог преспокойно продолжать учёбу. Но что значит «взять на лицо»? Конечно, Познер известный человек, но всё равно он рисковал, однако сделал это как совершенно естественную вещь. Этот риск ради дружбы дорогого стоит. Это поступок, и я оценил его. Из таких «мелочей» и состоят наши друзья.

Сказки для Асара Эппеля

Асар Эппель был человек замечательный и открывался постепенно. Наше знакомство быстро переросло в дружбу. Его жена Регина, прелестная женщина, была балериной. Благодаря ей он часто ходил в Большой театр, где она преподавала, закончив сценическую карьеру. Но однажды с присущим ему чувством юмора признался, что больше шести слов ни в одной опере никогда понять не мог...

Как-то раз мы встретились в Пицунде, он был в Доме творчества литераторов, мы по соседству – в Доме творчества журналистов. Там произошел эпизод, который я вспоминал с некоторым чувством неловкости. Мы сидели на скамейке возле теннисного корта в Доме литераторов, а на корте знаменитый Юрий Трифонов играл с каким-то кавказским песенником в теннис. Партия была очень упорной, никто не хотел сдаваться, но в конце концов Трифонов

очень эффективным ударом её выиграл. Все заплодировали, и Асар, тоже аплодируя, прокомментировал:

– Как хорошо Трифонов играет в теннис... – И помолчав, добавил: – А прозу я лучше пишу.

Мне стало как-то неудобно. Потому что Асар писал прозу в стол. Никто ее не печатал. Выходили его переводы – он был великолепный переводчик, переводил польскую, итальянскую, английскую, американскую, немецкую, еврейскую поэзию и прозу. Этим зарабатывал на жизнь, и когда во времена перестройки вдруг вышла его первая книга «Травяная улица» – о жизни в Марьиной роще, быте маленьких дворов, мы поняли, какой это замечательный мастер, какой у него свой ни с чем не сравнимый язык...

Когда Асара спросили, не хотелось ли ему когда-нибудь написать автобиографическую вещь, он ответил: «А у меня нет биографии. Детство у меня препротивное. То, что я счел примечательным, использовано в рассказах. Я не лукавлю – у меня нет биографии, как у любого советского человека, если только он сам ее не создавал, не был авантюрен по натуре и не сидел по навету. А я по натуре не авантюрен и не сидел. Родился, закончил школу, поступил в институт, кое-как – с разного рода безалаберностями – проучился в институте, женился, семейная жизнь складывалась сложновато: мы жили в разных городах семь лет, семь лет строили кооперативный дом... Поступил в Союз писателей... Зарабатывал деньги журналистикой и переводами, хотя переводами занимался всерьез и до сих пор считаю переводное дело одним из самых интересных и сложных литературных занятий».

Я помню, что в журнале «Иностранная литература» в переводе Асара Эппеля вышло несколько произведений папы Иоанна Павла II, которые были написаны ещё в его бытность в Польше под именем Кароля Юзефа Войтылы: несколько очень интересных сонетов и пьеса под названием «Лавка ювелира». Войтыла любил театр, знал театр, сам выступал на сцене. После публикации в «Иностранной литературе» вышло отдельное издание этой пьесы. В один из приездов Асара в Италию мне удалось организовать ему встречу с Иоанном Павлом II: перед очередной всеобщей аудиенцией в соборе святого Петра я представил Асара папе. Гость подарил Его Святейшеству свою книжку и взял у него автограф на своем экземпляре. Мы оба были счастливы.

Асар был очень наблюдательным человеком, с потрясающим чувством языка. Он, как настоящий полиглот, многие слова понимал сходу. Никогда не забуду, как увидев однажды карабинерский автомобиль с надписью карабиньери на борту, он, моментально скаламбурируя на незнакомом языке, добавил: карабиньери, карабиноджи, карабиномали. Карабины вчера, сегодня, завтра. И сказал:

– Вот это вся Италия.

Он был хороший рассказчик, искренне проникался чужими делами и проблемами, вникал в них, всегда стремился помочь.

У меня есть небольшая подборка сказок. Признаюсь, сказки – мой любимый жанр. У нее довольно комичное происхождение – она появилась благодаря Асару Эппелю. Приехав однажды в Италию, он привёз мне в подарок два листа, вырванных из русской версии журнала «Плейбой», с его рассказом эротического оттенка. Я, конечно, обиделся: что, тебе жалко было привести целый журнал? «А чтобы ты не отвлекался», – парировал он. И объяснил, что написал этот рассказ давно, но сейчас представился случай его опубликовать, потому что его знакомый работает в «Плейбое», он взял рассказ в журнал и даже заплатил хорошие деньги. Я тут же подхватил:

– Я тоже написал тут одно произведение несколько фривольного характера. Это японская сказка, называется «Нацико». Может, покажешь своему другу, если у тебя такой замечательный блат?

– Ну-ка, дай почитать.

Я принес листочек – сказка на одном листке написана. Он прочёл.

– А знаешь, хорошая история, – сказал. – Но понимаешь, ты же журнальный человек, они не могут напечатать одну сказку. Надо сделать подборку сказок. Тогда я попрошу приятеля, может, он что-то и сделает.

Асар на два дня уехал в Салерно, где у него была запланирована лекция, а я с его подачи сел за подборку: к японской сказке добавил еще несколько по национальному признаку, закончив русской. Подбор был довольно случайный. Он объяснялся сюжетом. Но я старался находиться в поле своего знания. Для каждой сказки был свой толчок. Так появилась целая сказочная подборка, которую я вручил своему другу, и она отправилась в Москву. Но за время отсутствия Асара его приятеля перевели в другое издательство, и сказки остались неоприходованными. Правда, они были напечатаны очень маленьким тиражом для друзей с прекрасными рисунками моего друга художника Миши Шульмана. И вот я думаю – не предложить ли их теперь читателю? Хотя бы в память об Асаре Эппеле. Я ощутил большую потерю, когда его не стало. Трудно привыкнуть, что его нет.

Моя любимая Танечка

Несколько добрых слов в адрес любимой подруги Татьяны Анатольевны Тарасовой. Я не буду здесь говорить ей комплименты, потому что их придется говорить слишком много. Она умна, остроумна, талантлива, она потрясающий профессионал. Вся страна видит, как она продвигает спорт на грани с искусством. Для развития спорта в нашей стране она сделала, может, больше, чем кто-либо другой.

Мы знакомы с Таней очень давно. Познакомились через ее мужа, выдающегося пианиста Володю Крайнева, с которым дружили. К числу несомненных достоинств Тани относится преданность его семье, его маме – Рахили Моисеевне, сделавшей всё возможное и невозможное для своего талантливого сына. Сама она врач по профессии, во время войны три года работала во фронтовом госпитале, потом была отправлена в Красноярск, где и родился Володя. После окончания войны вернулась с сыном в родной Харьков. Там он в пять лет поступил в специальную музыкальную школу при консерватории, и мать, видя одаренность сына, работала, не жалея сил, чтобы купить ему рояль и учить музыке. Невольно на память приходит высказывание выдающегося скрипичного педагога Петра Столярского: «Мне не нужны талантливые ученики, мне нужны талантливые родители». Это как раз про маму Крайнева. Она посещала вместе с ним все уроки музыки, слушала и запоминала все замечания преподавателей, потом привезла сына в Москву, где он поступил в ЦМШ при консерватории, и сопровождала его всю жизнь – ездила с ним на гастроли с плиткой и курицей, кормила в Москве и в Ганновере, куда он потом переехал, его учеников, живших в доме у учителя. Ей пришлось пережить самое страшное – смерть сына, скончавшегося в 67 лет от разрыва легочной артерии. Когда Володи не стало, Таня продолжала покровительствовать его маме, оказывать ей всяческую помощь. Если вы слушаете ее выступления на разных соревнованиях и показательных выступлениях, то заметили, что она обязательно цитирует свою любимую свекровь, которая недавно, к сожалению, ушла из жизни.

Каждый раз, бывая в Москве, мы пользуемся Таниным гостеприимством. Помню, как однажды мы должны были поехать к нашим друзьям на какое-то застолье. Мы заехали к ней в Ледовый дворец спорта, чтобы вместе дальше ехать. Смешной эпизод: мы застали Таню на тренировке. Она громко делала замечания своим подопечным, то требуя как-то особенно потянуть ногу, то повторить какие-то невероятные вращения. Наконец она раздала все замечания и наставления, пошла переодеваться, и тут мы увидели девочку из её команды. Она безупречно выполняла все инструкции тренера, демонстрируя безукоризненную технику, очень красиво

каталась. Мы даже ей сказали, через бортик – какая ты молодец! Она смутилась, ответила: спасибо большое. Когда вышла Таня, Галя ей сказала:

– Какая у тебя хорошая девочка, казашка, наверное. Как старательно она все делает, как хорошо.

– Ну, во-первых, она не казашка, а японка. А во-вторых, еще бы она плохо делала, она чемпионка мира по фигурному катанию...

Этот крепкий кедровый орешек

Бывает у людей одна, но пламенная страсть. Вот таким страстным человеком был Геннадий Наумович Стронгин. Для меня это было замечательное знакомство, и я сердечно вспоминаю этого человека.

В журнале «В мире книг» была такая рубрика – «Книжная дата». Поскольку редактора, ответственного за неё, не было, то мы все по очереди писали «датские» материалы на интересные нас темы. И я с большим удовольствием к юбилею выхода в свет книги «Пиноккио, или Похождения деревянной куклы» написал историю о том, как родилась эта книга, рассказал об её авторе и её дальнейшей судьбе. Это одна из самых смешных и самых трогательных книг мировой литературы. Деревянного длинноносого Пиноккио, доброго и несносного, остроумного и глупого, упрямого и великодушного, знают во всех странах. А в маленьком итальянском городке Коллоди, в честь которого детский писатель Карло Лоренцини взял себе псевдоним, стоит памятник деревянному мальчишке с надписью: «Бессмертному Пиноккио – благодарные читатели в возрасте от четырех до семидесяти лет».

На тосканском диалекте «Пиноккио» означает «кедровый орешек». Крепким оказался этот орешек, не подвластным времени!

На отдельные материалы мы получали читательские отзывы. Вот и на этот раз пришло письмо от ленинградского инженера-строителя и коллекционера Геннадия Наумовича Стронгина. Он поблагодарил журнал за публикацию и сказал, что собирает всё, что связано с Пиноккио и его русским братом Буратино. И если кто-то из сотрудников журнала или автор публикации будет в командировке в Ленинграде, то милости просим, он покажет свою коллекцию. А я как раз собирался по служебным делам в город на Неве. И естественно, отправился на встречу со Стронгиным.

Геннадий Наумович оказался необыкновенным человеком и замечательным рассказчиком. Он был блокадником и вспоминал множество историй, связанных с тем страшным и героическим временем. Рассказывал, в частности, как мальчишкой дежурил у Медного всадника, охраняя картошку и другие овощи, посаженные на земле вокруг памятника жителями осажденного города.

Он действительно оказался страстным поклонником Коллоди и его чудесной книги. У него была огромная коллекция всего, что связано с деревянным человечком: куклы, маски, марки, открытки, издания книги на всех языках, игрушки – огромное богатство. Он не только выискивал и собирал все эти вещи, но нередко и сам инициировал их создание. Например, при помощи своих знакомых заказал в Узбекистане ковер с изображением Пиноккио. Написал министру связи и добился выпуска почтовой марки с Буратино, посвященной юбилею выхода книги о деревянном человечке. Он показывал мне отдельные вещи, приносил их в гостиницу. Меня это удивило.

– А где же сама эта коллекция? – поинтересовался я.

И выяснилось, что коллекция хранится... в чемоданах под кроватью в доме у тещи на Лиговском проспекте. Дело в том, что семья Стронгина живёт в коммуналке, ему как блокаднику полагается квартира, но только однокомнатная. А ему нужна хотя бы двухкомнатная, чтобы в одной выставить свои игрушки. И тогда...

Я приехал в Ленинград взять интервью у тогдашнего директора Эрмитажа Бориса Пиотровского – мы в журнале готовили цикл статей на тему «Книга в музее». Борис Борисович совершенно замечательно меня принял и, узнав, что я много лет работал в Африке, сообщил:

– Мы сделали выставку нигерийских масок. Если вы еще не видели её, я вам с удовольствием покажу.

Он вышел из кабинета и, быстро шагая, повел меня куда-то. Помню, мы долго шли по длинным коридорам, и смотрительницы при виде директора почтительно вставали. Он показал мне коллекцию масок, ответил на все мои вопросы и, я, прощаясь, сказал:

– У меня, профессор, к вам неожиданная просьба. Что такое эрмитажная коллекция, знает весь мир. Но в нашем с вами городе (тут я немного примазался к ленинградцам) есть уникальная коллекция, о которой никто не знает.

И рассказал про Стронгина и его сокровища. Попросил:

– Если бы вы на бланке Героя социалистического труда или Академии наук СССР написали в горисполком, что по вашему мнению он должен получить на одну комнату больше, чем ему предназначено, то я думаю, это бы сработало.

Пиотровский не колеблясь согласился, мы составили такое письмо, и оно действительно сработало. Стронгин получил квартиру и успел выставить в комнате свою коллекцию, даже водил туда детей. Но он не успел насладиться новообретенным жилищем. У него было больное сердце, и он умер, будучи в командировке в Нижнем Новгороде. Сейчас его коллекция хранится в одном из петербургских музеев. Знаю, что туда ходят дети. У меня было для него приглашение от фонда Коллоди, и я надеялся организовать ему поездку на родину Пиноккио. Представляю, что бы с ним было, если бы он попал хоть в один магазин сувениров, где этот Пиноккио со всех полок кричит и показывает свой нос. Он был бы счастлив. Но, к сожалению, этого не случилось.

А мне он очень помог, этот замечательный человек Геннадий Наумович Стронгин. С его легкой руки я задумал фильм «История деревянного человечка». Написал сценарий. Снять фильм взялась режиссер Катя Андриканис. По сценарию ведущий (его играет известный артист Евгений Вестник) разговаривает с деревянным человечком. Они друг другу рассказывают судьбу деревянного мальчугана. В фильме много героев и прекрасных актёров – Булат Окуджава, Рина Зеленая, другие. Не хватало лишь хорошей куклы, которая сыграла бы самую главную роль. На помощь пришёл наш новый друг, влюблённый в Пиноккио. По его заказу в мастерских ленинградского театра кукол нам сделали чудесного деревянного мальчугана, который блистательно справился с поставленной задачей. А его «крёстному отцу» – Геннадию Стронгину мы в своем фильме выразили искреннюю благодарность. Такая вот осталась память о хорошем человеке.

Кто старое помянет...

Я уже говорил, что мне повезло: я учился в МГИМО в годы хрущевской оттепели. Об этом времени много сказано и написано. Обстановка была довольно специфическая, мне же особенно запомнился период, когда мы, будущие дипломаты, присматривались к событиям в Китае, с которым ещё недавно нас связывала, казалось, нерушимая дружба. Паролем её была песня «Сталин и Мао слушают нас...», которую с одинаковым энтузиазмом распевали в обеих странах. Но разоблачения сталинизма на XX съезде КПСС, хрущёвский курс на постепенную либерализацию в экономике при политике мирного сосуществования китайский лидер счёл изменой коммунистической идеологии, отношения начали портиться, хотя такого сильного противостояния с Китаем, который потом случился, ещё не было. До нас доходили какие-то смутные сведения о хунвейбинах – «красных охранниках», молодёжных отрядах, созданных для борьбы с противниками Мао Цзэдуна, самых активных и жестоких участниках «куль-

турной революции». Мы на все лады склоняли незнакомое слово – «хунвейбины» и вслед за Высоцким иронизировали:

И ведь главное, знаю отлично я,
Как они произносятся.
Но чтой-то весьма неприличное
На язык ко мне просится:
Хун-вей-бины...

Помню, это было в начале второго курса. У нас проходило комсомольское собрание, которое потом окрестили «собранием по китайскому методу». Что это значило? Это значило критиковать, невзирая на лица, резать правду-матку так, чтобы ослабить человека, пригвоздить его к «позорному столбу». Собрание было посвящено итогам летней практики. После первого курса она была у нас, так сказать, рабочей. Это потом, когда мы выучили языки, нас использовали как переводчиков. А тогда нас посылали на стройки – большие и маленькие, как придётся. Помню, мне как-то довелось участвовать в строительстве мостомоста через Москва-реку. А та практика, итоги которой мы обсуждали на собрании, проходила в Серебряном бору на строительстве больницы. Рабочее место было чудесное – река, лето. Естественно, после работы мы бежали купаться на канал. Было такое развлечение. И вот теперь докладчик довольно бойко приводил какие-то цифры, рассказывал, что мы выполнили такие-то нормы, построили такой-то корпус. Выступили с отчётом ещё пара человек. Мы довольно вяло слушали, с нетерпением ожидая конца собрания. И вдруг один мой товарищ, Вадим Перфильев, поднимает руку и говорит:

– Вот мы здесь выступаем, рассказываем о наших успехах. И я хочу оценить эту работу. Мы действительно хорошо работали на строительстве больницы, но я хотел бы несколько слов сказать о том, как работал Алеша Букалов. А работал он так: всегда дотягивал до обеденного перерыва, а после обеденного перерыва очень часто не возвращался на работу, потому что шел купаться на канал. Я считаю, что это неправильно и нужно об этом сказать.

У меня отвисла челюсть – да и не только у меня. Я на него посмотрел. У нас на курсе – я раньше уже упоминал об этом – было очень немного бывших школьников. В основном тогда в МГИМО пришли люди в военных гимнастёрках, успевшие понюхать фронтового пороха, или прямо от рабочего станка. И мы, салаги, дружили, держались вместе. С Вадимом мы вместе готовились в институт. Он, правда, был из французской группы. Он учился во французской школе в Москве, и мы очень ему завидовали, потому что он, еще будучи школьником, с группой одноклассников уже ездил во Францию. Это было невиданно – ведь мы дальше нашей околицы нигде не были. И вот этот мой товарищ выступает с обличительной речью.

Мне вlepили выговор по комсомольской линии. Правда, без занесения в учётную карточку или в другие какие-либо документы. Это было такое предательство, которое я с трудом пережил. Однако со временем забыл об этой истории и никогда её не вспоминал. Но о дипломатической карьере Вадима знал – мы все старались быть в курсе дел наших однокашников. А он сделал очень хорошую карьеру. Работал в посольстве в Алжире, потом в Париже, затем – в отделе печати МИДа. По рекомендации Москвы его приняли в Секретариат ООН на пост начальника отдела печати. В Америке он женился на своей коллеге из украинской делегации, родили мальчика. У него еще был старший сын. Когда закончился его контракт, он остался в США, получил очень приличную ООНовскую пенсию. Где-то сотрудничал, возможно, в какой-то газете.

Когда я был в Нью-Йорке, я ему позвонил, мы встретились и пошли пообедать. И вдруг он мне говорит:

– Ты знаешь, я разговаривал по телефону с Андреем Грачевым, он в Париже, и я сказал ему, что завтра мы с тобой увидимся.

Это был проверочный рассказ – он хотел посмотреть на мою реакцию. Я молча слушал, а он, выдержав паузу, продолжал:

– И на это Грачев спросил у меня: «Неужели после того собрания Букалов захочет с тобой встречаться?»

Я засмеялся и сказал:

– Вадим, кто старое помянет, тому глаз вон.

Мне показалось, что его как-то отпустило. Вадим, конечно, человек способный, общаться с ним было интересно. Мы договорились встретиться в ближайшее время – на 65-летию Виталия Чуркина, который был тогда постоянным представителем России при Организации Объединённых Наций и в Совете Безопасности ООН. С Виталием – он младше меня на пару лет – мы были знакомы ещё по дипломатической академии, где готовили руководящий дипсостав. Оттуда я, покинув мной любимый африканский континент, попал в европейский отдел МИДа. Потом мы виделись в Италии, он приезжал к нам в Рим, мы приятно проводили время – он остроумный, веселый человек, всё знал, всё понимал.

Теперь в предвкушении новой встречи я раздумывал – могу ли пойти на юбилей, не имея соответствующего вечернего костюма. В Нью-Йорк я приехал по личным делам и не предполагал, что попаду на мероприятие, требующее определённого дресс-кода. Поделившись своими сомнениями с Вадимом, я пошутил: «Может, возьму костюм напрокат? Или одолжу у тебя?»

Но встреча не состоялась. Виталий Чуркин скоропостижно скончался от сердечного приступа, случившегося в его рабочем кабинете. Одного дня не дожил он до своего юбилея. Вот такая драматическая смерть на посту. Почти одиннадцать лет дипломат настойчиво отстаивал интересы нашей страны в ООН. Должности, которую он занимал, не позавидуешь. Она требовала не только опыта и знаний, но и сил, терпения, убежденности в своей правоте и отменного здоровья. Сам он уподоблял труд дипломатов в постпредстве при ООН в Нью-Йорке труду сталеваров в горячем цехе, отмечая при этом, что ежедневный 12-часовой рабочий день и периодические ночные бдения на длинных и сложных заседаниях являются у них правилом, а не исключением. Чуркин был нормальный человек. Это очень высокое звание.

Центр притяжения – Венеция

В Риме мы поддерживали приятельские отношения с общими друзьями, с которыми когда-то познакомились и сблизились ещё в Москве, или с друзьями друзей, с которыми нас связывали общие интересы. Среди них оказалась переводчица и преподаватель-русист Сильвана Давидович, очаровательная женщина славянских корней. Одно время она работала в Москве, мы с ней встречались на каких-то презентациях, литературных вечерах и творческих встречах. А тот вечер, который подарила нам Сильвана, стал для меня едва ли не лучшим за все годы, проведенные в Риме.

1995 год. Сильвана пригласила нас с Галей и нашего Алёшу, приехавшего на каникулы из Вены, к себе домой на рождественский ужин. С нами пришла еще одна пара. Это был Феликс Стаевский – дипломат, тоже приятель Сильваны. В то время он был советником посольства в Риме. Мы с ним вместе учились у Юлии Абрамовны Добровольской, и это нас сблизало. Он был со своей женой Людочкой, умницей и автором замечательной книжки «Рим. Прогулки по Вечному городу». Вот такой компанией с цветами и подарками мы приехали к Сильване. Она жила в самом центре Рима, недалеко от площади с красивым названием Кампо деи Фьори – поле цветов. Чудесная старая квартира, заполненная русскими книгами, иконами, сувенирами из России, фотографиями – много знакомых лиц. У нас было много общих друзей. Среди них мы увидели снимки Мераба Мамардашвили – их с Сильваной связывали особые отношения.

Гостей в комнате ждал роскошно накрытый стол в праздничном убранстве, и тут я обратил внимание, что приборов на столе на одно больше, чем присутствующих.

– Сильваночка, мы кого-то ждем? – заинтригованный, спрашиваю я.

– Да, я позвала одного своего давнего приятеля, но он опаздывает. Давайте сядем, и он быстрее появится. Такая примета.

И правда, только мы расселись, раздался звонок. Хозяйка открыла дверь, и в комнату вошел человек с букетом цветов и бутылкой вина. Он улыбался, видно было, что человек в прекрасном настроении. Все замолчали, повернувшись к двери, и в этой тишине громко прозвучал голос Алёши:

– Мама, это же Бродский!

Действительно, на пороге стоял Иосиф Александрович. Он извинился за опоздание и сел к столу. Мы познакомились.

Он совершенно не походил на тот портрет, который сам себе создавал. Бродский искрился остроумием, блестяще рассказывал, охотно отвечал на вопросы, шутил, смеялся. И совсем не выглядел тем нелюдимым букой, каким бывал, по некоторым воспоминаниям, в незнакомой компании соотечественников. Видно было, что ему приятно находиться в этом доме, где можно просто отдохнуть душой, что он чувствует себя среди своих, среди друзей, которые его любят и понимают. Я рад, что видел Бродского счастливым.

Он пил довольно много вина, но абсолютно не был пьян. Как говорится, ни в одном глазу.

Рассказал, что только что вернулся из Венеции, где пытался купить квартиру, но быстро понял, что квартиру в Венеции он может купить только в долг. Но если покупаешь в долг, сказал Иосиф Александрович, «то покупаешь не дом, а долг». А на светский вопрос Алешки, который тоже участвовал в разговоре, что, мол, там, в Венеции, он ответил совершенно замечательным каламбуром: «Знаете, на этот раз почему-то было очень много немцев, сплошная дойче вита».

Феликс как дипломат и человек официальный, всё пытался перевести разговор на широкие международные проблемы. Но когда он вдруг начал говорить что-то пафосное про СНГ, Бродский быстро всё расставил по местам. «Да, – скаламбурил он, – это как прошлогодний СНГ...»

Мне же хотелось задать вопрос, который очень волновал меня, да и его, наверное, тоже. Тем более повод был: в 1995 году, буквально накануне этой встречи, был подписан указ о присвоении Бродскому звания Почетный гражданин Санкт-Петербурга. И я спросил:

– Иосиф Александрович, мы все, конечно, знаем эти строки «*на Васильевский остров я приду умирать*». Но вот сейчас, когда вы стали почетным гражданином нашего общего родного и любимого города, может, вам было бы интересно туда приехать?

– Ну, если отвечать честно, то скажу так: не хочу встречаться со своей первой женой.

И, наверное, поняв, что это не аргумент, добавил: «А если серьезно, не хочу приезжать богатым иностранцем в бедный город. Есть у меня такой комплекс по этому поводу. Но не знаю, может и доберусь».

Но, как известно, не добрался.

А следующая моя встреча с Бродским была трагичной – уже на его похоронах. Точнее, на перезахоронении его праха на острове Сан-Микеле в Венеции 21 июня 1997 года.

Иосиф Бродский, как известно, скоропостижно скончался в ночь с 27 на 28 января 1996 года, не дожив четырёх месяцев до своего 56-летия. 1 февраля 1996 года его отпевали в Епископальной приходской церкви Благодати неподалёку от дома, где он жил, а затем состоялось временное захоронение в склепе на кладбище при храме Святой Троицы на берегу Гудзона. Больше года ушло на решение вопроса об окончательном месте упокоения поэта. Вполне закономерно остановились на Венеции – это город, который, не считая Санкт-Петербурга, Бродский любил больше всего.

О дне похорон мне сообщила по телефону всё та же Сильвана Давидович. В это время в Риме проходил советско-итальянский семинар по культурным связям, в организации которого я участвовал. На него прибыли специалисты из России, журналисты. Все они выразили желание поехать на прощание с Бродским. В их числе был и мой школьный товарищ и давний друг Сережа Красавченко, в то время помощник президента Ельцина по культурным связям. Я взял напрокат «рафик», а Серёже поставил условие: как лицо официальное ты должен привезти венок от президента.

– Но как я это сделаю? Я же в отпуске! – возразил было он.

– Это твои проблемы, как ты это организуешь, – оборвал я.

И мы отправились в Венецию.

Утром, когда наш вапоретто причалил к острову Сан-Микеле, на пристани мы увидели главного консула из Милана с огромным венком из роскошных лилий, перевязанных лентой с надписью «Иосифу Бродскому – от президента Б. Ельцина».

Уже всё было готово к траурной церемонии, как случилось неожиданное: в вырытой могиле обнаружили кость. А значит, по существующим правилам, захоронение в эту могилу стало невозможным. И на наших глазах могильщики, этикие шекспировские персонажи, начали рыть на этом же участке другую могилу. Быть может, это было и кстати. Дело в том, что место, выделенное дирекцией кладбища для захоронения Бродского, оказалось рядом с надгробием американского поэта Эзры Паунда, который в своё время поддерживал фашистский режим, за что был официально осужден в Америке, и выступал как ярый антисемит. И один из участников прощальной церемонии, друг Бродского Евгений Рейн, горько пошутил, что поэт сам подкинул эту косточку, потому что не хотел лежать в ногах у Эзры Паунда.

Во время этой вынужденной паузы я шепнул Серёже Красавченко: «Подойди к вдове. Другого случая тебе не представится».

– А что я скажу?

– Ты помощник президента, я не могу тебя учить, что говорить.

И он пошёл к Марии Бродской-Соццани. Рядом с ней, трогательно обнимая маму за колени, стояла трехлетняя дочка Бродских. Он что-то говорил Марии, она, кивая, что-то отвечала.

Вернулся он взволнованным.

– Что ты ей сказал? – поинтересовался я.

– Сказал, что я помощник президента Ельцина. И хотя правительство, которое я представляю, не несет ответственности за те несправедливости, которые были допущены по отношению к вашему покойному мужу, я все равно прошу у вас прощение за то, что произошло тогда.

– И что она ответила?

– Сказала, что кладбище – не место для обсуждения этих тем, но я вам благодарна за эти слова.

Похоронен Бродский в той части, где покоится прах Стравинского, Дягилева, где русские могилы. Как говорится – место намоленое. На надгробии у Дягилева очень красивая надпись о Венеции. А при входе на кладбище даже есть табличка с указанием могил наших великих соотечественников. На могиле Бродского установлено скромное мраморное надгробие, его сделал большой друг поэта – художник Владимир Радунский. На обратной стороне памятника высечена замечательная латинская фраза, которая меня всегда утешает: «*Letum non omnia finit*» – «Со смертью не всё кончается».

Страстный поклонник Бродского, знаток и почитатель его творчества Юрий Михайлович Лепский, замглавного редактора «Российской газеты», написал о поэте очень хорошую книжку. Закачивается она символичным и мистическим эпизодом. Бродский, как известно, был заядлым кошатником. И вот Лепский, проходя Венецию по следам поэта, решил завершить

своё путешествие в Сан-Микеле. В связи с тем, что именно там нашел последнее пристанище Иосиф Бродский, для русских это место приобретает особое значение. Так вот, рано утром Лепский вышел на берег канала и присел на скамейку в ожидании вапоретто до Сан-Микеле. Город ещё утопал в утренней дымке, как всегда бывает в этот час в Венеции. И вдруг из этой дымки выходит огромный черный кот. Останавливается и внимательно смотрит на писателя. Тот отодвигается на край скамейки и показывает коту – садись, мол. Кот делает несколько шагов, вспрыгивает и устраивается рядом. Так они сидят вдвоем и смотрят на утренний канал. Посидев несколько минут, кот соскочил на землю и пошел в туман. Но перед тем как скрыться в тумане, оглянулся. И тогда Юра Лепский спросил: «Иосиф, это вы?». Кот повернулся и ушел.

Иосиф Бродский был самым большим знатоком и почитателем Венеции. И подобную любовь к этому волшебному городу каким-то неведомым образом впитал в себя **Петр Вайль**, боготворивший поэта. К Бродскому Вайль относился с большим пиететом, осознавая его гениальность, поэтому сохранял дистанцию. Они, кстати, всегда были на «вы». А Иосиф Александрович ценил порядочность Петра, его энциклопедические знания и любовь к поэзии. Вайль говорил: вот выйду на пенсию, перееду в Венецию и буду водить там экскурсии по маршруту «Венеция Бродского». А сейчас экскурсии по маршруту «Венеция Вайля» водит его жена – Элеонора.

О жёнах. Есть такая профессия – писательские жены. Это профессиональное качество. Не помню, насколько Лена соответствовала этому званию при жизни Петра Львовича, но она оказалась замечательной вдовой. Вся свою жизненную энергию она положила на то, чтобы опубликовать всё до последней строчки, что осталось в письменном столе у Вайля. Она полностью опубликовала все его заметки, его рассказы, все его колонки (он был колумнистом в газете), издала великолепную книгу «Гений места». Это просто подвиг. Получился интересный и всеобъемлющий обзор времени и нравов. Она поддерживала квартиру, где они жили, так, будто Пётр только что вышел и сейчас вернётся.

Мы познакомились с Петром Вайлем в Карловых Варах, на кинофестивале, куда я ездил каждый год. Он тогда работал на радиостанции «Свобода» и приезжал на фестиваль, чтобы посмотреть новые фильмы и встретиться с режиссерами, которые его интересовали. Мы начали общаться, и постепенно знакомство переросло в тёплые дружеские отношения. Я бывал у него дома в Праге, а потом они с женой купили квартиру в Венеции, и мы стали видеться чаще. Вспоминаю 1977 год, ноябрь или декабрь месяц, Биеннале диссидентов в Венеции. Это был смелый поступок со стороны итальянцев, которые не побоялись собрать в наши годы *застоя* инакомыслящих людей, ставших изгоями в нашей стране. Я в это время находился в Риме. Это был тот короткий период, когда я работал в советском посольстве в Италии до отлучения меня от дипломатической службы. По старой сомалийско-эфиопской привычке я купил телевизор и смотрел репортаж с Биеннале. Помню, он закончился выступлением Александра Галича. Это была последняя песня, которую он исполнил. Галич нелепо и трагически погиб в Париже, вернувшись из Венеции, откуда привёз какую-то необыкновенную стереосистему «Грюндиг», о которой давно мечтал. Систему ему купил мой друг Валерий Воскобойников, музыкант, пианист, тоже участник этой Биеннале. Когда её привезли в дом, рабочие сказали, что подключать её придёт специалист, но Саша не удержался и решил, не дожидаясь их, всё сделать сам. Чем всё закончилось, мы знаем.

Там же, на Биеннале, были Иосиф Бродский и Петр Вайль. Они всегда искали повод для встреч. Теперь они покоятся в одном месте – на кладбище Сан-Микеле. Правда, Вайля похоронили в колумбарии. Это на другом участке, но на одной и той же земле.

Сама история кладбища удивительна. Долгое время на острове находился монастырь, затем тюрьма, но в 1807 году во время оккупации Венеции Наполеон из санитарных соображений запретил хоронить покойников на островной части города. И специальным декретом отдал Сан-Микеле под кладбище – исключительное место для захоронения венецианцев. Глав-

ная достопримечательность острова – церковь, построенная в 1469 году, один из самых первых образцов архитектуры Возрождения в Венеции. Кладбище делится на три части: католическую, православную и протестантскую. Как и многие наполеоновские декреты, этот соблюдается и сегодня.

Каждый раз, бывая в Венеции, я прихожу в Сан-Микеле – поклониться нашим великим соотечественникам. И каждый раз со стыдом и горечью я вспоминаю историю, случившуюся с похоронами Петра Вайля.

Мне позвонила Петина вдова, Лена, которая жила в Венеции, и попросила помочь ей получить от нашего посольства письмо на разрешение похоронить мужа в Сан-Микеле. Собственно, договорённость о месте у неё была, просто для властей нужна формальность, бумага, подкрепляющая право на место, так как Вайль жил и работал в Праге. Звоню в наше посольство, мне объясняют, что «вопросами Венеции занимается генконсульство в Милане». «А кто там генконсул сейчас?» – «Парамонов». Звоню ему. И вот такой разговор.

– Здравствуйте, это Букалов.

– Здравствуйте, Алексей Михайлович.

– У меня к тебе просьба. Умер Петр Вайль, ты слышал. Там договорились о его захоронении на кладбище в Сан-Микеле, но нужна формальная записка от консульства. Я тебя прошу, сделай это. Если хочешь – пришлю тебе текст, не хочешь – сам придумаю.

– Алексей Михайлович, он же американский гражданин. Я не могу написать эту бумажку.

– Во-первых, он был и российский гражданин. Во-вторых, он был вхож во все российские дома своей передачей «Гений места», сделанной на российском телевидении. В-третьих, он колумнист российских газет. А в-четвертых, считай, что я тебе не звонил.

И повесил трубку. Мы нашли другой способ помочь вдове замечательного человека.

Венеция обладает удивительным свойством притягивать людей, влюблять их в себя. А может, эту любовь передают друг другу самые преданные её почитатели. Вот и **Паола Волкова** не устояла против её чар.

Паола была ученицей философа Мераба Мамардашвили и востоковеда Льва Гумилева и сама стала выдающимся искусствоведом, историком искусств. Человек увлеченный и потрясающей эрудиции, она была настоящим энциклопедистом. Её деятельность была так глубока и многогранна, что даже трудно определить – в какой именно области искусства она специализировалась. Я познакомился с ней через Мераба Мамардашвили, тогда они вместе работали во ВГИКе. Она тоже бывала у нас здесь, в Риме, и эти встречи превращались в настоящее духовное пиршество. С хорошим застольем, разумеется. Среди её друзей-итальянцев был знаменитый поэт, писатель, сценарист Тонино Гуэрра, друг и поклонник Андрея Тарковского. А Паола Волкова считается одним из основных мировых специалистов по творчеству этого выдающегося режиссёра.

Духовные связи соединяли её и с Львом Гумилёвым. Ее теория соприкосновения культур вполне вписывается евразийскую теорию Гумилева, которую высоко оценивают наши так называемые евроазиаты, в первую очередь казахи. Неслучайно же Евразийскому национальному университету в столице Казахстана они дали имя Л. Н. Гумилёва. Но здесь это имя ассоциируется ещё и с самыми трагическими страницами нашей истории: сын Анны Ахматовой на личном опыте испытал все ужасы советской репрессивной машины. Четыре раза он был арестован, десятки лет провёл в лагерях и ссылке. Я вспоминал об этом в одной из пастырских поездок папы Иоанна Павла II. В Астане, по дороге из аэропорта в резиденцию, папа остановился возле памятника жертвам ГУЛАГа. И помолился. А в памяти билась строчка из Ахматовского «Реквиема»: «муж в могиле, сын в тюрьме, помолитесь обо мне». Папа Войтыла помолился. На следующий день у него была лекция в университете имени Гумилева. Вот такое пересечение людей и судеб.

Скончалась Паола Волкова в Москве 15 марта 2013 года. Похоронили ее на Донском кладбище. Но часть праха по завещанию развеяли над водами Венеции. Она не раз говорила, что чувствует неразрывную связь с этим городом, его магическое притяжение.

Как я дал прикурить Станиславскому

Есть такой анекдот. Встречаются два приятеля. Оба – заядлые театралы. Один другому говорит: «Я познакомился со Станиславским. Теперь он мой лучший друг». Второй, завистливо: «Как это произошло?». – «А я дал ему прикурить».

Когда я рассказываю про своих друзей или об именитых людях, с которыми мне довелось встречаться, мне меньше всего хотелось бы, чтобы подумали, будто я примазываюсь к этим знаменитостям. Потому что одно дело друзья, другое – воспоминание о человеке, которое произвело на тебя очень сильное впечатление и каким-то образом повлияло на тебя.

В этой главке я собрал истории, которые хранит моя память как очень важные события в моей жизни. Однако я отнюдь не претендую на то, чтобы, как герой анекдота, записывать себя в близкие друзья моих замечательных современников. Главное, что такие знакомства и встречи были в моей жизни.

* * *

К подобным встречам я отношу такой подарок судьбы как визит **Владимира Высоцкого** в квартиру номер 13 в Гнездиновском переулке .

Сейчас у людей моего поколения и младше принято рассказывать о своей дружбе с Владимиром Семеновичем Высоцким. Я не могу похвастаться таким богатством, но могу вспомнить своё с ним знакомство. Мне повезло, и эта встреча навсегда осталась в памяти. Я познакомился с Высоцким благодаря... техническому прогрессу. В начале 1960-х я приехал из командировки из Сомали и единственный достойный приз, который я привез из этой командировки, был очень хороший немецкий магнитофон «Грюндиг». Как-то вечером мы с компанией друзей-актёров сидели в ВТО – не на Арбате, где он сейчас находится, а в старом здании, на углу Пушкинской площади и улицы Горького. Мы любили это место ещё со студенческих времён. Каким-то образом у нас были туда пропуска, у меня, помню, было удостоверение артиста балета. Этого было достаточно, чтобы зайти в ресторан, где кормили очень вкусно и недорого.

И вот уже ближе к полуночи – ресторан работал часов до двух ночи – вдруг открывается дверь и входит Высоцкий с гитарой. И народ так и зашептал: Высоцкий, Высоцкий. Хотя тогда он еще не был такой всесоюзно известный, был, конечно, популярен среди публики ВТО. Он служил тогда в театре имени А. С. Пушкина на Тверском бульваре, у него закончился спектакль, и он после спектакля пришел в Дом актёра. Прошел куда-то в центр зала, а мы продолжали свои разговоры, выпивали и закусывали. Буквально минут через десять он появился возле нашего стола. Поздоровался. Спросил: «А кто здесь Алексей?». «Это я», – говорю.

– Здравствуйте, очень приятно. Я – Высоцкий.

– Я знаю.

– Вот у меня, знаете... такая проблема. Я вот пишу свои песни на ужасных магнитофонах, пленка очень быстро вытягивается и невозможно слушать. А мне друзья сказали, что у вас есть магнитофон «Грюндиг», это правда?

Я удивился такой информированности, да, говорю, правда.

– А какая модель?

– Грюндиг ТК 40.

– О, это классная модель! Вот я хотел у вас попросить... Я написал новый цикл песен, нельзя ли их записать на вашем магнитофоне?

– Можно, конечно, а когда бы вы хотели?

– А сейчас нельзя?

А время уже час ночи.

– Ну, давайте, – говорю. – Пойдемте, я здесь рядом живу.

Мы собрали какую-то еду, взяли ещё бутылку, и довольно живописной группой наискосок перешли улицу Горького – подземных переходов еще не было – вошли в наш Гнездииковский переулок, где в первом же доме от улицы, на втором этаже находилась моя 13-я квартира, коммунальная, этакая воронья слободка. Вошли. Дело в том, что я был один из немногих в нашей компании, кто уже был женат и жил самостоятельно, без родителей. Мы быстро накрыли на стол, поставили микрофон. Я помню, Володя вытащил листочек бумаги и положил на кухонный стол, который заменял нам и письменный тоже. Положил с краешка, но ни разу в него не заглянул – это был список песен, которые он хотел петь. И вот начался этот знаменитый ужин, который изредка прерывался на саму трапезу, потому что Высоцкий почти всю ночь, до утра, пел совершенно замечательные песни. Это был не цикл, там были и новые произведения, которые мы, следившие за его творчеством, услышали в первый раз. Например, такая знаменитая песня, как «Штрафные батальоны», или «Мишку жалко», которую я услышал единственный раз у себя дома, потом слушал уже в записи – и то редко. Там есть такие строки:

Говорят, арестован
Добрый парень за три слова, –
Говорят, арестован
Мишка Ларин за три слова...
Вот бы вас бы послать бы,
Вот бы вас погноить бы!
Вот бы вас бы на Камчатку – на Камчатку нары дали б, –
Пожалели бы вы нашего Мишатку, порыдали б...

Такая вот замечательная рифма. Он прерывался, потом пел снова. Заметив, что он не обращается к своему листочку, я открыл ящик стола и потихонечку его туда сбросил. Не потому что считал, что у меня будет автограф, а просто на память об этом вечере. Единственное, что меня беспокоило, – это моя квартира: не взбунтовалась бы. Но когда я среди ночи выглянул в коридор и увидел своих старух-соседок, которые сидели на табуретках и слушали концерт Высоцкого, я успокоился: репрессий не будет. Володя, конечно, выпил, как и все, но пьяным не был. Во всяком случае, когда он собрался уходить, он совершенно трезво спросил:

– Алеша, здесь где-то был мой листочек, ты не видел?

Я, ни слова не говоря, открыл ящик, отдал ему листок, и автографа у меня не осталось. После этого мы поддерживали отношения. Иногда он оставлял контрамарки в театр, а я привозил экспонаты в его коллекцию – он собирал зажигалки. Я привозил экзотические зажигалки из Судана, с носорогом. Конечно, мы следили за его творческой судьбой, радовались за его поездки, за его успех.

Преждевременная смерть Высоцкого потрясла нас. Мы были на его похоронах. Это было совершенно невероятное зрелище, когда в разгар Олимпиады Юрий Петрович Любимов настоял на том, чтобы провели гражданскую панихиду в театре, а потом эта грандиозная процессия от театра к кладбищу – вся Москва провожала его...

Для меня Высоцкий был очень важен. Он и его песни. Я выделял знакомых по тому, сколько его песен они знают. У меня были совершенно неожиданные встречи и знакомства с его песнями. Помню, что первый советский посол в Сомали Геннадий Иванович Фомин, выдающийся дипломат и большая умница, бывший генеральный консул в Милане, во время какой-

то нашей общей командировки вдруг процитировал одну из песен Высоцкого. Я, признаться, был очень удивлён. Он, оказывается, слышал её от своего сына, в записи. Вообще с Высоцким у меня многое связано. Благодаря ему я познакомился и подружился со многими звездами Таганки: Валерием Золотухиным, например, с Веней Смеховым – мы до сих пор поддерживаем товарищеские отношения. И, наконец, с самим Юрием Петровичем Любимовым, с которым дружили до конца его дней. Он не раз бывал у нас в гостях в Риме, когда приезжал в Италию.

Но с Высоцким – это была особая история. Он был блестящим человеком и выдающимся поэтом. Чего за ним не признавали его товарищи по цеху. Это было очень странно, но это факт. Например, ему никто не давал рекомендацию в союз писателей, хотя казалось с таким богатым поэтическим багажом ему туда прямая дорога... Однажды мой близкий друг Асар Исаевич Эппель, поэт, переводчик, совершенно случайно встретился с Высоцким на чьем-то дне рождения, в высотном здании на Котельнической набережной. Асар человек очень скромный, сидел где-то в конце стола и по разговорам понял, что ждут Высоцкого. Володя действительно появился после спектакля, пришел, как обычно, с гитарой, все оживились. Хозяйка быстренько посадила его на свободное место напротив Асара. А тот человек не светский и не сразу сообразил, что неожиданно оказался соседом Высоцкого. А когда понял, улучив момент, сказал, извиняясь:

– Владимир Семенович, не хочу вам мешать ужинать, но такой случай может мне больше не представится... я хочу вам сказать, я вообще-то литературовед, занимаюсь теорией стихосложения, историей стихосложения. Так вот, в ваших стихах совершенно уникально употребляется (могу сейчас неправильно воспроизвести, как именно он сказал, но смысл передаю точно) выделение согласных, как никто не использовал...

– Аллитерация?

– Да, аллитерация. Мало кто так использовал её в стихосложении.

И он вдруг увидел, что Высоцкий, сразу перестав есть, внимательно на него смотрит, как бы пытаюсь понять, всерьез он говорит или издевается, или шутит. Это же застолье... Но Асар со своим честным лицом так убежденно и уважительно это сказал, что Высоцкий покраснел от удовольствия, поблагодарил и спросил:

– Вы действительно так считаете?

– Конечно.

Ему этого никто никогда не говорил. И Асар закончил этот рассказ такой фразой: я видел счастливого Высоцкого.

Однажды после моего очередного выступления на радиостанции «Эхо Москвы» (кажется, я рассказывал о памятном вечере с Высоцким в нашей 13-й квартире) из музея Высоцкого мне прислали фотографию из записной книжки Высоцкого, открытой на букве Б. Там рядом с Бернесом и другими замечательными фамилиями была фамилия Букалов Алеша и Алина. И мой московский телефон, записанный рукой Высоцкого.

* * *

С Мстиславом Ростроповичем были знакомы все. Всемирно известный артист, всеобщий кумир. Когда к нему кто-то подходил, маэстро встречал этого человека будто своего лучшего друга. Но мое жизненное везение распространилось и на знакомство с Ростроповичем. У нас были общие друзья в Москве, и все мы временами встречались в Доме композиторов или в квартире моего друга – скрипача, музыковеда и музыкального критика Евгения Баранкина, куда маэстро навещался в гости. Но эпизод, о котором я хочу рассказать, произошел в Риме.

Ростропович присутствовал на каком-то расширенном заседании в римском муниципалитете, где обсуждались планы русских вечеров и музыкальных сессий, в которых должен был принимать участие маэстро. Когда совещание закончилось и все быстро разбежались, Ростро-

пович с Галиной Павловной Вишневецкой остались одни, как неприкаянные. А время обеденное, и мы с Галей предложили им пообедать вместе. Они с удовольствием согласились. Мы отправились в небольшую тратторию в центре города. За обедом завязался непринужденный, почти светский разговор о разном. Галина Павловна спрашивала, что нового в культурной жизни Италии, и мы начали рассказывать о поездке во Флоренцию, из которой только что вернулись. Там мы присутствовали на приеме оперы «Пиковая дама» в постановке Льва Додина. И моя Галя говорит, что нам очень понравилось, – «очень необычно». Опера начинается с пролога, действие которого разворачивается в Обуховской больнице, где уже больной Герман вспоминает всю эту историю с картами, старухой и Лизой. Галина Павловна слушала, слушала... а я Гале под столом давя на ногу, чтобы вспомнила, кому она это рассказывает. Наконец, Галина Павловна, которая, думаю, раз двести исполняла роль Лизы, а потом и старухи, вдруг ее прервала и сказала:

– Знаете, это все такая ерунда, милочка. Это большая глупость. Потому что петь реальную жизнь и петь воспоминания – это совершенно другие гармонии. Это по-другому исполняется, по-другому звучит.

И раскритиковала додинскую идею совершенно, хотя у него, на мой взгляд, всё получилось очень по-пушкински. Галина Павловна говорит:

– Я понимаю, что вы отталкиваетесь от текста Пушкина. Но повесть Пушкина и опера Чайковского – это две разные вещи. Потому что у Пушкина Герман любит деньги, а у Чайковского Герман любит Лизу.

Короче говоря, раскритиковала по полной, и в этот момент ей понадобилось выйти. Когда она удалилась, Ростропович сказал:

– Вы мою жену не слушайте, она дура. Давайте лучше что-нибудь выпьем.

Мы позвали официанта, заказали граппу. Маэстро с удовольствием эту граппу выпил, я его поддержал. Через минуту вернулась Галина Павловна, внимательно посмотрела, но стаканов на столе уже не было.

Замечательный разговор про музыку и «Пиковую даму». Но вообще-то рассказывать о Ростроповиче очень трудно. Он человек живой, остроумный, его прибаутки разошлись по миру. Он дружил с моим близким другом пианистом Валерием Воскобойниковым и покровительствовал ему. А когда приезжал в Рим, то Валера, который здесь живет уже лет сорок, водил именитого гостя по Риму. Мне он рассказал очень забавный эпизод, приключившийся с ними. После концерта они зашли перекусить в ресторан. И войдя, увидели, что там играет виолончелистка, развлекает публику. Ростропович сидел, сидел, потом, не выдержав, попросил:

– Валера, а нельзя у нее отобрать виолончель?

И Валера пошел, но не к ней, а к хозяину и сказал, что в зале маэстро Ростропович, и может артистка отдохнет пока? Действительно, это было слишком смело – играть при Ростроповиче на виолончели.

* * *

В одной из творческих поездок, приуроченных к Дню поэзии, я познакомился с замечательной писательницей, переводчицей, мемуаристкой **Лидией Борисовной Либединской**. Все мы искренне любовались этой уже немолодой, но очень красивой, нарядной, элегантною женщиной с умным приветливым лицом. Вне встреч с читателями она украшала нашу поездку веселыми анекдотами «из жизни животных», как сама говорила, исполненными тонкого юмора и доброты. Она знала их бесконечное множество и гениально рассказывала. Вот такой, например. Про слона. Сидит слон в кресле перед телевизором, смотрит футбол. В разгар матча – звонок в дверь. И Лидия Борисовна показывала, как слон тяжело поднимается, идет к двери, смотрит в глазок; не увидев никого, вновь садится в кресло, продолжает смотреть футбол.

Опять звонок – и так три раза. Наконец он открывает дверь, осматривается и видит – на звонке сидит комар. «Это ты что ль звонишь? – спрашивает слон. – «Ну, я». – «А что тебе нужно?». – «Слониха дома?». – «Нет». – «Передай ей, что Эдик прилетал».

И это «Эдик прилетал» стало для нас своего рода паролем, знаком принадлежности к определённому дружескому кругу. После этой поездки Лидия Борисовна любезно пригласила нас к себе в гости, в знаменитый писательский дом в Лаврушинском переулке, рядом с Третьяковкой. В ее квартире на стене я увидел грамоту о дворянстве. Отец Лидии – Борис Дмитриевич был в родстве с Львом Николаевичем Толстым, сама она Льву Толстому приходилась внучатой племянницей. В советское время отец работал в Госплане, а в 1937 году был арестован за своё графское происхождение и погиб в лагере в Красноярском крае. Мать Лидии – писательница Татьяна Толстая, печатавшаяся под псевдонимом Вечорка.

Лидия Борисовна не любила говорить о своем дворянстве, и в постсоветское время даже отказалась войти в Российское дворянское собрание, которое основали наследники русских дворянских родов. Но её аристократичность проявлялась во всём: в благородстве, в ровном отношении ко всем людям, независимо от их положения – без чиновничества или превосходства, без тени панибратства, в прекрасной русской речи. Либединскую связывали личные отношения с Цветаевой, Ахматовой, Пастернаком и многими другими знаменитыми современниками, и как она чудесно рассказывала о каждом из них!

В 21 год Лидия вышла замуж за известного советского писателя Юрия Либединского. Тогда же в московских газетах опубликовала первые стихи уже под новой фамилией, с которой и вошла в литературу. Но позже, закончив Литературный институт, стала писать только документальную прозу – реальную жизнь она считала куда интереснее любых вымыслов. В тридцать восемь лет она осталась вдовой с пятью детьми, но не потеряла ни своего невероятного оптимизма, ни трудоспособности. Она переводила литературу народов СССР, публиковала мемуары, написала книги о Герцене, Огареве и декабристах, Горьком и Блоке, занималась литературным наследием мужа. Никто никогда не видел ее раздраженной, обозленной на что-то или на кого-то. Стала знаменитой уже растиражированная фраза Либединской: «Пока мы злимся на жизнь, она проходит». Хлебосольный дом Лидии Борисовны был настоящим интеллектуальным салоном Москвы. К тому же хозяйка прекрасно готовила и с удовольствием поила-кормила гостей в своей кухне, увешанной расписными досками и ложками.

Я познакомился здесь с поэтом **Игорем Губерманом**, автором сатирических четверостиший – знаменитых «гариков». К тому моменту, когда мы встретились, он уже жил в Израиле и временами навещался в Москву. Я с большим интересом за ним наблюдал – он был персонажем совершенно легендарным, великолепно рассказывал свои замечательные шутки-байки. Он был зятем Лидии Борисовны, которую нежно называл «тёщенька». Их связывала крепкая дружба. «Когда я был в ссылке, теща каждый год приезжала к нам в Сибирь», – вспоминал Игорь. В 1979-м его по сфальсифицированному обвинению судили как уголовного по статье за спекуляцию и приговорили к пяти годам лишения свободы. Любимой теще Игорь Губерман посвятил такие строки, написанные в свойственной ему юмористической манере: «Зятя в слезах про тещ галдят, /а наша – лучше не отыщешь/ Ни в Сан-Франциско, ни в Мытищах, /ни в Африке, где тещ едят».

Была у Лидии Борисовны тайная гордость – музей-усадьба Блока в Шахматово. Она, знаток и почитательница Серебряного века, не могла, конечно, лично знать Блока, но написала о нем очень личную книгу и положила много сил, чтобы возродить к жизни шахматовские руины. Я вспоминаю её необыкновенный рассказ о том, как она на пепелище блоковской усадьбы, сожжённой озлобленными крестьянами в 1921 году, подобрала осколок кирпича и привезла Чуковскому. «Я ни разу не выбрался туда к Блоку, а ведь он меня приглашал...», – с горечью сказал писатель. И Лидия Борисовна с тоской произнесла: «Корней Иванович, неужели

никогда не восстановят этот дом?» Он ответил: «Лида, в России надо жить долго». Это было в середине 1960-х годов.

Теперь в прихожей блоковского дома-музея на стене висит памятная доска, на которой выбиты имена тех, кто боролся за восстановление Шахматова и добился этого. Там есть имя и Лидии Борисовны Либединской.

* * *

В 2005 году на международной конференции в Турине, посвященной 20-летию перестройки в СССР, мне впервые и единственный раз довелось столкнуться с нашим поэтом **Евгением Евтушенко**. Он выступал на этой конференции, выйдя трибуну в своем знаменитом красном пиджаке. А потом всех участников повезли ужинать в бывший загородный королевский дворец. Кормили нас вкусно, еда была замечательная. И компания тоже была отличная. Мы сидели отдельно за столиком – я, Пумпянский, Грачев, с удовольствием ужинали. К нам подошел Михаил Сергеевич Горбачёв, который был в числе организаторов конференции, и пожурил: «Ребята, что же вы так... мы же за духовной пищей сюда приехали». Пошутил.

После ужина гостей отвезли в отель, километров за тридцать. Организовано, надо сказать, всё было очень хорошо. К подъезду подходили заранее заказанные такси, дежурные с повязками рассаживали гостей по машинам. Заметив, что в одном такси есть свободное место, я сажусь и вижу, что впереди, рядом с водителем, сидит Евтушенко, а рядом со мной дочка Елены Боннэр. Я поздоровался, они продолжают разговор. Все немножко выпили, поэтому речи довольно эмоциональны. Евтушенко возмущённо говорит о том, что американцы мало платят за университетские лекции. Такие мерзавцы. Дочка Боннэр слабо отнекивалась, а я был не в теме – никогда не преподавал в США, я только что-то кричал, но неважно. Важно, что мы вместе доехали до города, вошли в отель, я остановился около портье, чтобы подождать своих товарищей, договориться о завтрашней программе. Евтушенко еще возбуждённо раздавал автографы и приветствия, потом прошел мимо меня – спать. Я попрощался: «Евгений Александрович, спокойной ночи!». Он посмотрел на меня и сказал: «Пошел на фиг!». И ушел. А я подумал: мне будет что рассказать своим внукам о великом поэте, и никто не обвинит меня в том, что я не общался с Евгением Евтушенко.

Он, конечно, был по-своему сложный человек. И неожиданный. Я был на станции Зима, где, как уверяет сам Евтушенко, он родился. Мама ездила туда на вызов и взяла меня с собой. Мы поехали на санях. Меня оставили в доме, я ждал, пока мама вернётся. Я сидел у окна и смотрел на деревянный дом напротив. Начался ураган. Этот дом поднялся и перелетел на несколько метров, а деревья согнулись параллельно земле. Было страшно. Вот это я видел. Так что я знаю, какая она бывает, – зима на станции Зима. Кстати, по некоторым данным Евтушенко родился в Нижнеудинске, тоже в Иркутской области, а «Зима» – это просто он выбрал красивое литературное название. Ну что ж, такому поэту простительно. Хотя, надо отдать должное, – он лучше всех рассказал о похоронах Сталина. И что я буду помнить всегда – это «танки идут по Праге... Танки идут по правде»... Нужно иметь большое мужество, чтобы написать такое.

* * *

Нередко журналистские командировки преподносят неожиданные встречи и открытия. Так случилось у меня в Эфиопии, куда я ездил для освещения столетнего юбилея госпиталя Российского Красного креста. Госпиталь открылся в 1898 году – это было первое лечебное учреждение в стране. А его предшественником стал санитарный отряд, созданный двумя годами раньше. В конце XIX века Эфиопия была единственной африканской страной, сумев-

шей сохранить свою независимость и дать отпор итальянским колонизаторам. В этой войне за независимость Эфиопия несла большие потери. Героическая борьба эфиопов вызвала в России горячее сочувствие. Вот тогда в помощь раненым и больным Российский Красный крест и отправил в эту африканскую страну санитарный отряд – докторов, санитаров, студентов-медиков, сестёр милосердия. А потом в Аддис-Абебе открылся Русский госпиталь.

Вот на такое событие я приехал в страну, в которой когда-то был на дипломатической службе и которую любил. К этому времени здесь уже не было ни императора Хайле Селассие I, с которым мне доводилось встречаться, ни свергнувшего его Хайле Мариама Менгисту, одного из лидеров эфиопской революции и президента страны. Он отличался страшной жестокостью, не щадил даже своих соратников. Известен, например, такой случай. В военный комитет Дерг, который взял на себя функции главного органа власти страны, входил один из лидеров Эритреи, желавшей получить независимость. Как-то на заседании комитета этот человек что-то возразил Менгисту, и тот в ответ тут же пристрелил оппонента. Об этом все знали. Помню, как-то я ехал по делам и увидел в городе странную картину. Вдоль улицы у столбов, на которых висели репродукторы, толпились люди и с ужасом – это было видно – слушали последние новости. Оказалось, что диктор читал фамилии эфиопских аристократов, расстрелянных по приказу Менгисту. Хотя население Эфиопии приветствовало свержение монархии, для черни, это были, конечно, священные имена. Но народу объявили, что старую аристократию смели одним ударом.

Так вот, в этот приезд я заглянул со своим приятелем в ресторан и вдруг увидел там **Афеворка Текле**, самого знаменитого африканского художника. Мы с ним были знакомы. Я следил за его творчеством, бывал у него в мастерской, и не только в Аддис-Абебе, но и на озере Тана. Я подошел к Афеворку, мы тепло поздоровались, обнялись. Я, разумеется, поинтересовался, как его дела. Судьба Текле очень интересна. Он был, что называется, найденыш. Его подобрал Хайле Селассие, взял во дворец и, увидев дарование мальчика, отправил его учиться в Европу – Текле окончил факультет изящных искусств Лондонского университета – а потом дал возможность масштабно работать. Вскоре имя его стало всемирно известным. Кстати, Текле – первый африканский мастер, удостоенный звания Почётного члена Академии художеств СССР.

Я знал, что Менгисту очень не любил художника, обласканного его врагом-императором. Правда, убить знаменитого живописца не отважился, но наказал в своём стиле – жестоко. Он разместил в его мастерской своих солдат, а Афеворка отправил в конюшню и лишил возможности работать. И вот теперь Текле рассказал мне, как был убит его покровитель Хайле Селассие. Я об этом написал в журнале «Новое время» – никто еще этой информации не имел. Он сказал, что к императору пришли солдаты и просто задушили его подушкой, и Менгисту распорядился закатать тело в полу его рабочего кабинета – там мраморный пол. Чтобы он, Менгисту, каждый день ходил и попирал его ногами. Потом, уже при падении Менгисту, прах, конечно, был извлечён оттуда и похоронен в императорском храме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.